

Рудольф Штайнер

Из Акаша-Исследования. Пятое Евангелие

Rudolf Steiner
Aus der Akascha-Forschung. Das Fuenfte Evangelium
GA 148

Содержание:

Из Акаша-Исследования. Пятое Евангелие

Предисловие переводчика

Христиания (Осло), Первый доклад, 1 Октября 1913

Христиания (Осло), Второй доклад, 2 Октября 1913

Христиания (Осло), Третий доклад, 3 Октября 1913

Христиания (Осло), Четвертый доклад, 5 Октября 1913

Христиания (Осло), Пятый доклад, 6 Октября 1913

Пятое Евангелие

Кельн, Первый доклад, 17 Декабря 1913

Кельн, Второй доклад, 18 Декабря 1913

Указания

Из Акаша-Исследования. Пятое Евангелие

Предисловие переводчика

Перевод с немецкого сделан с пятого издания (Дорнах, 1992) сборника циклов докладов Рудольфа Штайнера, сделанных в 1913 году и изданного под общим названием "Из Акаша-Исследования. Пятое Евангелие (Aus der Akascha-Forschung. Das Fünfte Evangelium)". Сборник докладов составлен из циклов сделанных в Христиании (5 докладов), Берлине (6 докладов), Гамбурге (1 доклад), Штутгарте (2 доклада), Мюнхене (2 доклада), Келне (2 доклада). Данный перевод включает только первый и последний циклы докладов, причем перевод является не литературным, но дословным. Такой перевод читается во многих местах совсем не по-русски, поэтому переводчик заранее приносит извинения за трудность чтения, ошибки и неточности перевода.

Перевод, Июнь 2002.

cat@salomon.at

Христианиа (Осло), Первый доклад, 1 Октября 1913

Тема, о которой я в эти дни задумал говорить, является мне в отношении сегодняшнего времени и сегодняшних взаимосвязей как совсем особенно важная. Я хотел бы с самого начала подчеркнуть, что это не соответствует примерно какому-нибудь желанию сенсации и аналогичным вещам, что тема прямо имеет содержание: Пятое Евангелие. Ибо я надеюсь мочь показать, что на деле о некоем таком Пятом Евангелии в некоем известном смысле и именно в некоем таком смысле, который нам особенно должен быть важным в наше настоящее время можно говорить и что для того, что с этим подразумевается, на деле никакое другое имя не подходит лучше, чем имя: "Пятое Евангелие". Это Пятое Евангелие, ведь, как вы услышите, в некоем писании сегодня еще не есть в наличии. Но оно будет быть конечно в будущие дни человечества также в совсем определенном писании в наличии. В некоем известном смысле, однако, можно было бы сказать, есть это Пятое Евангелие так древне, как четыре другие Евангелия.

Чтобы, однако, я мог говорить об этом Пятом Евангелии, есть необходимо, чтобы мы сегодня в некоем роде введения изъяснимся о некоторых важных пунктах, которые для полного понимания того, что мы отныне желаем наименовать Пятое Евангелие, есть необходимы. И именно хотел бы я исходить из того, что совсем наверняка время не лежит далеко, в которое уже в нижайших школах, уже в примитивнейших преподаваниях наука, которую обычно именуют история, будет слушать нечто другое, чем она доньше слушала. Это будет, совсем наверняка - и следующие дни должны это известным образом доказать - это будет, совсем наверняка, Христос-Понятие, Христос-Представление в исторических рассматриваниях будущего играть некую совсем другую, более важную роль, чем они доньше играли. Я знаю, что я с этим предложением собственно высказываю нечто колоссально парадоксальное. Обдумаем мы однако-же, что мы ведь можем пойти назад и вообще не в так далеко

лежащие назад времена, в которые неисчисляемые сердца в некоем интенсивном способе свои чувства и ощущения направляли к Христу среди наипростейших как и среди образованнейших обитателей западных стран Европы, больше, чем это сегодня есть такой случай. В некоем колоссально значительной мере, было это в раннее время такой случай. Кто удерживает обзор в писательстве настоящего, тот поразмыслит о том, что интересует главным образом современного человека, к чему привязывается его сердце, тот будет иметь впечатление, что энтузиазм, взволнованность ощущения для Христос-Представления есть в убывании, особенно в убывании здесь, где делают претензию на некое известное следующее из времени образование. Здесь является вполне парадоксом, когда как я равно подчеркнул, это наше время работает на то, что Христос-Представление в рассмотрении истории человечества в некоем не далеком будущем сыграет некую много более значимую роль, чем это был такой случай доньше. Не является ли это быть неким совершенным противоречием?

Теперь, пожелаем мы однажды приблизиться к этой мысли с некоей другой стороны. Я также здесь в этом городе уже часто позволял себе говорить о значении и содержании Христос-Представления. И в книгах и циклах, которые здесь располагаются, найдете вы многостороннейшие высказывания из глубин Духо-науки о тайнах Христос-Существа и Христос-Представления. Каждый должен здесь получить мнение, что если он то, что в докладах, циклах и в нашем писательстве вообще говорится примет в себя, что к полному пониманию Христос-Существа принадлежит некая крепкая, великая снаряженность, что должно привлечь глубочайшие понятия, представления и идеи к совету, когда желают воспарить к полному пониманию того, что есть Христос и что есть Импульс, который как Христос-Импульс прошел через столетия. Можно бы наверное даже, когда ничто другое не говорило бы против, прийти к представлению, что должно сперва узнать целую Теософию или Антропософию, чтобы воспарить к некоему верному представлению Христа. Если мы, однако, не взирая на это вглянем на Духовное развитие истекших столетий, здесь выступит нам напротив от столетия к столетию то, что наличествует при обстоятельной, глубоко-обоснованной науке, которая должна быть определена, чтобы понять

Христоса и его явление. Также здесь могло бы из этого теперь явиться, как если только наизначимым интеллектуальным деятельностью человека было бы достаточно, чтобы понять Христоса. Есть это на деле так? Это есть не так, об этом может нам некое совсем простое взвешенное размышление доставить доказательство.

Положим мы однажды как бы на некие Духовные весы все то, что впредь при учености, науке также при Антропософском понимании Христос-Понятии привнесло в добавок к тому, чтобы понять Христоса. Положим мы это все на одну весовую чашу неких Духовных весов и положим мы на другую чашу в наших мыслях все глубокие чувства, всю сердечность (Innigkeit) в Душах людей, которые через столетия направляли себя к тому, что называют Христос, и найдут, что вся наука, вся ученость, сама вся Антропософия, которую мы можем донести для объяснения Христоса, в весовой чаше неожиданно ускорится, и все глубокие чувства и ощущения, которые люди направляли к Христос-Существо, к явлению Христоса, другую весовую чашу глубоко, глубоко вниз вдавит. Говорят не слишком много, когда утверждают, что некое огромное воздействие исходило из Христоса, и что самое наименьшее к этому воздействию привнесло знание о Христосе. Это обстояло бы с Христианством верно плохо, если бы люди, чтобы примкнуть к Христосу, нуждались бы во всех ученых разбирательствах Средневековья, Схоластики и Церковных отцов, или если люди только нуждались бы также только во всем том, что мы сегодня можем вынести через Антропософию для понимания Христос-Идеи. Что располагали бы с этим, было бы истинно верно малым. Я не верю, что кто-либо, кто непредвзято рассматривает путь Христианства через столетия насквозь, может против этим мыслям возразить нечто серьезное. Но мы можем к этим мыслям еще с некой другой стороны точнее приблизиться.

Позволим мы взору изогнуться назад во времена, в которые еще не было никакого Христианства. Я нуждаюсь только напомнить то, что конечно большинству здесь находящихся Душ есть полностью современно. Я нуждаюсь только напомнить, как в древней Греции греческая трагедия, особенно в ее древних формах, когда она изображала борющегося Бога, или человека в чьей Душе действовал борющийся Бог, как бы как со сцены вниз непосредственно

делала наглядным Божественное царение и вплетенность (Walten und Weben). Я нуждаюсь только указать как Гомер (Homer) (#1) свою поэзию совсем провплел деяниями Духовного, я нуждаюсь только указать на великие облики Сократа (Sokrates) (#2), Плато (Plato) (#3), Аристотеля (Aristoteles) (#4). С этими именами выступает перед нашими Душами некая Духовная жизнь высшего рода на некой известной области. Если мы не взираем на все остальное и взглянем только к одному облику Аристотеля, который столетия действовал до основания Христианства, так выступает нам напротив то, что известным способом не испытывает никакого повышения, никакого дальнейшего образования вплоть до внутрь в наше время. Мышление, образование человеческой логики через Аристотеля есть нечто так колоссально совершенное также сегодня еще, что можно сказать, он достиг нечто высочайшее в человеческом мышлении, так что некое повышение доньше не совершалось.

И теперь желаем мы на некое мгновение выставить некую достопримечательную гипотезу, которая необходима для следующих дней. Мы желаем представить, что не было бы никаких Евангелий, из которых мы могли бы что-либо узнать об облике Христи (Christi). Мы желаем однажды принять, что первые пра-возвещения, которые человек сегодня как Новый Завет (Neues Testament) берет в руки, вообще не было бы в наличии, желаем помыслить, что не было бы вообще никаких Евангелий. Мы желаем в известной мере не взглядывать на то, что сказано об основании Христианства, желаем только рассматривать путь Христианства, как некий исторический факт, желаем видеть, что свершилось среди людей насквозь через после-Христианские столетия; итак без Евангелий, Апостоловских историй (Apostelgeschichte), Павловских посланий (Paulusbriefe) и так далее, желаем мы только рассматривать, что действительно свершилось. Это естественно есть только некая гипотеза, но она поможет нам к тому, что мы желаем достичь. Что, теперь, свершилось во времена, которые протекли до и с основания Христианства?

Если мы сначала бросим взор на Южную Европу, то имеем мы в некоем известном временном пункте наивысшее человеческое Духовное образование, как мы его равно вызвали перед Душой в его представителе Аристотеле, высоко-развитую Душевную жизнь, которая в последующие

столетия испытывала еще некое особое образование. Да, существовали во время, в которое Христианство начало проделывать свой путь через Мир, в Южной Европе многочисленные гречески образованные люди, люди, которые приняли греческую Духовную жизнь. Если проследят вплоть до одного достопримечательного человека, который был неким таким интенсивным противником Христианства, Цельсус (Celsus) (#5) и позднее еще развитие Христианства, то найдут в Южной Европе на греческом и итальянском полу-острове вплоть до второго, третьего после-Христианского столетия людей с высочайшим Духовным образованием, многочисленных людей, которые усвоили высокие идеи, которые мы находим у Платона, чье остроумие действительно извлекается как некое продолжение остроумия Аристотеля, утонченных и сильных Духов с греческим образованием, Римлян (Rцmer) с греческим образованием, которые к некой утонченной Духовности Гречества (Griechentums) вставляют вдобавок агрессивное, личное Римлянства (Rцmertums).

В этот Мир вбивается Христианский импульс. В то время жил Христианский импульс так, что мы можем сказать, представители этого Христианского импульса извлекаются истинно как необразованные люди, в отношении интеллектуальности, в отношении знания о Мире, напротив тому, что несли в себе многочисленно образованные римско-греческие люди. В середину, в некий Мир чистейшей интеллектуальности проталкиваются люди без образования. И теперь переживаем мы некую достопримечательную сценическую игру: Распространяют эти простые, примитивные натуры, которые есть носители первого Христианства, это Христианство с некой относительно-мерной быстротой в Южной Европе. И если мы сегодня с тем, что мы, скажем мы через Антропософию можем понять о сущности Христианства, подступаем к этим простым, примитивным натурам, которые в то время распространяли Христианство, то позволительно нам себе сказать: Эти примитивные натуры ничего не понимали из сущности Христа - мы не нуждаемся вообще ни разу думать о великих Космических Христос-мыслях, которые сегодня должны восходить через Антропософию, мы можем думать о много более простых Христос-мыслях - тогдашние носители Христианского импульса, которые проталкиваются в греческую высокоразвитую образованность, ничего не

понимали из этого всего. Они не имели ничего принести на рынок греческо-римской жизни, кроме как их личную сердечность (Innerlichkeit), которую они образовали себе как их личную взаимосвязь к любимому Христу; ибо они любили как некий член некой любимой семьи именно эту взаимосвязь. Те, которые в тогдашнее Гречество и Римлячество вносили Христианство, которое образовывалось далее вплоть до внутри в наше время, это не были образованные Теологи или Теософы тогдашнего времени, Гностики хотя поднимали себя к высоким идеям о Христе, но они имели также только мочь дать то, что мы должны положить на подскакивающую вверх весовую чашу. Приходилось бы главное на Гностиков, Христианство, конечно, не взяло бы своего победного шествия через Мир. Это не была никакая особо образованная интеллектуальность, которая проталкивалась с Востока и в относительно-мерной быстроте принесло Гречество и Римлячество к упадку (Sinken). Такова есть вещь, рассматривая с одной стороны.

С другой стороны рассматривая, видим мы высоко стоящих интеллектуальных людей, от Цельсуса, врага Христианства, который тогда уже преподнес все, что можно сегодня еще сказать против, вплоть до философа на троне, Марк Аврелий (Mark Aurel) (#6). Рассмотрим мы утонченно-образованных Неоплатоников, которые вынесли тогда идеи, напротив которым сегодня философия есть некая детская игра, и которые наши сегодняшние идеи превосходят в высоте, в широте лицезрительных кругов. И рассмотрим мы все, что эти Духи имели преподнести против Христианства, и проникнем мы себя с тем, что эти, интеллектуально высоко-стоящие в греческом и римском Духе, имели преподнести против Христианства с пункта стояния греческой философии, то получим мы впечатление: они все не понимали Христос-Импульс. Мы видим, что Христианство расширяется через носителей, которые из сущности Христианства ничего не понимают; оно противоборствуется некой высокой культурой, которая ничего не может понимать из того, что означает Христос-Импульс. Достопримечательно вступает Христианство в Мир, так что приверженники и противники ничего не понимают из его собственного Духа. И однако-же: люди носили в Духе силу, чтобы этот Христос-Импульс донести к победному шествию через Мир.

И рассмотрим мы тех, которые выступают за Христианство с некой известной величием, как известный Церковный отец Тертуллиан (Tertullian) (#7). Мы видим в нем некоего Римляна, который на самом деле, если мы схватим во взоре его язык, есть почти некий ново-творец римского языка, который с некой меткой уверенностью отчеканивает новые слова, которые позволяют распознать некую значимую личность. Если мы себя однако спросим: Как обстоит это с Христос-Идеей Тертуллиана? - здесь будет дело по-другому. Здесь найдем мы, что он собственно, показывает верно мало интеллектуальности, Духовной высоты. Также защитники Христианства приносят не много к осуществлению (zustande). И однако-же, они есть действительны, как личности действительны, такие Духи как Тертуллиан, на чьих основаниях образованные Греки действительно не много могли дать. Не смотря на это действует он увлекающе; но через что? Это есть то, на что приходится главное! Чувствуем мы, что здесь действительно ставится некий вопрос пред Душой! Через что действуют носители Христос-Импульса тогда, которые сами из того, что Христос-Импульс собственно есть, понимают не много? Через что действуют Церковные отцы, само вплоть до Оригенеса (Origenes) (#8), у которых видна неловкость в отношении понимания Христос-Импульса? Что есть это, что сами те, взошедшие вплоть до некой такой высоты греческо-римского образования, не могли понять о сущности Христос-Импульса? Что есть это все?

Но, пойдем мы далее. То же самое явление встретится нам вскоре в некоем еще более заостренном способе, если мы рассмотрим историческую жизнь. Мы видим, как приходят столетия, в которых Христианство расширяется в пределах Европейского мира среди народов, которые как германские происходят из совсем других религиозных представлений, которые как народы есть одно, или по меньшей мере кажутся быть одно со своими религиозными представлениями и которые однако-же с полной силой приняли Христос-Импульс, как если он был их собственная жизнь. И если мы рассмотрим наидейственнейших веро-посланников в германских народах, были это схоластически-теологически образованные люди? Совсем и вообще нет! Это были те, которые с относительно-мерно примитивной Душой

втягивались среди людей и в примитивном способе, с самыми всеближайшими, повседневнейшими представлениями говорили к людям, но непосредственно захватывали их сердца. Они понимали чтобы установить слова так, что они могли затронуть глубочайшие струны тех, к которым они говорили. Простые люди тянулись во все области, и прямо таковые действовали наизначимейше.

Так видим мы расширение Христианства через столетия насквозь. Затем, однако, удивляемся мы, как равно то же самое Христианство становится наизначимейшей ученостью, наукой и философией. Мы недооцениваем не эту философию, но сегодня желаем мы однажды обратить взор на то своеобразное явление, что Христианство расширяется вплоть до внутрь в Средневековье среди людей, которые вплоть доньше выносили в своей душевности (Gemüte) совсем другие формы представлений, так что оно вскоре принадлежало их Душам. И в не вовсе отдаленном будущем будут подчеркивать еще некоторое другое, если будут говорить о расширении Христианства. Когда говорят о действенности Христианского импульса, можно стать легко понятным тогда, когда говорят о том, что в некое определенное время как бы плоды расширения Христианства показывают себя так, что можно сказать: из этого расширения Христианства исходило вдохновение. Но когда мы приходим в новые времена, здесь является приглушенным то, что мы насквозь через Средневековье могли рассматривать как расширяющееся Христианство.

Рассмотрим мы время Коперника (Copernikus), время зарождающейся естественной науки вплоть до внутрь в девятнадцатое столетие. Могло бы явиться, что как если эта естественная наука, то что начиная с Коперника вработывалось в западную Духовную жизнь, работало против Христианства. Внешние факты могли бы это подкрепить. Католическая церковь, например, установила Коперника вплоть до внутрь в двадцатые годы девятнадцатого столетия на так называемый Индекс (Index) (#9). Она рассматривала Коперника как врага. Это не препятствовало все-же, что Коперник был каноник (Domherr). И если Католическая церковь сожгла также Джиордано Бруно (Giordano Bruno) (#10), так это не препятствовало тому, что он был доминиканец (Dominikaner). Оба равно из Христианства

пришли к своим идеям. Они действовали из Христианского импульса. Тот понимает дело плохо, который желал бы держаться и веровать на основе Церкви, что это не были якобы плоды Христианства. Будет через приведенные факты только доказано, что Церковь плоды Христианства поняла очень плохо; ей нужно было время вплоть до внутри в девятнадцатое столетие, чтобы увидеть, что идеи Коперника нельзя подавить через Индекс. Тот, кто вещи видит глубже, будет должен все-же признать, что все, что народы сделали также в новых столетиях, есть некий результат, некий итог Христианства, что через Христианство взор человека обратился от Земли в Небесные дали, как это свершилось через Коперника и Джордано Бруно. Это было только возможно в пределах Христианской культуры и через Христианский импульс.

И для того, кто рассматривает Духовную жизнь не на поверхности, но в глубинах, для того выдается нечто, что когда я это сейчас выскажу, явится верно парадоксальным, но однако-же правильным. Для некого такого глубокого рассмотрения является именно невозможным, что некий Геккель (Haeskel) (#11) возник бы так, как он здесь стоит во всей своей Христос-враждебности без того, чтобы он возник бы из Христианства. Эрнст Геккель (Ernst Haeskel) без предустановления Христианской культуры вообще не возможен. И целое новое естественно-научное развитие, если оно также еще так очень усердствует, чтобы развить враждебность к Христианству, вся эта новая естественная наука есть некое дитя Христианства, некое прямое продолжение Христианского импульса. Человечество, когда сперва детские болезни новой естественной науки совсем сброшены, уже увидит, что это означает, что исходный пункт новой естественной науки, консеквентно (konsequent) проследованный, действительно вводит в Духовную науку, что существует совсем консеквентный путь от Геккеля в Духовную науку (#12). Когда это поймут, также увидят, что Геккель есть насквозь и насквозь Христианская голова, также если он сам ничего не знает об этом. Христианские импульсы не только преподнесли то, что себя называет и называло Христианским, но также то, что как некая враждебность ведет себя (geriert) против Христианства. Должно исследовать вещи не только по их понятиям, но по их реальности, тогда придут уже к этому познанию. Из

Дарвинистского учения о развитии ведет, как вы в моем небольшом писании о "Реинкарнация и Карма (Reinkarnation und Karma)" (#13) можете видеть, некий прямой путь к учению о повторяющихся Земных жизнях.

Чтобы, однако, стоять на правильном основании в отношении к этим вещам, должно мочь непредвзято наблюдать в некоем известном способе воцарение Христианского импульса. Тот, кто понимает Дарвинизм и Гекккелизм (Darwinismus und Haeckelismus) и кто сам немного проникнут тем, о чем Гекккель еще вообще ничего не знает - Дарвин (#14), однако, знал еще некоторое - что эти оба движения были только как Христианские движения возможны, кто это понимает, приходит совсем консеквентно к реинкарнационной идее. И кто может привлечь на помощь некую известную ясновидческую силу, тот приходит на этом пути совсем консеквентно к Духовному пра-источнику человеческого рода. Это есть хотя некий окольный путь, но, когда приходит вдобавок ясновидение, некий правильный путь от Гекккелизма к Духовному пониманию Земного происхождения. Но также тот случай есть мыслим, что берут Дарвинизм, как он себя предлагает, без того однако чтобы быть проникнутым жизненными принципами Дарвинизма самого; с другими словами: когда принимают Дарвинизм как некий импульс и ничего не чувствуют в себе из некоего глубокого понимания Христианства, это все-же располагается в Дарвинизме, тогда приходят к нечто очень своеобразному. К тому можно прийти, что такая Духовная устроенность Души одинаково мало понимает из Христианства и из Дарвинизма. Можно тогда быть также покинутым добрым Духом Христианства как и добрым Духом Дарвинизма. Имеют, однако, добрый Дух Дарвинизма, тогда пусть есть еще так материалистичны, тогда приходят все дальше назад в Земной истории вплоть до к пункту, где распознают, что человек ни разу не развивался из низших животных форм, что он должен иметь некое Духовное происхождение. Приходят назад к пункту, где созерцают человека как Духовное существо как бы воспаряющим над Земным миром. Консеквентный Дарвинизм приведет к этому. Есть, однако, покинуты своим добрым Духом, тогда приходят чтобы верить, если идут назад и являются неким приверженцем реинкарнационной идеи, что однажды сами жили как обезьяна (#15) в какой-нибудь инкарнации Земли самой. Когда могут этому верить, тогда должны быть

покинутым вполне как добрым Духом Дарвинизма как также Христианства, тогда должны из обоих ничего не понимать. Ибо ни разу не может случиться некому консеквентному Дарвинизму, чтобы в это верить. Это называется, должно совсем внешним способом реинкарнационную идею перенести на эту материалистическую культуру. Ибо можно современному Дарвинизму конечно разоблачить его Христианственность (Christlichkeit). Не делают этого, то найдут, что вплоть до внутрь в наше время Дарвинистские импульсы были рождены из Христос-Импульса, что Христианские импульсы также здесь действуют, где их отрицают. Так имеем мы явление, что Христианство в первые столетия расширяется не взирая на ученость и знание приверженцев и признанников, что оно расширяется в Средневековье так, что высочайше мало могли к этому привнести ученые Церковные отцы и схоластики, но мы имеем в наше время еще парадоксальное явление, что Христианство возникает, как в своем противо-образе в материализме нашей сегодняшней естественной науки, и все величие, всю свою действенную силу все-же имеет из Христианских импульсов. Христианские импульсы, которые расположены в ней выведут эту науку сами собой за материализм.

Странно есть это с Христианскими импульсами! Интеллектуальность, знание, ученость, познание кажутся вообще не быть при расширении этих импульсов. Совсем нечто другим кажется его расширение обуславливается в Мире. Можно бы сказать, что Христианство расширяется, что бы также люди ни думали за или против, да даже так, что оно как в некой противоположности перевернуто является в современном материализме. Что расширяет себя тогда здесь? Христианские идеи не есть это, Христианская наука не есть это. Можно бы еще сказать, моральное чувство расширяет себя, которое было всажено через Христианство. Но взглянут только на воцарение морали в эти времена и найдут некоторое правомерным из того, что может быть исчислено при ярости представителей Христианства против действительных или мнимых врагов Христианства. Также мораль, которая могла царить в Душах, которые интеллектуально не высоко образованны, не сможет нам очень импонировать, если мы ее схватим во взоре также здесь, где она действительно мыслит наиболее Христиански. Что расширяет себя тогда здесь? Что есть это странное? Что

есть это, что идет в победном шествии через Мир? Спросим мы об этом Духовную науку, ясновидческое сознание! Что царит в необразованных людях, которые проталкиваются с Востока на Запад в высоко образованное Гречество и Римлянство? Что царит в людях, которые в германский, в чуждый мир привнесли Христианство? Что царит в современной материалистической естественной науке, где учение свое лицо как бы еще скрывает? Что царит во всех этих Душах, когда это не есть интеллектуальные, ни разу даже моральные импульсы? Что есть это тогда? - Это есть Христос сам, который от сердца к сердцу, от Души к Душе тянется, который тянется через Мир и может действовать, равнозначно понимают ли его Души или нет через это развитие в беге столетий!

Мы вынуждены не взирать на наши понятия, на всю науку и указывать на реальность, чтобы показать, как полнотаинственно сам Христос странствует во многих тысячах импульсов, принимая облик в Душах, погружаясь во многие тысячи и тысячи и преисполняя людей через столетия. В простых людях есть это сам Христос, который шагает через греческий и итальянский Мир, который на Запад и на Север все больше захватывает человеческие Души. У позднейших учений, которые германским народам приносят Христианство, есть это сам Христос, который им странствует к Душам. Он есть это, действительный, истинный Христос, который странствует по Земле как Душа Земли самой, который от места к месту, от Души к Душе тянется и совсем равнозначно, что Души думают о Христе, втягивается в эти Души. Некое тривиальное сравнение хотел бы я использовать: Как много существует людей, которые вообще ничего не понимают из совместного составления средства питания и которые все-же питаются по всем правилам искусства. Это было бы все-же собственно к изголоданию, если бы должно было бы познать средства питания, прежде чем ими можно было бы питаться. Себя-питать-уметь не имеет ничего поделать с пониманием средства питания. Так имело расширение Христианства по Земле ничего поделать с пониманием, которое выносили напротив Христианству. Это есть своеобразное. Здесь царит некая тайна, которая может быть прояснена только через то, что дадут ответ на вопрос: Как царит Христос сам в человеческих душевностях? И когда теперь Духовная наука, ясновидческое рассмотрение ставит себе этот вопрос, тогда будет оно сначала направлено на

событие, которое в основе может быть разоблачено только через ясновидческое рассмотрение, которое внешне на самом деле стоит в полном созвучии со всем, что я сегодня говорил. Некое мы увидим, что в будущем все больше должно будет быть понято: Время прошло, в которое Христос действовал так, как я именно охарактеризовал и время пришло, где люди должны будут понять Христа, должны будут познать.

Поэтому есть это необходимо, также ответить себе на вопрос, почему нашему времени предшествовало другое, в которое Христос-Импульс мог расширяться без того, чтобы к этому было необходимо понимание, без того, чтобы люди со своим сознанием были при этом. Некое событие было это, через которое это было возможно! И событие, к которому ясновидческое сознание указывает, есть так называемое событие Пятидесятницы (Pfingstereignis), распространения Святого Духа. Отсюда было это, что сначала ясновидческий взор, который подвижим был через действительный Христос-Импульс в Антропософском смысле, был направлен на это событие Пятидесятницы, распространения Святого Духа. Ясновидчески рассматривая есть это событие Пятидесятницы, что себя сначала предлагает исследованию, которое будет вестись с некоего известного лицезрительного пункта.

Что свершилось в то мгновение Мирового развития на Земле, которое нам почти непонятно сначала как снисхождение Святого Духа на Апостолов излагается? Когда обращают ясновидческий взор исследуя, на то, что здесь собственно свершилось, тогда получают некий Духовно-научный ответ на то, что подразумевается с тем, что говорится: Простые люди, как ведь были также Апостолы, начинают неожиданно говорить различными языками то, что они из глубин Духовной жизни имели сказать, и что им не предполагалось способным. Да, однажды начало Христианство, Христианские импульсы так расширяться, что они стали независимыми от понимания людей, в чьи душевности они расширялись.

Из события Пятидесятницы изливается затем поток Христос-Силы по Земле, который был охарактеризован. Что

было тогда событие Пятидесятницы? Этот вопрос подступает к Духовной науке и с ответом на этот вопрос, с Духовно-научным ответом на вопрос: Что было событие Пятидесятницы? - начинается Пятое Евангелие и с этим желаем мы завтра продолжить наши рассуждения.

Христиания (Осло), Второй доклад, 2 Октября 1913

С так называемого события Пятидесятницы должно начать при этом рассмотрении. В первом докладе я уже наметил, что взор ясновидческого исследования сначала должен быть по крайней мере направлен на это событие. Ибо это событие представляет себя, назад направленному ясновидческому взору так, как некий род пробуждения, которое ощутили те личности неким известном днем, о котором равно событие Пятидесятницы должно напоминать, личности, которых обычно Апостолами или учениками Христа Иисуса именуют. Это есть не легко, вызвать некое точное представление всего этого, ведь без сомнения, особенного явления, и мы будем должны напомнить себе уже о некотором так сказать в под-основах наших Душ, что могло выдаться нам из прежних Антропософских рассуждений, если мы желаем соединить точные представления со всем тем, что прямо об этой теме нашего цикла докладов сегодня есть сказать.

Как пробужденные приходились себе Апостолы, как люди, которые в это мгновение имели ощущение, что они долгое время - многие дни насквозь - в некоем им необычном состоянии сознания якобы жили. Это было действительно нечто как некий род пробуждения из некоего глубокого сна, все-таки некоего достопримечательного, сновидчески-исполненного сна, как из некоего сна, который однако есть так - я замечаю подчеркнуто, я говорю всегда о роде, как это являлось сознанию Апостолов - что исполняют при этом все внешние отправления дня, как телесно здоровый человек обходится, так что в известной мере также другие люди с которыми обходятся, у некоего вообще не видят, что он находится в некоем другом состоянии сознания. Однако-же наступил временной пункт, где это Апостолам так пришлось,

как если они некое долгое, днями длящееся время проживали как в некоем сновидчески-исполненном сне, из которого они теперь пробудились с этим событием Пятидесятницы. И это пробуждение, уже это чувствовали они в некоем своеобразном способе: они чувствовали действительно, как если из Миро-вселенной снизошло вниз на них нечто, что можно было бы назвать субстанцией всецарящей Жизни. Как, как бы оплодотворенные сверху вниз через всецарящую Любовь и как пробужденные из изложенного сновидческого состояния жизни, так чувствовали себя Апостолы. Как если через все то, что как пра-источную силу Любви, которая пронизывает и прогревает Миро-вселенную, они были пробуждены, как если эта пра-источная сила Любви погрузила бы себя в Душу каждого отдельного, так приходились они себе. И другие люди, которые их могли наблюдать, как они теперь говорили, приходились им совсем чужеродно. Они знали, эти другие люди (Menschen), что это были люди (Leute), которые доньше в некоем чрезвычайно простом способе жили, из которых все-таки некоторые в последние дни вели себя как-то особенно, как сновидчески-потерянные. Это знали. Теперь, однако, приходились они людям как превращенные: как люди, которые на самом деле достигли некий совсем новый настрой, некое совсем новое настроение Души, как люди, которые узкость жизни, всю своекорыстность (Eigensüchtigkeit) потеряли, которые завоевали некое бесконечно широкое сердце, некую охватывающую толерантность во Внутреннем, некое сердечное понимание для всего, что есть человеческого на Земле, которые могли так выразить себя, что каждый, кто здесь был, понимал их. Ощущали как бы что они могли созерцать в каждое сердце и Душу и из глубочайшего Внутреннего угадывали тайны Души, так что они каждого могли утешить, могли сказать то, что он прямо нуждался.

Это было естественно удивительно для этих наблюдателей, что некое такое превращение могло произойти с неким числом людей. Эти люди сами, однако, которые как бы через Дух Любви Космоса были пробуждены, эти люди чувствовали теперь в самих себе некое новое понимание, чувствовали некое понимание для того, что все-таки разыгралось в теснейшем сообществе с их Душами, что они однако тогда, как это разыгралось, не поняли: Только теперь, в это мгновение, так как они чувствовали себя оплодотворенными

Космической Любовью, наступило перед их Душевым оком некое понимание для того, что собственно свершилось на Голгофе. И если мы взглянем в Душу одного из этих Апостолов, того, который обычно в других Евангелиях именуется Петр, то представляется его Душевное внутреннее для созерцающего назад ясновидческого взора так, что его земное нормальное сознание в то мгновение было как бы как полностью оборванное, с того мгновения, который в других Евангелиях обычно описывается как отречение. Он смотрел на эту сцену отречения, как он был вопрошаем, имеет ли он некую совместную связь с Галилеянином (Galilder) и он знал теперь, что он тогда это отрек, потому что его нормальное состояние начало приглушаться, потому что расширялось некое аномальное состояние, некий род сновидческого состояния, которое означало некую отрешенность в некий совсем другой Мир. Ему было это так при этом празднике Пятидесятницы, как некому при пробуждении утром и здесь вспоминают о последних событиях вечером перед засыпанием; так вспоминал Петр о последних событиях, прежде чем вступило аномальное состояние, о том, что обычно именуют отречение, трех-кратное отречение, прежде чем прокукарекал петух. И затем вспомнил он, что над его Душой расширилось то состояние так, как для спящего расширяется ночь. Однако он вспомнил также, как то промежуточное состояние наполнялось не голыми сновидческими образами, но образованиями, которые представляли некий род высшего сознания, которые представляли некое со-переживание чисто Духовных дел. И все, что свершилось, что Петр как бы проспал с того времени, это выступило как из некоего ясно-созерцаемого сновидения перед его Душой. Прежде всего научился он созерцать событие, о котором можно действительно сказать, он его проспал. Он пережил его не своим пониманием, потому что к полному пониманию для этого события было необходимо оплодотворение со все-царящей Космической Любовью. Теперь, где это последовало, выступили ему пред глазами образы Мистерии Голгофы. Так выступили они ему перед глазами, как мы их опять-таки можем пережить, если мы их можем бодрственно вызвать с созерцающим назад ясновидческим сознанием, если мы установим для этого условия.

Часто стояло: с неким чувством, которое есть всецело своеобразно, решаются отчеканить в словах то, что

открывает себя ясновидческому сознанию, когда созерцают в сознание Петра и других, которые были собраны при празднике Пятидесятницы. С некой священной робостью только можно решиться говорить об этих вещах. Можно было бы сказать, что почти пре-одолены сознанием, вступают в наисвященнейшую землю (Boden) человеческого созерцания, когда пытаются выразить в словах, что открывается здесь Душевному взору. Однако-же является это из известных пред-условий нашего времени необходимым говорить об этих вещах; все-таки с полным сознанием, что придут другие времена, чем есть наши, в которые будут больше понимания приносить напротив тому, что должно быть сказано о Пятом Евангелии, чем могут это уже сегодня. Ибо чтобы понимать многое из того, что при этом деле должно быть сказано, должна человеческая Душа еще освободить себя от некоторых вещей, которыми она всецело необходимо из временной культуры должна сегодня еще себя наполнять.

Прежде всего устанавливается, когда ясновидчески созерцают назад на событие Голгофы, перед ясновидческим взором нечто, что - если схватить это в словах - выглядит, как некий род оскорбления современного естественно-научного сознания. Однако-же чувствую я себя вынужденным так хорошо пока это идет, отчеканить то в словах, что представляется итак ясновидческому взору. Я ничего не могу поделаться с тем, если то, что здесь должно быть сказано, должно как бы выдвинуться внутрь в мало подготовленные душевности и Души и целое было бы раздуто как нечто, что напротив научным рассматриваниям, которые теперь господствуют в настоящее время, не могло бы устояться. Прежде всего падает ясновидческий взор на образ, который представляет реальность, которая также в других Евангелиях отмечена, которая, однако, предлагает некий совсем особый вид, когда это как бы видят выступившим из наполненности образов, которые ясновидческий взор может получить при созерцании назад. Этот ясновидческий взор падает действительно на некий род затмения Земли. И чувствуют, как в это полно-значимое мгновение, которое удерживается насквозь часами, как здесь физическое Солнце было затемнено над землей Палестины, над местами Голгофы. Имеют такое же самое впечатление, которое Духовно-научно обученный взор теперь уже может после-проверить, когда действительно некое внешнее Солнечное затмение идет через землю (Land). Для Душевного взора выглядит целое

окружающее людей во время некоего такого более или менее сильного Солнечного затмения следующим образом. Здесь выглядит все совсем по-другому. Я хотел бы не взирая на тот вид, который предлагается при некоем Солнечном затмении всех вещей, которые преподнесли человеческое искусство и человеческая техника, ибо требуется некая известная крепкая душевность и некая проникновенность (Durchdringenseins) сознанием необходимости что это все должно было возникнуть, чтобы вынести демонический вид, который предлагается теми существами, которые во время Солнечного затмения поднимаются из внешней лишенной искусства (kunstlosen) техники. Однако я не желаю входить дальше в это изложение, но только обратить внимание на то, что в некое такое время является полно-ясным то, что иначе можно достичь только через очень тяжелую медитацию: Видят тогда все растительное и животное по-другому, каждая птица, каждая бабочка выглядит тогда совсем по-другому. Замечают некое приглушение жизне-чувства. Это есть нечто, что в глубочайшем смысле может вызвать убежденность, как тесно совместно зависит в Космосе некая известная Духовная жизнь, которая принадлежит к Солнцу и которая в том, что видят в Солнце, как бы имеет свое физическое тело, с жизнью на Земле. И получают чувство, когда физической жизни насильственно будет затемнено физическое свечение Солнца через выступающую Луну, то есть это совсем по-другому, чем когда Солнце только не светит ночью. Совсем по-другому есть это для наблюдающего Душевного взора вид нас окружающей Земли во время некоего Солнечного затмения, чем во время некоей голой ночи. Чувствуют во время некоего Солнечного затмения примерно как некое поднятие (Aufstehen) Групповых-Душ растений, Групповых-Душ животных, напротив, как некое тускло-становление (Mattwerden) всей физической телесности растений и животных. Наступает нечто, как некое светло-становление (Hellwerden) всего того, что есть Духовно, что представляет Групповая-Душевность (Gruppenseelenhaftigkeit).

Это все представляет себя в некоей высшей мере, когда ясновидческий взор в созерцании назад взглядывает на мгновение Земной эволюции, которое мы описываем как Мистерия Голгофы. И тогда выныривает нечто, что можно было бы назвать: учатся читать, что этот достопримечательный природный знак, это неожиданно наступившее затмение Солнца, которое обращенный назад

ясновидческий взор созерцает в Космосе, что это собственно означает. Я ничего не могу поделать с тем, когда я вынужден некое чистое природное событие, как это естественно раньше и позднее также имело место, прямо в этом пункте Земной эволюции в оккультном писании так читать - в противоречии со всем современным материалистическим сознанием - как это именно непосредственно производит впечатление. Как если открывают некую книгу и читают писание, так чувствуют себя, когда имеют перед собой это событие, так что некому как из письменного знака выходит навстречу то, что должно читать. Так выходит некому навстречу из этого письменного знака Космоса необходимость, что должно бы читать, что должно бы научиться узнавать. Как некое, в Космосе написанное слово, приходится это некому, как некий гласящий знак (Lautzeichen) в Космосе.

И что читают тогда, когда открывают ему свою Душу? Я обратил внимание вчера как в Греческое время внутрь, человечество развило себя так, что оно в Плато и Аристотеле возшло к некому совсем особому образованию интеллектуальности человеческой Души. Во многом отношении то знание, которое было достигнуто Плато или Аристотелем, в позднее время вообще не могло быть обогнано, ибо для интеллектуальности человечества в известном отношении с этим наступило некое наивысшее. Можно многое познать, когда это действительно познают. И когда ясновидчески наблюдающая Душа, наблюдает время Палестины, созерцает как это интеллектуальное знание, к которому человечество развило себя, которое прямо во время Мистерии Голгофы на Греческом и Итальянском полуострове стало колоссально популярным через странствующих проповедников, когда это все схватывают во взоре, как это знание расширилось неким родом, как это себе сегодня вообще не могут представить, тогда получает это ясновидчески наблюдающая Душа возможность некого впечатления, которое извлекается, как некое чтение того названного, в Космос установленно письменного знака. Говорят себе тогда, когда так вовлекли ясновидческое сознание: Это все, что человечество собралось здесь при знании, для чего оно себя возвысило в до-Христианское время, для этого есть некий знак Луна, которая для Земного лицезрительного пункта идет через Миро-вселенную и поэтому Луна, потому что для всего высшего познания

человечества это знание вело себя не как раскрывая, как загадку разрешая, но для высшего познания как затемняя так, как Луна затемняет Солнце при некоем Солнечном затмении. Это читают, когда читают оккультный письменный знак Солнца, которое затемнено Луной.

Тогда знают: Так выступало все знание тогда не объясняя, но Мировую загадку затемняя и чувствуют как ясновидящий затемнение высших, собственно Духовных регионов Мира через знание древнего времени, которое уставляет себя перед действительным познанием как Луна перед Солнцем при некоем Солнечном затмении. И внешнее природное событие становится выражением для того, что человечество достигло некую ступень, в пределах которой из самого человечества черпаемое знание уставляло себя перед высшим познанием как Луна перед Солнцем при некоем Солнечном затмении. Душевное затемнение человечества в пределах Земной эволюции чувствуют вписанным в некое колоссальное знамение оккультного писания в Космосе в некоем затмении Солнца в момент Мистерии Голгофы. Я говорил, что современное сознание это может ощутить как некое оскорбление, когда высказывают так нечто, потому что оно не имеет более никакого понимания для царения Духовных сил в Мире-вселенной, которые стоят в совместной связи с тем, что царит в человеческой Душе как силы. Я не желаю говорить в обычном смысле о чуде, о некоем нарушении законов природы, но я не могу по-другому, как вам сообщить, как должно читать то затмение Солнца - как могут ничто другое, как со своей Душой установить себя перед затмением Солнца, как бы читая, что отпечатано через это природное событие: С Лунным знанием наступило некое затемнение напротив высшему Солнечному посланию.

И затем - после того как прочли это оккультное писание - устанавливается на самом деле перед ясновидческим сознанием образ вознесенного креста на Голгофе, повисшего на нем тела Иисуса между обоими разбойниками. И устанавливается - и я позволю себе вполне вставить в скобках, чем больше обороняются против этого образа, тем сильнее устанавливается он - устанавливается образ снятия с креста и возложения в гроб. Теперь выступает некий второй властный знак, через что опять как вписывается в Космос нечто, что равно должно прочесть, чтобы понять как некий

символ того, что в эволюции человечества собственно свершилось: Прослеживают образ снятого с креста Иисуса, который возлагается в гроб и затем будут насквозь потрясены, когда направляют Душевный взор туда, в Душу некоего Землетрясения, которое прошло через ту местность.

Наверное увидят однажды лучше совместную связь того затмения Солнца с этим Землетрясением также естественно-научно, ибо известные учения, которые сегодня уже, но безсовместно-связно протягиваются через Мир, показывают некую совместную связь между Солнечным затмением и Землетрясением и даже рудничными газами (schlagenden Wettern) в горных разработках. То Землетрясение было неким следствием Солнечного затмения. То Землетрясение сотрясло гроб в который был положен труп Иисуса - и был напроць оторван камень, который был положен сверху, и некая трещина была разорвана в Земле, и труп был принят трещиной. Через дальнейшее сотрясение трещина была опять закрыта над трупом. И как люди пришли утром, был гроб пуст, ибо Земля приняла труп Иисуса; только камень лежал еще здесь, отброшенный прочь.

Проследим мы еще раз ряд образов! На кресте Голгофы умирает Иисус. Затмение прорывается над Землей. В открытый гроб положен труп Иисуса. Некое сотрясение потрясает насквозь Земную почву и труп Иисуса принимается Землей. Через сотрясение образованная трещина закрывается, камень отбрасывается рядом. Это все есть действительные события; я не могу по-другому, как их так излагать. Пусть люди, которые из естественной науки желают приблизиться к таким вещам, судят как им угодно, преподносят все возможные основания против: Это, что видит ясновидческий взор, есть так, как я это изложил. И если некто желал бы сказать, такое нечто не могло бы свершиться, что из Космоса как в некоем властном языке знаков устанавливается некий символ для того, что нечто новое вовлеклось в эволюцию человечества, если некто желал бы сказать, так не вписывают Божественные власти то, что свершается, в Землю с неким таким языком знаков как некое затмение Солнца и некое Землетрясение, то я мог бы только возразить: Во всем почтении к вашей вере, что это не может быть так! Но это все-же свершилось, это сбылось! - Я могу себе помыслить, что примерно некий Эрнест Ренан

(Ernest Renan) (#16), который ведь своеобразную "Жизнь Иисуса (Leben Jesu)" написал, пришел и сказал бы: В такие вещи не верят, ибо верят только в то, что позволяет себя любое время опять установить в эксперименте. - Но помышление не является исполнимым, ибо например не верил ли бы некий Ренан в Ледниковое время (Eiszeit), хотя уже невозможно через эксперимент опять установить Ледниковое время? Это все-же совсем конечно невозможно, чтобы принести опять через Землю Ледниковое время и однако-же верят в это все естество-исследователи. Так есть это также невозможно, что этот, однажды свершившийся Космический знак при событии Гоглофы когда-нибудь опять выступит перед людьми. Все-же однако это свершилось.

Мы можем к этому событию только продвинуться, когда мы проложим ясновидчески путь, который я отметил, когда мы прежде всего примерно углубимся в Душу Петра или некого другого Апостола, которые при празднике Пятидесятницы чувствовали себя оплодотворенными все-царящей Космической Любовью. Только, когда мы созерцаем в Души тех людей и видим здесь, что эти Души пережили, находим мы на этом окольном пути возможность, взглянуть на вознесенный на Голгофе крест, на затмение Земли к тому времени и на сотрясение Земли, которое за этим последовало. Что во внешнем смысле это затмение и это сотрясение были совсем природным событием, это насквозь не отрицается; что, однако, для тех, кто эти события прослеживает ясновидчески, читает эти события так, как я их изложил, как властные знаки оккультного писания, это должно быть решительно высказано тем, кто установил к этому условия в своей Душе. Ибо на самом деле было то, что я теперь изложил для сознания Петра, нечто, что выкристаллизовалось на поле долгого сна. На поле, перекрещенного через некоторые образы, сознания Петра восходят например: на Голгофе вознесенный крест, затмение и сотрясение. Это были для Петра первые плоды оплодотворения со все-царящей Любовью при празднике Пятидесятницы. И теперь знал он нечто, что он ранее со своим нормальным сознанием действительно не знал: что событие Голгофы имело место и что тело, которое повисло на кресте, было тем же самым телом, с которым он часто в жизни странствовал. Теперь знал он, что Иисус умер на кресте и что это умирание собственно было неким рождением, рождением того Духа, который как все-царящая

Любовь излилась в Души при празднике Пятидесятницы собравшихся Апостолов. И как некий луч пра-вечной, эонической Любви чувствовал он в своей Душе пробужденного Духа как того же самого, который был рожден, как Иисус умер на кресте. И колоссальная истина погрузилась в Душу Петра: Это есть только видимость, что на кресте исполнилась некая смерть, в истинности была эта смерть, которой предшествовало бесконечное страдание, рождением того для целой Земли, что как в некоем луче теперь проникло в его Душу. Для Земли было со смертью Иисуса рождено то, что ранее все-сторонне было в наличии вне Земли: все-царящая Любовь, Космическая Любовь.

Такое некое слово видимо легко высказать абстрактно, но должно некое мгновение действительно установить себя в эту Петра-Душу, как она ощущала, в этот момент в самый первый раз ощущала: Земле было нечто рождено, что ранее было в наличии только в Космосе, в мгновение, как Иисус из Назарета умер на кресте на Голгофе. Смерть Иисуса из Назарета была рождением все-царящей Космической Любви в пределах Земной сферы.

Это есть в известной мере первое познание, которое мы можем вычитать из того, что мы именуем Пятое Евангелие. С тем, что в Новом Завете именуется происхождением, изливанием Святого Духа, подразумевается то, что я теперь изложил. Апостолы не были пригодны через их целый тогдашний Душевный настрой это событие смерти Иисуса из Назарета по-другому со-продумать, как в некоем аномальном состоянии сознания.

Еще некий другой момент своей жизни должен был Петр, также Иоанн (Johannes) и Иаков (Jakobus) припомнить, тот момент, который также в других Евангелиях изложен, который нам, однако, только через Пятое Евангелие в своем полном значении только может стать понятным. Тот, с которым они странствовали по Земле, привел их к горе Елеонской (Цlberge), к саду Гефсимании (Gethsemane) и сказал: Бдите и молитесь! - Они, однако, уснули и теперь знали они: В тот раз уже пришло то состояние, которое все больше и больше расширялось над их Душами. Нормальное сознание заснуло, они погрузились в сон, который длился во

время события Голгофы и из которого излучилось то, что я в спотыкающихся словах попробовал изложить. И Петр, Иоанн и Иаков должны были вспомнить, как они впали в это состояние и как теперь, как они взглядывали назад, просветлялись великие события, которые разыгрались вокруг земного тела того, с кем они странствовали вокруг. И постепенно, как погруженные сновидения, так всплывали истекшие дни в сознании и Душах Апостолов. Во время этих дней они это все со-пережили не с нормальным сознанием. Теперь всплывало это в их нормальном сознании и то, что всплывало, это было целое время, которое они со-пережили с события Голгофы вплоть до праздника Пятидесятницы, оставалось погруженным в под-основах их Душ. Это чувствовали они, как это время им приходилось как некое время глубочайшего сна. Особенно десять дней с так называемого Небесного восхождения (Himmelfahrt) вплоть до праздника Пятидесятницы приходилось им как некое время глубочайшего сна. Обрато-созерцательно однако восходило им день за днем время между Мистерией Голгофы и так называемым Небесным восхождением Иисуса Христа. Это они со-переживали, это восходило однако только теперь и неким совсем достопримечательным способом.

Извините вы, если я здесь включу некое личное замечание. Я должен признаться, что я сам в высшей мере был поражен, как я воспринял, как это восходило в Душах Апостолов, что они пережили во время между Мистерией Голгофы и так называемым Небесным восхождением. Это совсем достопримечательно, как это вошло, всплыло в Душах Апостолов. - Здесь всплывал в Душах Апостолов образ за образом, и эти образы говорили им: Да, ты был ведь вместе с тем, кто умирал или умер на кресте, ты ему ведь встречался. - Так, как утром при пробуждении вспоминают о сновидении и здесь знают, ты был ведь в этом сновидении совместно с этим или тем, так восходили как сновидения в Душах Апостолов воспоминания. Но совсем своеобразным было, как отдельные события восходили в сознании. Всегда должны были они спрашивать себя: Да, кто есть тогда это, с кем мы здесь были вместе? - И они не распознавали его всегда опять-таки и опять-таки. Они чувствовали, это есть некий Духовный облик; они знали, они наверняка в этом сновидо-образном состоянии странствовали с ним вокруг, но они не распознавали его в облике, в котором он им теперь восходил, после оплодотворения со все-царящей Любовью.

Они видели себя странствующими с тем, кого мы именуем Христос по Мистерии Голгофы. И они видели также, как он действительно в тот раз давал им учения о царстве Духа, как он их наставлял. И они учились понимать как они сорок дней с этой сущностью, которая была рождена на кресте, ходили вокруг, как эта сущность - из Космоса в Земле рожденная всецарящая Любовь - была их учителем, как они однако со своим нормальным сознанием не были зрелыми чтобы понять, что эта сущность имела сказать, как они с подсознательными силами своих Душ должны были это принять, как они как ночные-лунатики (Nachtwandler) ходили рядом с Христосом и не могли принять с обычным рассудком, что эта сущность имела им дать. И они слушали его во время этих сорока дней с неким сознанием, которое они не знали, которое только теперь в них проникало, после того как они проделали событие Пятидесятницы. Как ночные-лунатики слушали они. Как Духовный учитель являлся он им и наставлял их в тайнах, которые они только могли понять, тем что он их отрешил в некое совсем другое состояние сознания. И так видели они теперь только: Они были с Христосом, ходили с воскресшим Христосом. Теперь, однако, распознавали они только, что с ними свершилось. И через что распознавали они, что это действительно был тот, с кем они в теле до Мистерии Голгофы ходили вокруг? Это свершилось следующим способом.

Предположим мы, такой некий образ выступает теперь после праздника Пятидесятницы перед Душой одного Апостола. Он видел, как он странствовал с Воскресшим, как Воскресший обучал его. Но он не распознавал его. Он видел хотя некую Небесную, Духовную сущность, но он ее не распознавал. Здесь вмешался некий другой образ. Некий такой образ смешался с чисто Духовным образом, который представлял некое переживание Апостолов, которое они действительно проделали с Христосом Иисусом до Мистерии Голгофы. Здесь была некая сцена, где они чувствовали себя как обучаемыми тайнам Духа, Христосом Иисусом. Но они не распознавали его. Они созерцали себя напротив стоящими этой Духовной сущности, которая их обучала и с тем что они так распознавали, превратился этот образ, тем что он одновременно прямо-удерживался, в образ Вечери (Abendmahles), которую они со-пережили с Христосом Иисусом. Представьте себе действительно, что такой некий Апостол имел перед собой сверх-чувственное переживание с

Воскресшим и как на заднем плане действуя, образ Вечери. Здесь сперва распознали они, что это есть тот же самый, который их обучал в совсем другом облике, который он принял после Мистерии Голгофы. Это было некое полное совместное излияние воспоминаний из состояния сознания, которое как бы было неким сновидческим состоянием, с образами воспоминаний, которые были предшествующими. Как два образа, которые покрывали себя, переживали они это: Один образ из переживаний после Мистерии Голгофы и один до таковой как проясняемый из времени, прежде чем их сознание было так помрачено, что они более не сопереживали, что здесь разыгрывалось. Так распознали они, что эти два существа совместно принадлежат: Воскресший и Тот, с кем они однажды до относительно-мерно короткого времени странствовали вокруг в теле. И они говорили себе теперь: Прежде чем мы итак были пробуждены через оплодотворение со все-царящей Любовью, были мы как лишены нашего обычного состояния сознания. И Христос, Воскресший был с нами. Он как бы не зная принял нас в свое царство, странствовал с нами и разоблачал нам тайны своего царства, которые теперь, после Мистерии Пятидесятницы, как в сновидении пережитые, всплывают в нормальное сознание.

Это есть то, что переживают как поражаться-вызванному (Staunen-Hervorrufendes): Это совпадение всегда одного образа некого переживания Апостолов с Христом после Мистерии Голгофы с одним образом до Мистерии Голгофы, который они действительно нормально зная в физическом теле пережили с Христом Иисусом.

Мы сделали с этим начало, чтобы сообщить, что позволяет себя прочесть в так называемом Пятом Евангелии и мне позволено в конце этого первого сообщения, которое я имел сделать сегодня, наверное высказать вам некую пару личных слов, которые наряду с этим фактом все-же равно должны быть высказаны. Я чувствую себя в известной мере обязанным, чтобы говорить об этих вещах. То, однако, что я хотел бы сказать, есть следующее: Я знаю очень вполне, что мы в настоящее время живем в некоем таком времени, в котором подготавливается некоторое для следующего Земного будущего человечества, и что мы в пределах нашего - теперь Антропософского - общества как бы должны себя

чувствовать как те, кому восходит некое предугадывание, что в Душах людей есть нечто подготовить для будущего, что должно быть подготовлено. Я знаю, придут времена, в которые еще совсем по-другому, чем наше сегодняшнее время нам позволяет, может будет говорено об этих вещах. Ибо мы все есть ведь дети времени. Придет однако близко будущее, в которое можно будет подробнее, точнее говорить, в которое наверное некоторое из того, что сегодня только наметочно-образно может быть распознано, много, много более точнее можно будет распознать в Духовной хронике бытия. Такие времена придут, если также сегодняшнему человечеству это приходится так невероятно. Однако-же прямо из этого основания, предрасполагается некое известное обязательство, чтобы уже сегодня говорить об этих вещах. И если это мне также стоило некоего известного преодоления, чтобы прямо говорить об этой теме, так перевесило ведь все-же обязательство напротив тому, что в наше время должно подготовиться. Это привело к тому, чтобы в первый раз прямо у вас здесь говорить об этой теме.

Когда я говорю о преодолении, то схватывайте вы это слово действительно так, как оно высказывается. Я прошу подчеркнуто то, что я прямо при этом деле имею сказать, действительно только охватить, как некий род подвижения, как нечто, что совсем наверняка в будущем много подробнее, точнее сможет быть говорено. И слово преодоление поймете вы лучше, если вы мне позволите подчеркнуть некое личное замечание: Это есть мне насквозь ясно, что для Духовного исследования, которому я предал себя, сначала некоторые есть чрезвычайно трудно и полно усилия, чтобы достать из Духовного писания Мира; прямо вещи этого рода! И я вообще не удивлялся бы если слово "наметочно-сть", которое я употребил, имело бы некое еще много более тяжелое и широкое значение, чем это наверное теперь требуется быть схваченным. Я совсем не желаю сказать, что я сегодня уже есть в состоянии все точно сказать, что представляется в Духовном писании. Ибо прямо я чувствую некоторые трудности и усилие, когда дело идет о том, чтобы образы, которые соотносят себя на тайны Христианства, достать из Акаша-Хроники. Я чувствую усилие, чтобы принести эти образы до необходимой плотности, мочь их прочно удерживать, и рассматриваю это в известной мере как мою Карму, что мне было наложено обязательство сказать то, что я равно высказываю. Ибо совсем без сомнения имел бы я

меньше усилия, если бы я был в положении, в котором есть некоторые наши современники, чтобы иметь в мое первое юношество получить некое действительно Христианское воспитание. Это я не имел; я выросал в некоем полностью свободно-Духовном окружении и также мое обучение вело меня к свободно-Духовному. Мой собственный путь образования был некий чисто научный. И это делает мне некое известное усилие, чтобы эти вещи теперь найти, о которых я обязан говорить.

Прямо это личное замечание позволено мне наверное сделать из двух оснований: из основания, потому что ведь прямо через некую совсем своеобразную бессовестность была послана через Мир некая глупая, дурацкая сказка о моей совместной связи с известными Католическими течениями (#17). Из всех этих вещей не есть никакое отдельное слово истинно. И куда это пришло с тем, что сегодня многосторонне называет себя Теософия, это можно просто измерить на том, что на почве Теософии такие бессовестные построения и слухи были посланы в Мир. Так как мы однако вынуждены не снисходительным способом, фразно об этом уходить прочь, но этому напротив установить истину, то позволено этому личному замечанию быть сделанным. - С другой стороны чувствую я себя прямо через то, что я в мое юношество отдаленно стоял Христианству, к таковому тем более непредвзято и верю, так как я только через Дух и Христос-Существо был приведен, прямо на этой области иметь известное право на беспредосудительность и непредвзятость, чтобы сделать об этих вещах высказывание. Наверное - прямо в эти часы Мировой истории - больше смогут придать слову некоего человека, который приходит из научного образования, который в свое юношество стоял отдаленно Христианству, чем некоего такого, который со своего самого раннего юношества есть с Христианством в совместной связи. И я истинно не верю, что Христианство может нечто потерять, если это в его глубоком элементе будет представлено из некоего сознания, которое только из самого Духа нашло себя к Христианству. Но если вы эти слова принимаете серьезно, то почувствуете как наметочно, что живет во мне самом, когда я теперь говорю о тайнах, которые я хотел бы обозначить, как тайны так называемого Пятого Евангелия.

Христиания (Осло), Третий доклад, 3 Октября 1913

Когда я вчера говорил о том, что те личности, которые обычно именуется Апостолами Христа Иисуса пережили некое известное пробуждение в мгновение, которое имеет в так называемом празднике Пятидесятницы свой исходный пункт, так с этим совсем не утверждается примерно, что то, о чем я имею говорить как о содержании так называемого Пятого Евангелия, одинаково тогда так, как я это рассказываю, было якобы в полном сознании Апостолов. Все же, когда ясновидческое сознание углубляется в Души этих Апостолов, тогда распознает оно те образы в этих Душах. Но в Апостолах самих жило это тогда уже менее как образ, но это жило, теперь, если мне позволено сказать, как жизнь, как непосредственное переживание, как чувство и мощь Души. И то, что Апостолы затем могли говорить, через что они даже Греков в тогдашнее время увлекли, через что они дали толчок к тому, что мы называем Христианское развитие, это, что они так носили в себе как мощь Души, как мощь душевности, это расцвело из того, что в их Душах жило как живая сила Пятого Евангелия. Они могли говорить так, как они говорили, они могли действовать так, как они действовали потому что они вещи, которые мы теперь расшифровываем как Пятое Евангелие, живо носили в своих Душах, также если они вещи не так рассказывали в словах, как теперь должно теперь рассказывать это Пятое Евангелие. Ибо они ведь приняли, как через пробуждение, оплодотворение через все-царящую Космическую Любовь и под впечатлением этого оплодотворения действовали они теперь дальше. Что действовало в них, было то, чем (wozu) стал Христос после Мистерии Голгофы. И здесь стоим мы у некоего пункта, где мы в смысле Пятого Евангелия должны говорить о Земной жизни Христа.

Это есть для сегодняшних понятий, для понятий настоящего, не совсем легко, схватить в словах то, о чем при этом идет дело. Но мы можем с некоторыми понятиями и идеями, которые мы уже завоевали через наши Духовно-научные рассмотрения, приблизиться к этой величайшей Земной тайне. Если желают понять Христианство, тогда должно некоторые понятия, которые мы уже имеем через

наши Духовно-научные обсуждения, в несколько измененной форме применить на Христос-Существо.

Исходим мы однажды, чтобы прийти к некой ясности, из того, что обычно именуют Иоанново-Крещение в Иордане. Оно представляет себя в отношении к Земной жизни Христа как нечто, что есть равно как некое зачатие у некоего Земного человека. Жизнь Христа начиная отсюда вплоть до Мистерии Голгофы понимаем мы, если мы сравниваем ее с той жизнью, которую проделывает человеческий зародыш в теле матери. Это есть итак в известной мере некая зародышная жизнь Христос-Существа, которую это Существо проделало с Иоанново-Крещения вплоть до Мистерии Голгофы. Мистерию Голгофы сами должны мы понимать как земное рождение, итак смерть Иисуса как земное рождение Христа. И его собственную Земную жизнь должны мы искать после Мистерии Голгофы, так как здесь Христос имел свое обхождение, как я вчера наметил, с Апостолами, как эти Апостолы были в некоем другом состоянии сознания. Это было то, что собственно последовало за рождением Христос-Существа. И что описывается как Небесное восхождение и за этим последующее изливание Духа, это должны мы при Христос-Существе схватывать как то, что мы при человеческой смерти как вхождение в Духовные миры привыкли видеть. И дальнейшую жизнь Христа в Земной сфере с Небесного восхождения или с праздника Пятидесятницы должны мы сравнивать с тем, что переживает человеческая Душа, когда она есть в так называемом Девахан-е (Devachan), в Духо-стране (Geisterlande).

Мы видим итак, мои дорогие друзья, что мы в Христос-Существе имеем перед нами такое Существо, напротив которому все понятия, которые мы иначе усвоили себе о следовании одно за другим состояний человеческой жизни, полностью должны изменить. Человек переходит после короткого промежуточного времени, которое обычно именуют временем чистилища, Камалока-временем (Kamalokazeit) в Духовный мир, чтобы подготовить себя к следующей Земной жизни. Человек проживает итак после своей смерти некую Духовную жизнь. С праздника Пятидесятницы переживало Христос-Существо то, что для нее означало то же самое, что для человека переход в Духо-

страну: восхождение в Земную сферу. И вместо того, чтобы прийти в Девахан, в некую Духовную область, как человек после смерти, принесло Христос-Существо жертву, расположить свои Небеса как бы на Земле, искать их на Земле. Человек покидает Землю, чтобы, если мы говорим употребительными выражениями, свое место обитания поменять с Небесами. Христос покинул Небеса, чтобы это свое место обитания поменять с Землей. Это, прошу я вас видеть в верном свете и к этому привязать затем ощущение, чувство, что свершилось через Мистерию Голгофы, что свершилось через Христос-Существо, в чем состояла собственно жертва Христос-Существа, именно в оставлении Духовных сфер, чтобы жить с Землей и людьми на Земле, и людей, эволюцию на Земле вести дальше через свой, так данный Импульс. Это уже говорит, что до Иоанново-Крещения в Иордане это Существо не принадлежало Земной сфере. Оно итак перешло из сверх-земной сферы в Земную сферу. И то, что было пережито между Иоанново-Крещением и событием Пятидесятницы, это должно было быть пережито, чтобы превратить Небесное Существо Христа в земное Существо Христа.

Это уже много сказано, когда эта тайна высказывается здесь со словами: С события Пятидесятницы есть Христос-Существо при человеческих Душах на Земле; прежде не было оно при человеческих Душах на Земле. Это, что Христос-Существо проделало между Иоанново-Крещением и событием Пятидесятницы, свершилось для того, чтобы место обитания некоего Бога в Духовном мире могло быть обменено с местом обитания в земной сфере. Это свершилось для того, чтобы это Божественно-Духовное Христос-Существо могло принять облик, который был необходим для него, чтобы отныне иметь сообщество с человеческими Душами. Почему итак были исполнены события Палестины? Для того, чтобы Божественно-Духовное Существо Христа могло принять облик, в котором оно нуждалось, чтобы с человеческими Душами иметь сообщество на Земле.

С этим одновременно указано на то, что это событие Палестины есть уникальное, на что я ведь уже часто обращал внимание: это есть снисхождение некоего высшего, не земного Существа в Земную сферу и совместно-оставание этого не земного Существа вместе с Земной сферой, вплоть

до пока под его влиянием Земная сфера не испытает соответствующее преобразование. С того времени есть итак Христос-Существо действенным на Земле.

Желаем мы теперь полностью понять событие Пятидесятницы в смысле Пятого Евангелия, то должны мы взять на помощь понятия, которые мы выработали в Духовной науке. Внимание обращается на то, что в древние времена существовали посвящения Мистерий, которые возвышали человеческую Душу через это посвящение к участию в Духовной жизни. Наиболее наглядным будет эта до-Христианская сущность Мистерий, когда схватят во взоре так называемые Персидские или Митрас-Мистерии (Mithrasmysterien). Здесь существовали семь ступеней посвящения. Здесь тот, который должен был быть приведен в высшие степени Духовной жизни, был сначала приведен к тому, что символически именовали "Вороны (Raben)". Затем становился он "Оккультный (Okkulter)", некий "Сокрытый (Verborgener)". В третьей степени становился он "Воин (Streiter)", в четвертой некий "Лев (Lцwe)", в пятой переносили на него имя того народа, которому он принадлежал. В шестой степени становился он "Солнцегерой (Sonnenheld)", в седьмой некий "Отец (Vater)". Для первых четырех степеней достаточно сегодня, если мы скажем, что человек все глубже и глубже был вводим в Духовную жизнь. В пятой степени достигал человек способность, чтобы иметь некое расширенное сознание, так что это расширенное сознание давало ему способность быть неким Стражем (Behüter) целого народа, которому он принадлежал. Поэтому переносили на него также имя затронутого народа. Когда некто в этих древних Мистериях был посвящен в пятую степень, тогда имел он некое определенное участие в Духовной жизни.

Мы знаем из одного цикла докладов, который я держал здесь (#18), что Земные народы ведомы тем, что мы в Иерархии Духовных существ именуем Архангел (Archangeloi) или Эрц-ангел (Erzengel). В эту сферу был возвышен посвященный в пятую степень, так что он участвовал в жизни Эрц-ангела. Такие посвященные нужны в пятой степени, нужны в Космосе. Отсюда существовало на Земле некое посвящение в эту пятую степень. Когда такая некая личность была посвящена в Мистерии и проделывала все внутренние

переживания, получала Душевное содержание, которое соответствовало пятой степени, тогда взглядывал как бы Эрц-ангел затронутого народа, которому принадлежала эта личность, вниз на эту Душу и читал в этой Душе, как мы читаем в некоей книге, которая нам сообщает известные вещи, которые мы должны знать, чтобы мы эти или другие дела могли исполнить. Что было необходимо некому народу, что нужно было народу, это читал Архангел в Душах тех, которые были посвящены в пятую степень. Должно, чтобы Архангел мог вести правильным способом, создать на Земле посвященного пятой степени. Эти посвященные есть посредники между собственными народными вождями, Архангелами и народом самим. Они несут как бы вверх в сферы Архангелов то, что нужно там, чтобы народ был ведом правильным способом.

Как, теперь, могла быть достигнута эта пятая степень в древние до-Христианские времена? Она не могла быть достигнута, когда Душа человека оставалась в теле. Душа человека должна была быть возвышена вверх из тела. Посвящение состояло прямо в том, что Душа человека извлекалась из тела. И вне тела проделывала тогда Душа то, что давало ей содержание, которое я так равно описал. Душа должна была покинуть Землю, должна была взойти в Духовный мир, чтобы достичь то, что она должна была достичь.

Когда, теперь, была достигнута шестая степень древнего посвящения, степень Солнце-героя, тогда было подвижено в Душе некоего такого Солнце-героя то, что не только необходимо для водительства, руководства и управления некоего народа, но что есть выше, чем голое руководство и управление некоего народа. Если вы обратите взор на развитие целого человечества на Земле, то видите вы, как народы образуются и опять исчезают, как народы как бы превращаются. Как отдельные люди, так народы рождаются и умирают. То, однако, что некий народ сделал для Земли, должно быть сохранено дальше для целого развития человечества на Земле. Должно не только руководить и управлять неким народом, но должно то, что этот народ делает как земную работу, быть проводимо дальше вне народа. Для того, чтобы некая народная деятельность могла быть проводима вне народа Духами, стоящими выше чем Эрц-

ангелы, Духами Времени, были необходимы посвященные шестой степени, Солнце-герои. Ибо в том, что жило в Душе некого Солнце-героя, могли сущности высших Миров читать то, что вносила работа некого народа в работу целого человеческого рода. Так можно было завоевать силы, которые правильным способом вносили работу некого народа в работу целого человеческого рода. Через всю Землю вносилось то, что жило в Солнце-герое. И так как тот, кто должен был быть посвящен в пятую степень в древних Мистериях должен был выходить из своего тела, чтобы проделать необходимое, так должен был тот, кто должен был стать Солнце-героем, выходить из своего тела и во время своего выхождения-бытия действительно иметь свое место обитания на Солнце.

Это есть все-таки вещи, которые для сегодняшнего временного сознания звучат почти сказочно, да, наверное действительны как глупость. Но зато действительно также Павлово слово (#19), что мудрость перед Богами часто есть глупость для людей. Солнце-герой жил, итак, для этого времени своего посвящения с целой Солнечной системой совместно. Солнце есть его место обитания, как обычный человек на Земле как на своей Планете живет. Как есть вокруг нас горы и реки, так для Солнце-героя есть во время его посвящения вокруг него Планеты Солнечной системы. Это можно было достичь только вне тела. И когда возвращались в свое тело назад, вспоминали о том, что переживали вне своего тела и могли это применять как действенные силы для эволюции целого человечества, для Блага (Neil) всего целого человечества. Солнце-герои покидали итак во время посвящения свое тело; наполняли они себя этими силами, тогда вступали они назад в свое тело. Когда они возвращались назад, тогда имели они силы в своей Душе, которые работу некого народа могли выводить за в целое развитие человечества.

И что переживали эти Солнце-герои во время трех с половиной дней своего посвящения? В то время как они - мы можем это уже так именовать - странствовали не на Земле, но на Солнце, что переживали они? Сообщество с Христом, который до Мистерии Голгофы еще не был на Земле! Все древние Солнце-герои так восходили в Солнечную сферу, ибо только здесь могли в древние времена переживать сообщество с Христом. Из этого Мира, в который должны

были восходить во время своего посвящения древние посвященные, Христос снизошел на Землю. Мы можем итак сказать: То, что через целую процедуру посвящения в древние времена могло быть достигнуто для отдельных немногих, это было достигнуто как через некое природное событие в дни Пятидесятницы теми, которые были Апостолы Христоса. В то время, как раньше должны были восходить к Христосу, теперь Христос снизошел к Апостолам. И Апостолы становились в известном способе такими Душами, которые в себе носили то содержание, которое древние Солнце-герои имели в своих Душах. Духовная сила Солнца излилась над Душами этих людей и действовала отныне дальше в эволюции человечества. Для того чтобы это могло свершиться, чтобы могло прийти действие некой совсем новой силы на Земле, должно было исполниться событие Палестины, должна была исполниться Мистерия Голгофы.

Из чего, однако, произошло Земное бытие Христоса? Оно произошло из глубочайшего страдания, из страдания, которое переходит за все человеческие способности представления страдания. Чтобы на этом месте получить правильные понятия о деле, должно также опять некоторые противостояния современного сознания убрать прочь. Я должен, теперь, однажды сделать некоторые включения в объяснение Пятого Евангелия.

Незадолго возникла одна книга, которую я верно очень хотел бы рекомендовать, потому что она происходит от одного очень духо-обильного (geistreichen) человека и может доказать, какую бессмысленность духо-обильные люди могут высказывать в отношении Духовных вещей. Я подразумеваю книгу Маурис Мэтерлинк (Maurice Maeterlincks) "О смерти (Vom Tode)" (#20). Среди некоторых бессмысленных вещей, которые там стоят, есть также утверждение, что когда однажды человек умер, он не мог бы страдать, так как он ведь тогда есть некий Дух, не имеет никакого физического тела. Дух, однако, не мог бы страдать. Тело есть якобы единственное, которое страдает. - Мэтерлинк, духо-обильный человек, предается итак иллюзии, что только физическое тело могло бы страдать и некий мертвый поэтому не мог бы страдать. Он вообще не замечает, феноменальную, почти невероятную бессмысленность, которая располагается в том, чтобы утверждать, что физическое тело, которое состоит из

физических сил и химических веществ, единственно страдает. Как если страдание завязано на физические силы и вещества! Вещества и силы вообще не страдают. Если бы таковые могли бы страдать, тогда должен был бы также страдать некий камень. Физическое тело не может страдать; что страдает, это есть все-же именно Дух, Душевное. Это сегодня зашло так далеко, что люди мыслят о простейших вещах противоположность того, что имеет смысл. Не было бы никакого Камалока-страдания, если Духовная жизнь не могла бы страдать. Потому что ей недостает, действительно недостает физического тела, прямо в этом состоит Камалока-страдание. Кто, теперь, есть мнения, что некий Дух не мог бы страдать, тот не сможет также получить правильное представление о бесконечном страдании, которое Христос-Дух проделал в течение годов в Палестине.

Прежде чем я, однако, заговорю об этом страдании, должен я вас сделать внимательными на нечто другое. Мы должны схватить во взоре, что с Ионново-Крещением в Иордане, некий Дух снизошел на Землю, отныне прожил три года в некоем земном теле и в таковом проделал смерть на Голгофе, некий Дух, который до Ионново-Крещения в Иордане жил в совсем других взаимосвязях, чем земные. И что называется это, что этот Дух жил в совсем других взаимосвязях, чем земные? Это называется, говоря Антропософски, что этот Дух не имел также никакой земной Кармы. Что это означает, прошу я схватить во взоре. Некий Дух жил три года в теле Иисуса из Назарета, который проделал этот жизненный путь на Земле, без того, чтобы иметь некую земную Карму в своей Душе. С этим завоевывают все жизненные опыты и переживания, которые проделал Христос, некое совсем другое значение, чем опыты, которые примерно проделывает некая человеческая Душа. Страдаем мы, имеем мы этот или тот опыт, то знаем мы, что страдание обосновано в Карме. Для Христос-Существа, однако, было это не так. Он проделал некий трехлетний опыт, без того, чтобы его тяготила некая Карма. Что было итак это для него? Страдание без Кармического смысла, действительно неза заслуженное страдание, незадолженное страдание! Пятое Евангелие есть Антропософское Евангелие и показывает нам, что трехлетняя Христос-Жизнь есть единственная жизнь в некоем человеческом теле, которая была прожита без Кармы, на которую понятие Карма в человеческом смысле не применимо.

Но дальнейшие рассмотрения этого Евангелия учат нас узнавать еще нечто другое об этой трехлетней жизни. Эта целая трехлетняя жизнь на Земле, которую мы рассматривали как некую эмбриональную жизнь, каковая не породила также никакой Кармы, каковая не накладывала также никакого долга на себя. Была итак на Земле прожита трехлетняя жизнь, которая была обусловлена не Кармой и также не породила никакой Кармы. Должно все эти понятия и идеи, которые с этим принимают, только принимать в самом глубоком смысле и будут завоевывать некоторое для некого правильного понимания этого чрезвычайного события Палестины, которое иначе действительно в некоторых отношениях остается необъяснимым. Много должно совместно принести к его пониманию. Ибо что вызвало оно за всякие противоречащие себя объяснения, в каком способе оно было непонято! И однако-же как оно задействовало импульс за импульсом в развитии человечества! Берут эти вещи только не всегда в правильном глубоком значении. Будут однажды говорить об этих вещах совсем по-другому, когда увидят его в своей колоссальной глубине, которую мы здесь наметили тем, что мы говорили о том, что мы здесь имеем перед нами некую трехлетнюю жизнь, которая была прожита без Кармы.

Как бездумно проходит многократно человек мимо вещей, которые собственно есть глубоко значимы. Наверно некоторые из вас все-же также слышали нечто о появившейся в 1863 году книге "Жизнь Иисуса" Эрнеста Ренан. Читают эту книгу, без того, чтобы обратить правильное внимание на значимое этой книги. Наверное будут позднее люди удивляться, что нечисленные люди вплоть до сегодня прочитали эту книгу без того, чтобы ощутить, что собственно есть особое, достопримечательное у этой книги. Достопримечательное у этой книги есть то, что она есть нечто среднее (Zwischending), некое смешение некого возвышенного изложения и некого бульварного романа (Hintertreppengromans). Что эти две вещи могли быть совместно смешаны, некое красивое изложение и бульварная история, это будут позднее рассматривать как высшую странность. Прочтите вы с этим сознанием однажды эту "Жизнь Иисуса" Эрнеста Ренан, прочтите вы, что он делает из Христа, который для него естественно главным образом

есть Христос Иисус. Он создает некого героя, который сперва имеет совсем добрые намерения, который есть некий великий добродетель человечества, который однако затем как бы был увлечен народным вдохновением и уступает все больше и больше тому, что народ желает и хочет, что он так охотно слышит и так охотно получает сказанным.

В большом стиле применяет Эрнест Ренан то к Христосу, что часто в малом стиле применяют к нам. Ибо случается, что люди, когда они видят нечто расширяющееся, как например Теософия, тогда упражняют на учителе следующую критику: Сначала имел он совсем добрые намерения, затем приходят злые приверженцы, которые ему льстят и его портят. Здесь подпадает он ошибке, чтобы говорить то, что слушатели хотели бы охотно слышать. - Так обрабатывает Ренан Христа-Жизнь. Он не стесняется, чтобы изложить воскресение Лазаря (Auferweckung des Lazarus) как некий род обмана, который Христос позволяет совершить, чтобы здесь было якобы некое агитационное средство! Через это вмешано некое бульварно-романическое в возвышенные изложения, которые также содержатся в этой книге. И своеобразное есть то, что собственно некое примерно здоровое ощущение - ведь, я скажу только немного - должно стать отпугивающим, когда изложенной получается некая мудрость, которая сначала имеет лучшие намерения, окончательно однако подпадает народным инстинктам и позволяет совершить всякие жульничества. Ренан, однако, чувствует себя вообще не испуганным от этого, но имеет красивые слова, увлекающие слова для этой личности. Забавно, не правда ли! Но это есть некий пример того, как велика склонность человеческих Душ к Христосу, совсем независимо от того, имеют ли они понимание для Христа или нет, если они также ничего не понимают о Христосе. Это может идти так далеко, что некий такой человек делает жизнь Христи неким бульварным романом и однако-же находит восхищающие слова не недостаточными, чтобы направлять людей на эту личность. Такие вещи только возможны напротив некого такого существа, которое вступает так в Земное развитие, как Христос-Существо. Ох, было бы создано много Кармы за трехлетнюю жизнь Христа на Земле, если Христос жил бы так, как излагает это Ренан. Это, однако, будет распознано в будущие дни, что некое такое изложение просто должно разбиться, потому что будет распознано, что Христа-Жизнь не приносила с собой

никакой Кармы и также никакой не создавала. Это есть возвешение Пятого Евангелия.

Это было итак событие у Иордана, которое мы обозначаем как Иоанново-Крещение, нечто, что можно сравнить с неким зачатием у Земного человека. Пятое Евангелие говорит нам, что слова, так как они стоят в Лука-Евангелии, есть некое правильное воспроизведение того, что тогда могло бы быть услышанным, если некое развитое, ясновидческое сознание слушало бы Космическое выражение этой тайны, которая здесь исполнилась. Слова, которые звучали вниз с Небес, гласили действительно: "Это есть мой много-любимый Сын, сегодня я его зачал (Das ist mein vielgeliebte Sohn, heute habe ich ihn gezeugt)" (#21). Это есть слова Лука-Евангелия и это есть также правильное воспроизведение того, что тогда свершилось: порождение, зачатие Христа в Земном существе. Это исполнилось в Иордане.

Пожелаем мы однажды пока не взирать на то, на чью личность снизошел этот Дух Христа в Иоанново-Крещении. Мы желаем в следующие дни об этом говорить. Остановимся мы сегодня только на том, что приходил некий Иисус из Назарета, который дал тело Христос-Существу. Теперь, говорит нам Пятое Евангелие - и это есть что мы можем читать через обращенный назад ясновидческий взор - оно не полностью было связано с телом Иисуса из Назарета, что Христос-Существо с первого мгновения своего земного странствия сначала имело только слабую связь с телом Иисуса из Назарета. Связь была не так, как у обычного человека телесного и Души есть, так что таковая полностью живет в теле, но так, что каждое время, например когда это было необходимо, Христос-Существо опять-таки могло покинуть тело Иисуса из Назарета. И в то время, как тело Иисуса из Назарета было где-нибудь как спящим, проделывало Христос-Существо Духовно путь сюда или туда, где это именно прямо было необходимо.

Пятое Евангелие показывает нам, что не всегда, когда Христос-Существо являлось Апостолам, также было при этом тело Иисуса из Назарета, но что часто дело исполнялось так, что тело Иисуса из Назарета оставалось где-нибудь и только Дух, именно Христос-Дух, являлся Апостолам. Но он тогда

являлся так, что они могли перепутать Духовное явление с телом Иисуса из Назарета. Они замечали вполне некое различие, но различие было слишком мало, чтобы они его всегда отчетливо замечали бы. В четырех Евангелиях не выступает это; Пятое Евангелие говорит нам это ясно. Апостолы могли не всегда отчетливо различать: Теперь имеем мы Христа в теле Иисуса из Назарета перед нами или теперь имеем мы Христа как Духовное существо единственно. Различие было не всегда ясным, они знали не всегда, был ли это один или другой случай. Они считали это явление - они размышляли над этим равно не очень много - сначала за Христа Иисуса, это называется за Христос-Духа, поскольку они его распознавали как такового в теле Иисуса из Назарета. Но что мало-по-малу происходило за трехлетнюю Земную жизнь, это было, что в известной мере за три года Дух связывался с телом Иисуса из Назарета все теснее и теснее, что Христос-Существо становилось все аналогичнее и аналогичнее как эфирное существо физическому телу Иисуса из Назарета.

Заметьте вы, как это здесь опять по-другому выступило в отношении на Христос-Существо, чем при теле обычного человека. Если мы это желаем понять, скажем мы правильно: Обычный человек есть Микрокосмос напротив Макрокосмосу, некое малое отображение целого Макрокосмоса, ибо то, что выражается в физическом теле человека, это отражает великий Космос. Обратное есть у Христос-Существа такой случай. Макрокосмическое Солнечное существо формирует себя по облику человеческого Микрокосмоса, втискивает себя и сжимает себя, спрессовывает себя все больше и больше совместно, так что оно становится все аналогичнее человеческому Микрокосмосу. Прямо обратное есть здесь у обычного человека такой случай.

В начале Земной жизни Христа, сразу после Крещения в Иордане, была связь с телом Иисуса из Назарета еще наиболее слабой. Еще совсем вне тела Иисуса из Назарета было Христос-Существо. Здесь было то, что при странствии вокруг по Земле Христос-Существо задействовало, еще совсем сверх-земное. Оно исполняло исцеления, которые должно исполнить с малой человеческой силой. Оно говорило с некой проникновенностью к людям, которая была некой

Божественной проникновенностью. Христос-Существо, как только завязав само себя при теле Иисуса из Назарета, действовало как сверх-земное Христос-Существо. Но все больше и больше делало оно себя аналогичнее телу Иисуса из Назарета, спрессовывало себя, стягивало себя все больше и больше совместно в земные взаимосвязи внутрь и делало с этим то, что все больше исчезала Божественная сила. Это все проделывало Христос-Существо, тем что оно становилось аналогичнее телу Иисуса из Назарета, некое развитие, которое в известном отношении было нисходящим развитием. Христос-Существо должно было чувствовать, как мощь и сила Бога все больше и больше исчезала в аналогично-становлении телу Иисуса из Назарета. Из Бога становился мало-по-малу человек.

Как некто, кто среди бесконечных мучений все больше и больше видит свое тело чахнувшим, так видело чахнувшим свое Божественное содержание Христос-Существо, тем что оно все больше становилось аналогичнее как эфирное существо земному телу Иисуса из Назарета, вплоть до того, как оно таковому стало так аналогично, что оно могло чувствовать страх, как некий человек. Это есть то, что также другие Евангелия излагают при выхождении Христа Иисуса со своими учениками на Елеонскую гору, где Христос-Существо в теле Иисуса из Назарета имело на лбу пот от страха (Angstschweiß). Это было очеловечивание, все более человеко-и-человеко-становление Христа, аналогичивание телу Иисуса из Назарета. В той же самой мере, в которой это эфирное Христос-Существо становилось аналогичнее телу Иисуса из Назарета, в той же самой мере становился Христос человеком. У него чахли Духовные чудо-силы Бога. И здесь видим мы целый страдный-путь (Passionsweg) Христос-Существа, который начался с того временного пункта, как он вскоре после Иоанново-Крещения в Иордане пришел, где он исцелял больных и изгонял демонов через свои Божественные силы, где пораженные люди, которые это видели, что мог Христос, говорили: Это еще никогда некое существо на Земле не исполняло. - Это было время, в которое Христос-Существо еще было мало аналогичным телу Иисуса из Назарета. С этого поражающего ажиотажа (Aufsehen) находящихся вокруг почитателей протягивается в три года путь вплоть до туда, где Христос-Существо стало так аналогичным телу Иисуса из Назарета, что оно в этом чахнущем теле Иисуса из Назарета, которому оно стало

аналогичным, не могло более отвечать на вопросы Пилата (Pilatus), Ирода (Herodes) и Каифа (Kaiphas). Так аналогичным стало оно телу Иисуса из Назарета, все более слабее и слабее становящимся, все более чахлым и чахлым становящимся телом, что на вопрос: Сказал ты, что ты храм разрушишь и в три дня опять выстроишь? - из ветхого тела Иисуса из Назарета Христос-Существо более не говорило и оставалось немым перед первосвященником Иудеев, что оно оставалось немым перед Пилатом, который спрашивал: Сказал ты, ты есть царь Иудеев? - Это был страдный путь от Крещения в Иордане вплоть до немощности (Machtlosigkeit). И вскоре после этого стояла пораженная толпа, которая поражалась прежде сверх-земным чудо-силам Христос-Существа, более не восхищаясь вокруг него, но стояла перед крестом, глумясь над немощью (Ohnmacht) Бога, который стал человеком, со словами: Есть ты некий Бог, так сойди вниз. Ты другим помогал, теперь помоги себе самому! - От Божественной полноты мощи (Machfülle) вплоть до немощности, это был страдный-путь Бога. Путь бесконечного страдания для, человеком ставшего Бога, к которому пришло вдобавок то страдание над человечеством, которое себя так далеко принесло, как оно именно было ко времени Мистерии Голгофы. И это было ко времени высокого интеллектуального развития человечества, как это было вчера намечено.

Это боль-страдание, однако, родило тот Дух, который был излит при празднике Пятидесятницы на Апостолов. Из этой боли рождена все-царящая Любовь, которая снизошла при Крещении в Иордане из вне-земных, Небесных сфер внутрь в земную сферу, которая стала аналогичным человеку, аналогичным некому человеческому телу, и которая проделала бесконечное страдание, которое не может помыслить себе никакое человеческое мышление, которая проделала мгновение высшей, Божественной немощи, чтобы родить тот Импульс, который мы затем знаем как Христос-Импульс в дальнейшей эволюции человечества.

Это есть вещи, которые мы должны схватить во взоре, если мы желаем понять глубокий смысл, целое значение Христос-Импульса, как оно должно будет быть понято внутри в будущее человечества, что будет нужно человеческому будущему, чтобы на своем культурном пути, пути развития идти дальше.

Христиания (Осло), Четвертый доклад, 5 Октября 1913

Некий род успокоения, если я вообще дойду до того, чтобы говорить об этом, о чем как принадлежащем Пятому Евангелию сегодня должно быть говорено, дает в известной мере окончание Иоанна-Евангелия. Мы вспоминаем это окончание, где здесь стоит, что ведь в Евангелиях никоим образом не описать все события, которые свершились вокруг Христа Иисуса. Ибо желали бы тогда, так стоит это здесь, описать все, то Мир не мог бы предъявить достаточно книг, чтобы все это охватить. Так итак не сможет быть усомнено одно: что вне того, что было описано в четырех Евангелиях, еще многое другое может быть свершенным. Чтобы сделать себя понятным в отношении всего того, что я прямо в этом цикле докладов желаю дать из Пятого Евангелия, хотел бы я сегодня начать с рассказов из жизни Иисуса из Назарета и именно приблизительно с того временного пункта, на который мы ведь уже указывали при других поводах, где малые части из Пятого Евангелия уже были сообщены.

Приблизительно с двенадцатого года Иисуса из Назарета хотел бы я сегодня некоторое рассказать. Это был, как вы знаете, тот год, в котором Я Заратустры (Zarathustra), которое было воплощено в одном из Иисус-мальчиков, которые в тогдашнее время родились и чье происхождение описывает Матфей (Matthäus), перешло через Мистический акт в другого Иисус-мальчика, в того Иисус-мальчика, который особенно в начале Лука-Евангелия излагается. Так что мы итак начинаем с нашим рассказыванием с того года в жизни Иисуса из Назарета, в котором этот Иисус Лука-Евангелия принял Я Заратустры. Мы знаем, что отмечается в Евангелии это мгновение в жизни Иисуса из Назарета через рассказывание, что Иисус-мальчик Лука-Евангелия

был потерян в поездке в Иерусалим на праздник и, как он был опять найден, оказалось, что он в храме у Иерусалима сидел посреди ученых писаний (Schriftgelehrten) и вызывал у таковых и у родителей пораженность через могучие ответы, которые он давал. Мы знаем однако-же, эти значимые, могучие ответы приходили оттого, что Я Заратустры действительно теперь вынырнуло и из глубокого переполнения воспоминания своего существа действовало из этой Души, так что Иисус из Назарета тогда мог давать те все неожиданные ответы. Мы знаем также, что обе семьи через смерть Натанической матери с одной стороны и Саломонического отца с другой стороны совместно сошлись и отныне образовали одну семью, и что тот с Я Заратустры оплодотворенный Иисус-мальчик выросал в ставшей общей семье.

Это было однако теперь - так позволяет себя это распознать из содержания Пятого Евангелия - некое совсем особенное, достопримечательное выростание в следующие годы. Прежде всего ведь ближайшее окружение Иисуса из Назарета получило некое большое, могучее мнение о нем, именно через то событие в храме, через те могучие ответы, которые он давал ученым писаний. Ближайшее окружение видело так сказать приходящего ученого писаний в нем, оно видело вырастающим в нем того, кто достигнет некой высокой, особенной ступени наученности писаниям. С большими, колоссальными надеждами носилось окружение Иисуса из Назарета. Начали так сказать улавливать каждое слово от него. При этом становился он, не смотря на то, что формально (fürmlich) охотились за тем, чтобы уловить каждое слово, все молчаливее и молчаливее. Он стал так молчалив, что это было в высшей степени часто несимпатично его окружению. Он, однако, боролся в своем Внутреннем, боролся некой могучей борьбой, некой борьбой, которая выпала в это его Внутреннее между двенадцатым и восемнадцатым годом его жизни. Это было действительно нечто в его Душе, как некое восхождение внутренне лежащих сокровищ мудрости, нечто, как если осветилось в форме иудейской учености, солнце бывшего света Заратустра-Мудрости (Zarathustra-Weisheitslichtes).

Прежде всего внешне-выразилось это так, как если этот отрок в тончайшем способе все, что многочисленные ученые

писаний, которые приходили в дом, говорили, с большой внимательностью должен был принять и как через некий Духовный дар везде знал, чтобы дать, ответ. Так поражал он также еще сначала, дома в Назарете тех, которые как ученые писаний здесь являлись и ему как чудо-ребенку поражались. Затем, однако, становился он все молчаливее и молчаливее и слушал только еще молча то, что говорили другие. При этом восходили ему, однако, всегда великие идеи, нраво-изречения (Sittensprüche), именно значимые, моральные импульсы в те годы в собственной Душе. В то время как он так молча слушал, делало все-же некое известное впечатление, что он от в доме собравшихся ученых писаний слышал, но некое впечатление, которое ему часто порождало в Душе огорченность, потому что он имел чувство - вполне-замечаемое уже в те юные годы - что многое ненадежное, легко к заблуждению склоняющееся, должно бы быть вставлено в том, что здесь те ученые писаний говорили о старых традициях, о древних писаниях, которые объединены в Старом Завете (Alten Testament). Совсем особенно подавляло это в некоем известном способе его Душу, когда он слышал, что в древние времена Дух находил на Пророков, что Бог сам инспирирующе говорил к древним Пророкам и что теперь инспирация после-рожденного рода якобы отступила. Это говорили те ученые писаний часто: Да, тот высокий Дух, тот могучий Дух, который например находил на Илию (Elias), он не говорит больше; но кто все-же еще всегда говорит - что также некоторые из ученых писаний верили чтобы внимать как инспирацию из Духовных высот - что все-же еще всегда говорит, это есть некий ослабленный голос, который некоторые все-же еще верят чтобы внимать как нечто, что Дух Яхве (Geist Jahves) сам дает. - Батх-Кол (Bath-Kol) (#22) именовали тот своеобразный, инспирирующий голос, хотя некий ослабленный голос наития, некий голос меньшего рода, чем Дух, который инспирировал древних Пророков, но все-же еще нечто аналогичное представлял этот голос. Так говорили некоторые в окружении Иисуса о Батх-Кол. Об этом Батх-Кол рассказывается нам некоторое в поздних иудейских писаниях.

Ядвигаю теперь нечто в это Пятое Евангелие, что собственно сюда не принадлежит, что должно вести только к объяснению Батх-Кол. Это было в несколько более позднее время, после установления Христианства, что разразился некий спор между двумя Рабинат-школами

(Rabbinatschulen). Ибо известный Рабби Елисер бен Хиркано (Rabbi Eliser ben Hirkano) (#23) утверждал некое учение и приводил к доказательству этого учения - это рассказывает также Талмуд (Talmud) - что он может задействовать чудо. Рабби Елисер бен Хиркано позволил Кароб-дереву (Karobbaum) (#24) подняться из земли - это рассказывает Талмуд - и сотню локтей (Ellen) дальше у некоторого место опять посадить, он позволил некоей реке течь вспять и как третье сослался он на голос с Небес, как откровение, которое он получил от Батх-Кол самого. Но в соперничающей Раббинат-школе Рабби Иошуа (Rabbi Josua) не верили этому учению вопреки и Рабби Иошуа возражал: Пусть также Рабби Елисер для усиления своего учения позволил Кароб-деревья с одного места к другому пересаживать, пусть он также рекам позволяет течь вспять, пусть он сам сосылается на великого Батх-Кол - это стоит написано в Законе, что вечные законы Бытия должны быть положены в человеческие уста и в человеческое сердце. И если желает нас убедить о своем учении Рабби Елисер, то должно ему не сослаться на Батх-Кол, но он должен убедить нас о том, что может схватить человеческое сердце. - Я рассказываю эту историю из Талмуда, потому что мы видим, что Батх-Кол вскоре после введения Христианства в известных Раббинат-школах только еще был узкого воззрения. Но он в некоем известном способе расцветал как инспирирующий голос среди Раббинов (Rabbinern) и ученых писаний.

В то время как в доме Иисуса из Назарета, собравшиеся там ученые писаний говорили об этом инспирирующем голосе Батх-Кол и юный Иисус это все слышал, чувствовал и ощущал он в себе самом инспирацию через Батх-Кол. Это было достопримечательное, что через оплодотворение этой Души с Я Заратустры на самом деле Иисус из Назарета был способен быстро принять все, что другие вокруг него знали. Не только, чтобы он ученым писаний в своем двенадцатом году мог давать могучие ответы, но он мог также Батх-Кол внимать в собственной груди. Но прямо это обстоятельство инспирации через Батх-Кол действовало на Иисуса из Назарета, как он был шестнадцать, семнадцать лет и часто чувствовал этот откровенный голос Батх-Кол, так что он через это был приведен в горькие, тяжелые Душевные боренья. Ибо ему открывал Батх-Кол - и это верил он все наверняка чтобы внимать - что более не далеко есть то будущее, что в дальнейшем продвижении древнего течения

Старого Завета этот Дух более не будет говорить древним иудейским учителям как он раньше к ним говорил. И однажды, и это было страшно для Души Иисуса, верил он, что Батх-Кол ему открывал: Я не достигаю теперь вверх до высот, где мне Дух действительно может открывать истину о дальнейшем продвижении иудейского народа. - Это было некое страшное мгновение, некое страшное впечатление, которое принимала Душа юного Иисуса, как Батх-Кол ему самому являлся чтобы открыть, что он не мог быть продолжателем древних откровений, что он себя сам, так сказать, объявлял неспособным быть продолжателем древних откровений Иудаизма. Так верил Иисус из Назарета в своем шестнадцатом, семнадцатом году, что ему как бы была вытянута всякая почва из-под ног, и он имел некие дни, где он себе должен был сказать: Все Душевные силы, с которыми я верил быть одаренным, они приносят меня только к тому, чтобы понять как в субстанции эволюции Иудейства не имеется более никакой возможности, чтобы достигать вверх к откровениям Божественного Духа.

Установим мы себя некое мгновение в его Дух, в Душу юного Иисуса из Назарета, который проделывал такие опыты в своей Душе. Это было в то же самое время, в которое затем юный Иисус из Назарета в шестнадцатом, семнадцатом, восемнадцатом году, частично побужденный через свое ремесло, частично через другие обстоятельства, делал много путешествий. В этих путешествиях выучил он узнавать многосторонние области Палестины и также вполне некоторые места вне Палестины. Теперь, расширился в то время - это можно совсем точно видеть, если ясновидчески проникают Акаша-Хронику - по областям Передней Азии, да даже также Южной Европы, некий Азиатский культ, который был совместно смешан из некоторых других культов, который однако представлял именно Митрас-культ (Mithraskultus). У многих мест различнейших областей были храмы для Митрас-служения. У некоторых мест имело оно более аналогичности с Аттис-служением (Attisdienst), но в существенном было это Митрас-служение, храмы, Культовые места были это, в которых повсюду устраивали Митрас-жертвы и Аттис-жертвы. Это было в известной мере древнее Язычество, но в некоем известном роде проникнутое обычаями, церемониями Митрас- и Аттис-служения. Как очень это расширилось также по итальянскому полу-острову, исходит например из того, что Церковь Петра (Peterkirche) в

Риме стоит на том же самом месте, где однажды было некое такое Культовое место. Да, должно также для некоторых католиков высказать докучающее слово: Церемониальное служение Церкви Петра и всего того, что из этого выводится, есть в отношении внешней формы вообще не неаналогично культу древнего Аттис-служения, которое устраивалось в храме, который тогда стоял на том же самом месте, на чьем месте стоит Церковь Петра. И культ католической Церкви есть во многих отношениях только некое продолжение древнего Митрас-культа.

Что у таких Культовых мест было в наличии, это выучил Иисус узнавать, как он теперь в своем шестнадцатом, семнадцатом, восемнадцатом году начал странствовать вокруг. И он продолжал это еще позднее дальше. Он выучил, если нам позволено так сказать, таким способом через внешнее, физическое созерцание, узнавать Душу язычников. И было тогда в его Душе, как неким естественным способом через могучий процесс перехода Заратустра-Я в его Душу, образовано то в некой высокой степени, что другие могли только с трудом усвоить, что однако у него было естественно-мерно образовано: некая высокая ясновидческая сила. Отсюда, переживал он, когда он созерцал при таких культах, нечто совсем другое, чем другие зрители. Некоторое потрясающее событие пережил он там. И если это также является сказочно, то должен я все-же выдвинуть, что когда у некоторых языческих алтарей жрецы устраивали культ и Иисус из Назарета затем созерцал со своими ясновидческими силами алтарь, он видел, как через жертвенное действие были привлечены многие демонические сущности. Он делал также открытие, что некоторый образ идола (Götzenbild), которому здесь молились, был отображением не добрых Духовных существ высших Иерархий, но злых, демонических сил. Да, он делал далее открытие, что эти злые, демонические силы многосторонне переходили в верующих, в признанников, которые участвовали в таких Культовых действиях. Из легко понятных оснований эти вещи не перешли в другие Евангелия. И это, в основе, только в лоне нашего Духовного движения возможно говорить о таких вещах, потому что человеческая Душа только в наше время может иметь некое действительное понимание для тех колоссальных, глубоких, могучих событий, как они уже в этом юном Иисусе из Назарета разигрывались задолго до Иоанново-Крещения.

Эти странствия длились дальше вплоть до внутри в двадцатый, двадцать второй, двадцать четвертый год. Это были всегда огорчения, которые он ощущал в своей Душе, когда он итак видел царение демонов, как бы приподнесенных Люцифером и Ариманом демонов и видел, как Язычество во многих отношениях даже так далеко было донесено, чтобы принимать демонов за Богов, да даже в отображениях идолов иметь образы диких демонических сил, которые были привлечены этими образами, этими Культовыми действиями и переходили в молящихся людей, молящиеся люди, которые в доброй вере участвовали в этом, делались одержимыми. Это были горькие опыты, которые Иисус из Назарета должен был так делать. И эти опыты пришли к некому определенному окончанию примерно в двадцать четвертом жизненном году. Здесь имел Иисус из Назарета то переживание, которое примкнуло себя, как некое новое, бесконечно тяжелое переживание, к другим о разочаровании через Батх-Кол. Я должен, так как я ведь это переживание Иисуса из Назарета также имею рассказать, сказать, что я сегодня еще не есть в положении выдать, в каком месте его путешествий это событие привнеслось. Сцену саму в некой высокой степени правильно расшифровать не было мне возможно. Кажется мне, однако, что эта сцена привнеслась при некоем странствии Иисуса из Назарета вне Палестины. Но я не могу сказать это с определенностью, должен, однако сообщить эту сцену.

В некое место итак пришел Иисус из Назарета в двадцать четвертом году своей жизни, где было некое языческое Культовое место, при котором жертвовали некому определенному Божеству. Кругом вокруг однако был только опечаленный, всякими страшными Душевыми и вплоть до в телесное идущими болезнями, одержимый народ. Жрецами было это Культовое место давно покинутое. И Иисус слышал народ плачется: Жрецы нас покинули, благословения жертвы не снисходят на нас вниз и мы прокаженны и больны, мы отягощены и обременены, потому что нас жрецы покинули. - Иисус видел с глубокой болью этих больных людей; ему плакался этот обремененный народ и некая бесконечная Любовь к этим обремененным людям воспламенилась в его Душе. Из этой бесконечной Любви, которая ожила в его Душе, народ кругом вокруг нечто заметил; это должно было

сделать некое глубокое впечатление на жалующийся народ, который своими жрецами и, как он верил, также своими Богами был покинут. И теперь возникло, можно бы сказать как за один мах (Schlag), в сердцах большинства этого народа нечто, что внутри пришло к выражению, что люди говорили, распознавая выражение бесконечной Любви в облике Иисуса: Ты есть новый, нам посланный жрец. - Они понуждали его к жертвенному алтарю, они установили его на языческий алтарь и они ожидали, да они требовали от него, чтобы он исполнил жертву, с тем чтобы благословение их Бога пришло на них.

И в то время, как это свершалось, в то время, как его народ вознес на жертвенный алтарь, здесь упал он как мертвый, его Душа была как отрешенная и народ, который кругом вокруг верил, что его Бог опять пришел, увидел страшное, что тот же самый, кого они считали за нового, с Небес посланного жреца, как мертвый упал. Отрешенная Душа Иисуса из Назарета, однако, она чувствовала себя возвышенной в Духовные царства, она чувствовала себя как установленную в область Солнечного бытия. И теперь слышала она, как из сфер Солнечного бытия, звучали слова, как эта Душа их раньше внимала через Батх-Кол. Но теперь был Батх-Кол превращенным, ставшим нечто полностью другим. Голос приходил к нему также с совсем другого направления и то, что Иисус из Назарета теперь внимал, это можно, если переведа в наш язык, совместно схватить в словах, которые мне в первый раз позволено было сообщить, как мы за недолгое время заложили осново-камень для нашей Дорнаховской постройки (Dornacher Bau) (#25).

Существуют ведь оккультные обязательства! И следуя некому такому оккультному обязательству я тогда сообщил, что через превращенный голос Батх-Кол Иисус из Назарета внял в тот раз, как это свершилось, что я теперь равно рассказал. Внял Иисус из Назарета слова:

Аминь (АУМ) (#26)

Царят Лукавые

Порождают себя отвязанной Я-самостью

От другим задолженного Самости-долга

Переживаются в ежедневном Хлебе

В котором не царит Небес Воленье

В котором Человек себя отделил от Их Царства (#27)

И забыл Их Имена

Своих Отцов в Небесах

Amen (AUM)

Es walten die Ъbel

Zeugen sich lϋsender Ichheit

Von andern erschuldete Selbstheitschuld

Erlebet im tϔglichen Brote

In dem nicht waltet der Himmel Wille

In dem der Mensch sich schied von Eurem Reich

Und vergaЯ Eureн Namen

Ihr Vϔter in Himmeln.

Никак по-другому как так, могу я перевести в немецкий язык то, что как превращенный голос Батх-Кол в тот раз было взято Иисусом из Назарета. Никак по-другому как так! Это были эти слова, которые Душа Иисуса из Назарета принесла назад, как она опять пробудилась из обморока, через который она чувствовала себя отрешенной при том равно изложенном происшествии. И как Иисус из Назарета опять пришел в себя и направил вокруг глаза на множество отягощенных и обремененных, которые вознесли его на алтарь, здесь убежали таковые. И как он ясновидческому взору позволил изогнуться вдаль, мог он его только направить на толпу демонических обликов, демонических сущностей, которые все были связаны с этими людьми.

Это было второе значимое событие, второе значимое окончание в различных периодах Душевного развития, которое Иисус из Назарета проделал со своего двенадцатого года. Да, мои дорогие друзья, события, которые так сказать через свою душевностную сущность устанавливают Душу только в благословенное настроение, таковые не были это, которые на Душу подрастающего Иисуса из Назарета делали величайшее впечатление. Научиться узнавать должна была эта Душа бездны (Abgründe) человеческой природы уже в так юные годы, прежде чем наступило событие Иордана.

И с этого путешествия пришел Иисус из Назарета домой. Это было около того времени, как отец, который оставался дома, умер примерно в двадцать четвертом жизненном году Иисуса из Назарета. Как Иисус пришел домой, здесь имел он в Душе живо колоссальное впечатление демонических действий, которые погрузились во многое, что жило в древней языческой религии. Как это, однако, всегда есть, что известные ступени высшего познания достигают только через то, что учиться узнавать бездны жизни, так было это в известном способе также у Иисуса из Назарета, что он - у некоего места, которое я не знаю - около своего двадцать четвертого жизненного года вокруг через то, что он так бесконечно глубоко созерцал в человеческие Души, в Души, в которых как сконцентрирована была вся Душевная плачевность человечества тогдашнего времени, также особенно стал углублен в мудрость, которая все-таки как раскаленное железо пронизывает Душу, но также делает Душу так ясновидческой, что она может прозреть светлые

Духовные широты. И через то, что он внимал превращенный голос Батх-Кол, был он также как превращенный. Так был он в относительно-мерно юные годы одержим спокойным, пронизывающим Духовно-читающим взором (Gestesleseblick). Иисус из Назарета стал неким человеком, который созерцал глубоко в тайны жизни, который так мог созерцать в тайны жизни, как прежде никто на Земле, потому что никто прежде так как он не мог рассмотреть вплоть до какой степени может восходить человеческая бедственность. Сначала он увидел, как можно потерять почву под ногами через голую ученость; затем он пережил, как древние инспирации ушли потерянными; потом он увидел, как культы и жертвенные действия, вместо того, чтобы принести людей в связь с Богами, выколдовывали всяких демонических существ, которые делали людей одержимыми собой и их (людей) через это привносили в Душевные и телесные болезни и бедственность всякого рода. Наверняка никто на Земле всю эту плачевность так глубоко не созерцал как Иисус из Назарета, никто не имел то бесконечно глубокое ощущение в своей Душе как он, как он созерцал тот, одержимый демонами народ. Наверняка никто не был на Земле так подготовлен к вопросу: Как, как может расширение этой плачевности на Земле быть сделано остановленным?

Так был Иисус из Назарета не только оснащен взором со знанием мудреца, но в известном способе через жизнь стал посвященным. Это научились узнавать люди, которые в то время совместно вступали в некий известный орден, который ведь известен Миру, как Ессеевский орден (Essderorden). Ессеи были люди, которые лелеяли некий род тайного служения и тайного учения у определенных мест Палестины. Это был некий строгий орден. Тот, кто желал вступить в орден, должен был по меньшей мере один год, в большинстве, однако, больше лет проделывать строгие испытания. Он должен был показать через свое поведение, через свою благодетельность, через свое служение напротив высшим Духовным могуществам, через свое чувство для справедливости, человеческого равенства, через свое чувство неуделения вниманию внешнему человеческому имуществу и подобного этому, что он был достоин, чтобы быть посвященным. Если он затем был принят в орден, тогда существовали различные степени, через которые восходили к той жизни Ессеев, которая была определена с некой известной отделенностью и обособленностью от остального

человечества, в некоей строгой монастырской дисциплине и через известные очистительные устремления, через которые желали устранить все недостойное телесного и Душевного рода, чтобы приблизить себя к Духовному миру. Это выражается уже в некоторых символических законах Есеевского ордена. Расшифровка Акаша-Хроника показала, что название Есеев происходит или в любом случае совместно связано с иудейским словом Ессин (Essin) или Ассин (Assin). И это означает так нечто как черпак (Schaufel), черпачок (Schaufelchen), потому что Есеев как единственный символический знак постоянно носили некий маленький черпак как обозначение, что в некоторых сообществах ордена вплоть до сегодня сохранилось. В известных символических обычаях выражалось также то, что Есеев желали: что им не позволено носить при себе никаких монет, что им не позволено проходить через некие ворота, которые были окрашены или в чьей близи были образы-рисунки. И потому что Есеевский орден в тогдешнее время в некоем известном способе был тогда также внешне признан, сделали в Иерусалиме особые ворота, неокрашенные ворота, так чтобы также они могли идти в город. Ибо если Есеев приходил к неокрашенным воротам, должен он был всегда опять поворачивать назад. В самом ордене существовали древние пра-возвещения (Urkunden) и традиции, о содержании которых члены ордена строго умалчивали. Им позволено было учить, но только то, что они внутри ордена учили. Каждый, кто вступал в орден, должен был свое имущество отдать ордену. Число Есеев тогда ко времени Иисуса из Назарета было неким очень большим, примерно от четырех вплоть до пяти тысяч. Со всех мест тогдешнего Мира совместно сходились люди, которые посвящали себя строгим правилам. Они каждый раз, когда они где-нибудь далеко, в Малой Азии или еще дальше, имели некий дом, дарили таковой Есеевскому ордену и орден получал повсюду небольшие имения, дома, сады, да дальние пашни. Никто не был принят, кто не дарил все, что становилось Есеевам общим имуществом. Все принадлежало всем, никто отдельный не имел владения. Некий, для наших взаимосвязей чрезвычайно строгий закон был такой, что некому Есееву было позволено поддерживать с имуществом ордена всех нуждающихся и обремененных людей, только не тех, которые принадлежали своей собственной семье.

В Назарете существовало через дарение некое такое поселение Есеевского ордена и через это прямо пришло в лицезрительный круг Иисуса из Назарета то, чем был Есеевский орден. В центре ордена получали извещение о глубокой мудрости, которая в описанном роде погрузилась в Душу Иисуса из Назарета и прямо среди наиважнейших, мудрейших из Есеев образовалось некое известное настроение. Среди них образовалось некое известное пророческое созерцание: Если бы Миру позволено было взять правильное продвижение, тогда должны были бы возникать мудрые Души, которые должны были бы действовать как некий род Мессии (Messias). Поэтому они удерживали обзор, где особенно были бы такие Души. И они были глубоко тронуты, как они получили извещение о той глубокой мудрости, которая возникла в Душе Иисуса из Назарета. Отсюда, не было это никаким чудом, что Есееи, без того, чтобы Иисус из Назарета проходил испытания низших степеней, приняли его как некоего экстерниста (Externisten) в свое сообщество - я не желаю сказать в сам орден - и что в некоем известном способе доверительны, открыто-сердечны были сами мудрейшие Есееи напротив этому мудрому, юному человеку. В самом деле, слышал в этом Есеевском ордене юный Иисус из Назарета много, много глубокого о тайнах, которые были сохранены Еврейством, как учеными писаний в доме его отца. Некоторое также слышал он, что он уже сам раньше через Батх-Кол как через некое просветление внимал высвечивающим в своей Душе. Коротко, возник некий обмен идеями между Иисусом из Назарета и Есееями. И Иисус из Назарета учился узнавать в своем общении с Есееями в двадцать пятом, двадцать шестом, двадцать седьмом, двадцать восьмом жизненном году и еще за этим далее, почти все, что имел дать Есеевский орден. Ибо что ему не было сообщено через слова, это представляло себя ему через всякие ясновидческие впечатления-импресии (Impressionen). Важные ясновидческие впечатления-импресии имел Иисус из Назарета или внутри самого сообщества Есеев или некоторое время после в Назарете дома, где он в некоей более созерцательной жизни позволял воздействовать на себя тому, что проникало в его Душу из сил, которые приходили к нему, о которых Есееи ничего не угадывали, которые однако как следствие проводимых с Есееями разговоров были оживлены в его Душе.

Одно из этих переживаний, из этих внутренних впечатлений-импрессий должно быть особенно выдвинуто, потому что оно может просвечивать в целый Духовный ход развития человечества. Это было некое мощное, значимое видение, которое Иисус из Назарета имел как в некоем роде отрешенности, в котором ему явился Будда (Buddha), как в непосредственном присутствии. Да, Будда явился Иисусу из Назарета как следствие обмена идей с Ессеями. И можно сказать, что в то время между Иисусом и Буддой имел место некий Духовный разговор. Это принадлежит моему оккультному обязательству сообщить вам содержание этого Духовного разговора, ибо нам позволено, да мы должны сегодня затронуть эти значимые тайны развития человечества. В этом значимом Духовном разговоре проведаль Иисус из Назарета от Будды, что таковой примерно сказал: Если мое учение так, как я его учил, полностью бы пришло в исполнение, тогда должны были бы все люди стать равными Ессеям. Это, однако, не может быть. Это было заблуждением в моем учении. Также Ессеи могли себя только продвигать дальше, тем что они себя обособляют от остального человечества; для них должно остальное человечество быть здесь. Через исполнение моего учения должны были возникнуть сплошные (lauter) Ессеи. Это, однако, не может быть. - Это было некое значимое переживание, которое имел Иисус из Назарета через сообщество с Ессеями.

Некое другое переживание было то, что Иисус из Назарета сделал знакомство с одним также еще юным человеком, с одним почти одновозрастным человеком, который сблизился, все-таки в некоем совсем другом способе, чем Иисус из Назарета, с Ессеевским орденом, который однако этому вопреки также не стал совсем Ессеем. Это был тот, хотелось бы сказать, как некий мирянин-брат (Laienbruder) внутри Ессеевского сообщества живущий Иоанн Креститель. Он одевался как Есей, ибо таковые носят зимой одежду из верблюжьего волоса. Но он никогда не мог учение Иудаизма полностью в себе поменять с учением Ессеев. Так как однако учение Ессеев, целая жизнь Ессеев делало на него некое большое впечатление, жил он как мирянин-брат жизнь Ессеев, позволял себя подвигать, позволял себя постепенно инспирировать и приходил мало-по-малу к тому, что ведь рассказывается об Иоанне Крестителе в Евангелиях. Многие разговоры имели место между Иисусом из Назарета и Иоанном Крестителем. - Здесь свершилось одним днем - я

знаю, что это называется, эти вещи так просто рассказывать, но ничто не может меня останавливать; я знаю вопреки, что эти вещи вследствие тому оккультному обязательству теперь должны быть рассказаны - свершилось одним днем, что Иисус из Назарета, в то время, как он говорил с Иоанном Крестителем, видел перед собой как исчезнувшим телесность Иоанна Крестителя и имел видение Илии (Elias). Это было второе важное Душевное переживание внутри сообщества Ессеевского ордена.

Здесь существовали однако также другие переживания. Уже с долгого времени Иисус из Назарета мог наблюдать нечто особенное: Когда он приходил к местам, где были Есеевские ворота, где были необразные (bildlose) ворота, здесь не мог Иисус из Назарета проходить через такие ворота, без того, чтобы опять-таки не проделать некий горький опыт. Он видел эти необразные ворота, но для него были Духовные образы у этих ворот; для него являлось по обеим сторонам неких таких ворот всегда то, что мы теперь научились узнавать в различных Духовно-научных разбирательствах под именем Ариман и Люцифер. И постепенно упрочнилось ему чувство, впечатление в Душе, что несклонность Ессеев против образов ворот, должна была бы иметь нечто поделаться с выколдовыванием таких Духовных существ, как он их созерцал у этих ворот, что образы у ворот якобы были отображениями Люцифера и Аримана. И чем чаще Иисус из Назарета это замечал, тем больше восходили такие чувства в его Душе.

Кто такое переживает, тот не находит, что об этих вещах одинаково много позволено раздумывать; ибо эти вещи действуют потрясающе на Душу. Чувствуют также очень скоро, что человеческих мыслей не хватает, чтобы их достаточно глубоко обосновать. Мысли считают тогда неспособными, чтобы проникнуть к этим вещам. Но впечатления вкапываются не только глубоко в Душу, но становятся некой частью Душевной жизни самой. Чувствуют себя как связанным с частью своей Души, в которой собрали такие переживания, как связанные с переживаниями сами, несут эти переживания дальше через жизнь.

Так нес Иисус из Назарета через жизнь оба образа Люцифера и Аримана, которые он часто видел у ворот Ессеев. Это сначала действовало не иначе, как что ему было сознательно, что царит некая тайна между этими Духовными существами и Ессеями. И действие, которое упражняло это на его Душу, вносило себя в понимание с Ессеями; начиная с этих переживаний в Душе Иисуса из Назарета не могли более так хорошо взаимосторонне друг друга понимать. Ибо жило в его Душе нечто, о чем он не мог говорить напротив Ессеям, потому что каждый раз нечто как в речи проглатывалось, ибо всегда вставлялось здесь нечто между, что он переживал у Ессеевских ворот.

Одним днем, как после некоего особо важного, значимого разговора, в котором зашла речь о высшем, Духовном, Иисус из Назарета покидал ворота главного строения Ессеев, здесь встретил он, тем что он проходил через ворота, облики, о которых он знал, что они были Люцифер и Ариман. И он видел убегающими Люцифера и Аримана от ворот Ессеевского монастыря. И погрузился в его Душу один вопрос. Но не как если он сам, не как если он через рассудок вопрошал, но с глубокой элементарной властью, проник в его Душу вопрос: Куда убегают таковые, куда убегают Люцифер и Ариман? - Ибо он знал, святость монастыря Ессеев принесла их в бегство. Но вопрос вживался в его Душу: Куда убегают таковые? - И этот вопрос не высвобождал он больше из своей Души, этот вопрос горел как огонь в его Душе; с этим вопросом ходил вокруг он ежечасно, да ежеминутно переживая в следующие недели. Как он после Духовного разговора, который он провел, покинул ворота главного строения Ессеев, здесь загорелся в его Душе вопрос: Куда убегают Люцифер и Ариман?

Что он, под впечатлением этого в своей Душе живущего вопроса делал дальше, после того как он пережил, что древние инспирации ушли потерянными, религии и культы были испорчены демоническими властями и как он упал у алтаря Языческого культа, внял превращенный голос Батх-Кол и должен был себя спросить, что имеют означать слова Батх-Кол и что равно рассказанное мной имеет означать, что Душа Иисуса из Назарета себя теперь спрашивала: Куда убегают Люцифер и Ариман? - об этом желаем мы дальше завтра говорить.

Христиания (Осло), Пятый доклад, 6 Октября 1913

Вчера могли мы бросить взор на жизнь Иисуса из Назарета во время, которое протекло для него приблизительно с его двенадцатого жизненного года вплоть до примерно к концу его двадцатых годов. Из того, что мне позволено было рассказать, могли вы конечно иметь ощущение, что разыгралось нечто глубоко значимое для Души Иисуса из Назарета в это время, глубоко значимое однако также для целой эволюции человечества. Ибо вы ведь конечно из осново-ощущения, которое вы себе могли образовать через ваше Духовно-научное изучение, знаете, что все взаимно-зависит в эволюции человечества и что некое, так значимое событие с неким человеком, в чью Душу ввигрывается так много, так бесконечно много из дел целого человечества, равно также есть значимо для целой эволюции человечества. Мы учимся то, чем стало событие Голгофы для эволюции человечества, в различнейших способах узнавать. В этом цикле докладов дело идет о том, чтобы научиться узнавать это через рассмотрение самого Христа Иисуса-Жизни. И так обращаем мы взор, который мы вчера направили на характерный временной промежуток, который лежит между двенадцатым годом и Иоанново-Крещением, сегодня еще раз на Душу Иисуса из Назарета и спрашиваем нас: Что могло все-возможное жить в этой Душе, после того, как значимые события разыгрались вплоть до внутрь в двадцать восьмой, двадцать девятый год, о которых я вчера говорил.

Что жило в этой Душе, наверное получают некое ощущение, некое чувство об этом, если позволено будет рассказать некую сцену, которая разыгралась в конце его двадцатых годов у Иисуса из Назарета. Эта сцена, которую я ведь имею рассказать, затрагивает некий разговор, который Иисус из Назарета вел со своей матерью, с той итак, которая через совместное слияние обеих семей на долгие годы стала его матерью. Он ведь целые годы изъяснялся (*verstanden*) с этой матерью совсем близко и преимущественно, много лучше, чем он мог изъясняться с другими членами семьи, которые

жили в доме в Назарете, это называется, он изъяснялся бы вполне хорошо с ними, но они не могли изъясняться хорошо с ним. Были ведь обсуждены также уже раньше между ним и его матерью некоторые из впечатлений, которые постепенно образовались в его Душе. Но в названном временном промежутке разыгрался однажды некий верно значимый разговор, который мы сегодня рассмотрим, который позволяет нам глубоко взглянуть в его Душу.

Иисус из Назарета стал мало-по-малу через вчера охарактеризованные переживания превращенным, так что бесконечная мудрость отчеканилась в его лице. Но он был также, как это ведь всегда, если также это в наименьшей степени есть такой случай, когда мудрость в некой человеческой Душе увеличивается, пришел к некой известной внутренней опечаленности (Traurigkeit). Мудрость прежде всего принесла ему плод, что он взор, который он мог обратить в свое человеческое окружение, его собственно делал верно опечаленным. К этому пришло вдобавок, что он в последнем двадцатом году все больше в покойные часы должен был думать о нечто совсем определенном: Всегда опять снова должен он был думать о том, как в его двенадцатом году имел место некий такой переворот, некая такая революция в его Душе, как это выдало себя через переход Заратустра-Я в его Душу. Он должен был думать о том, как он в первые времена после своего двенадцатого года чувствовал только бесконечное богатство этой Заратустра-Души в себе. Он не знал ведь, в конце двадцатого года еще, что он был опять-воплощенный Заратустра; но он знал, что некий великий, могучий переворот произошел в его Душе в его двенадцатом году. И теперь имел он часто чувство: Ах, как было это все-же по-другому со мной до этого переворота в моем двенадцатом году! - Он чувствовал, когда он теперь думал назад к тому времени, как бесконечно тепло было это тогда в его душевности. Он был ведь как мальчик совсем миро-отрешенным (weltentrickt). Здесь имел он хотя живейшее ощущение для всего, что говорит из природы к человеку, для всего великолепия и величия природы, но он имел менее задатка для того, что человеческая мудрость, человеческое знание усвоило себе. Он интересовался менее для того, что можно выучить школьно-мерно! Было бы неким полным заблуждением, если бы верили, что этот Иисус-мальчик, прежде чем Заратустра вселился в его Душу, вплоть до своего двенадцатого года внутрь, имел якобы примерно во

внешнем смысле некую особую одаренность, что он был якобы особенно смысленный (gescheit). Напротив, обладал он некой необычайной, кроткой сущностью, некой бесконечной способностью Любви, некой глубокой внутренней душевностью жизнью, неким охватывающим пониманием для всего человеческого, но никаким интересом для всего того, что люди накопили себе при знании в течение столетий. И тогда было это так, как если после этого момента в храме при Иерусалиме в своем двенадцатом году это все как бы излилось из его Души и зато вся мудрость влилась! И теперь должен он был часто думать и ощущать как, так в совсем другом способе, он со всяким глубоким Духом Мира раньше до своего двенадцатого года был связан, как если здесь его Душа была бы открыта для глубин бесконечных широт! И как он с тех пор жил со своего двенадцатого года, как он здесь находил свою Душу подходящей для некого рода принятия еврейской учености, которая однако совсем пра-источно, как из себя исходила, как он проделал потрясение, что Батх-Кол не мог более действовать в древнем способе инспирирующе; как он затем в своих путешествиях научился узнавать языческие культы, как ему все знание и религиозность Язычества в своих различных нюансах прошло через Душу. Он думал тогда, как он здесь между своим восемнадцатом и двадцать четвертым годом жил во всем том, что человечество внешне достигло себе, и как он затем вступил в сообщество Ессеев и там научился узнавать некое тайное учение и людей, которые предавались этому тайному учению. Об этом должен он был часто думать. Но он знал также, что беря в основе, восходило в его Душе только то, что с древности люди накопили себе при знании; он жил в том, что предлагали человеческие сокровища при мудрости, человеческие сокровища при культуре, человеческие сокровища при моральных достижениях. Он чувствовал, он жил в человеческом Земли со своего двенадцатого года. И теперь должен он был часто думать назад, как он был до этого двенадцатого года, где он как бы чувствовал себя связанным с Божественными пра-основами бытия, где все в нем было элементарным и пра-источным, где все из некой клокочащей жизни, из некой теплой, живой душевности приходило и его совместно смыкало с другими человеческими Душами, в то время как он теперь стал уединенным и одиноким и молчаливым.

Все эти чувства были это, которые принесли к состоянию, что имел место некий совсем определенный разговор между ним и личностью, которой стала ему мать. Мать любила его колоссально и она часто говорила с ним обо всем красивом и великом, что показывало себя в нем с двенадцатого года. Некая все более интимная, более благородная, более красивая взаимосвязь образовалась к этой сводной матери. Но свой внутренний разлад он вплоть до этого умалчивал также этой матери, так что она видела только красивое и великое. Он видела только, как он становился все мудрее и мудрее, как он все глубже проникал в целую эволюцию человечества. Поэтому было из того, что имело место как некий род генеральной исповеди, многое ново для нее, но она приняла это с близким, теплым сердцем. Это было в ней как некое непосредственное понимание для его печальности, его чувственного настроения, того, что он томился назад к тому, что он имел в себе до своего двенадцатого года. Поэтому искала она чтобы поднять и утешить его, тем что она начала говорить обо всем, что с тех пор выступало в нем так красиво и великолепно. Она напомнила ему обо всем, что ей стало через него известно об опять-обновлении великих учений, мудрых изречений и сокровищ закона Иудаизма. Что все через него выступило, об этом говорила она с ним. Ему становилось однако только все тяжелее для сердца, когда он так слушал говорящую мать, так ценящую то, что он внутренне все-же собственно чувствовал как преодоленным. И окончательно возразил он: Да, это пусть все так есть. Но через меня или через некого другого сегодня могли бы быть обновлены все древние, великолепные сокровища мудрости Иудаизма, что имело бы это за значение для человечества? Это все в основе все-же незначимо, что в таком роде выступает. Да, если сегодня было бы вокруг нас некое человечество, которое имело бы уши, чтобы слышать еще древних пророков, тогда было бы для этого человечества полезным, когда могли бы быть обновлены сокровища мудрости древнего пророчествования (Prophentums). Но само если некто так мог бы говорить, как говорили древние пророки, само если Илия пришел бы сегодня - так говорил Иисус из Назарета - и нашему человечеству желал бы возвестить то, что он как лучшее испытал в Небесных широтах: нет ведь людей здесь, которые имели бы уши, чтобы слышать мудрость Илии, древних пророков, также Моисея (Moses), да вплоть вверх до Авраама (Abraham). Все, что эти пророки возвещали, было бы невозможно возвестить сегодня.

Их слова были бы неслышанно заглушены в ветре! И так есть это ведь все, что я имел в своей Душе, неценно.

Так говорил Иисус из Назарета и он указывал на то, как недавно слова некоего истинно великого учителя, беря в основе, прозвучали без того, чтобы оставить некое большое воздействие. Ибо, так говорил он, хотя не был он также никаким учителем, который достигал до древних пророков, так был он все-же некий великий, значимый учитель, добрый старый Хиллел (Hillel) (#28). Иисус знал точно, что этот старый Хиллел для многих значит в пределах Иудейства, который сам в так тяжкие времена Ирода (Herodes) как Духовный учитель знал, чтобы завоевать некий большой престиж (Ansehen). Это был человек, который имел великие сокровища мудрости в своей Душе. И Иисус знал, как мало сердечные слова, которые говорил старый Хиллел, находили доступ в сердца и Души. Однако-же о старом Хиллел говорили: Тора (Thora) сумма древнейших, значимейших законов Иудейства исчезала и Хиллел опять-таки ее восстановил. - Как некий обновитель пра-источной Иудейской мудрости являлся Хиллел для тех его современников, которые его понимали. Он был некий учитель, который также странствовал вокруг как некий истинный учитель мудрости. Кротким был его осново-характер, неким родом Мессии был он. Это все рассказывает сам Талмуд и это позволяет себя после-проверить через внешнюю ученость. Люди были очень большой хвалы о Хиллел и рассказывали много хорошего о нем. Я могу только отдельное выхватить, чтобы намекнуть на тот род, как Иисус из Назарета говорил своей матери, чтобы уточнить свое Душевное настроение.

Хиллел описывается как некоего кроткого, мягкого характера, который колоссально действовал через мягкость и Любовь. Некое рассказывание сохранилось, которое есть особенно значимо, чтобы показать, как Хиллел был человеком терпения и кроткости, который каждому шел навстречу. Два человека поспорили однажды о возможности, чтобы возбудить Хиллел до гнева, ибо было известно, что Хиллел вообще не может впасть в гнев. Здесь поспорили, теперь, два человека, из которых один сказал: Я желаю сделать все, чтобы Хиллел довести до гнева. - Он желал затем иметь свой спор выигранным. Как для Хиллел время прямо было наивсезанятым, как он имел наибольшим поделаться с

подготовлением к Саббат (Sabbat), где некому такому человеку можно наименьшим помешать, здесь постучал тот человек, который вовлекся в спор, в дверь к Хиллел и сказал, не примерно в некоем вежливом тоне или с каким-нибудь обращением - а Хиллел был председателем высшего Духовного ведомства, который привык, чтобы быть обращаемым вежливо - но человек позвал просто: Хиллел, выходи наружу, выходи быстро наружу! - Хиллел накинул себе свое пальто и вышел наружу. Человек сказал в остром тоне, опять-таки без малейшей вежливости: Хиллел, я имею нечто тебе спросить. - И добродушно отвечал Хиллел: Мой дорогой, что имеешь ты тогда спросить? - Я имею тебя спросить, почему Вавилоняне (Babylonier) имеют такие тонкие головы? - Здесь сказал Хиллел с наикротким тоном: Теперь, мой дорогой, Вавилоняне имеют такие тонкие головы, потому что они имеют таких неловких акушерок. - Здесь пошел человек прочь и думал, этот раз остался Хиллел кротким. Хиллел уселся опять-таки за свою работу. После пары минут пришел человек назад и вызвал Хиллел посреди его работы опять-таки грубо наружу: Хиллел, выходи наружу, я имею нечто важное тебе спросить! - Хиллел накинул себе свое пальто, вышел наружу и заговорил: Теперь, мой дорогой, что имеешь ты опять спросить? - Я имею тебя спросить, почему Арабы (Araber) имеют такие маленькие глаза? - Кротко сказал Хиллел: Потому что пустыня есть такая большая, это делает глаза маленькими, глаза становятся маленькими при рассматривании большой пустыни, поэтому имеют Арабы такие маленькие глаза. - Опять остался Хиллел кротким. Здесь был человек верно напуганным о своем споре, и он пришел опять-таки и позвал в третий раз в грубом тоне: Хиллел, выходи наружу, я имею нечто важное тебе спросить! - Хиллел одел свое пальто, вышел наружу и спрашивал со всегда одинаковой кротостью: Теперь, мой дорогой, что имеешь ты теперь спросить? - Я имею тебя спросить, почему Египтяне имеют такие плоские ступни? - Потому что местности здесь есть такие болотистые, поэтому имеют Египтяне такие плоские ступни. - И спокойно и невозмутимо ушел Хиллел к своей работе. После пары минут пришел человек опять и рассказал Хиллел, что он желал его теперь не спрашивать; он сделал один спор, что он его желал бы ввести в гнев, но не знал, как он его мог бы ввести в гнев. Здесь сказал Хиллел кротко: Мой дорогой, лучше, что ты проиграешь твой спор, чем Хиллел впадет в гнев!

Эта легенда рассказывает к доказательству того, как кроток и любезен был Хиллел сам с каждым, кто его мучал. Такой некий человек есть - так намекал Иисус из Назарета своей матери - во многом отношении нечто, как некий древний пророк. И не знаем ли мы многие высказывания Хиллел, которые звучат как некое обновление древнего пророчествования? Некоторые красивые высказывания Хиллел-а привел он и затем сказал он: Смотри, дорогая мать, о Хиллел говорилось, что он есть как некий воскресший пророк. Я имею еще особый интерес к нему, ибо достопримечательно проясняется нечто во мне, как если еще якобы есть некая особая взаимосвязь здесь между Хиллел и мной; мне проясняется нечто, как если то, что я знаю и что во мне живет как великое откровение Духовного, приходит якобы не единственно из Иудаизма. - И равно так же было это ведь у Хиллел; ибо таковой был ведь по внешнему рождению Вавилонянин и вошел только позднее в Иудаизм. Но также он происходил из рода Давида, был из пра-древних времен родственен с Давидовым родом, из которого Иисус из Назарета и Его-близкие (Seinigen) сами также происходили. И Иисус сказал: Когда я также так, как Хиллел, как сын из рода Давида желал бы высказывать высокие откровения, которые как некое просветление вливались в мою Душу и которые есть те же самые высокие откровения, которые были даны иудейскому народу, сегодня не есть никаких ушей здесь, чтобы их слышать!

Глубоко в его Душе откладывались боль и страдание о том, что ведь тогда еврейскому народу были даны величайшие истины Мира, что тогда также тела этого народа были такими, что они могли понимать эти откровения, что однако теперь времена стали другими, что также тела еврейского народа стали другими, так что они не могли более понимать древние откровения пра-отцов.

Некое колоссально раздирающее, болезненное переживание было это для Иисуса, что он должен был сказать себе: Тогда было понимаемо, что учили древние пророки, понимаемым был еврейским народом язык Бога, сегодня, однако, не есть никто здесь, кто его понимает; глухие уши были бы проповедуемы. Такие слова не есть более на месте; нет более ушей здесь, которые их понимают! Неценно и бесполезно есть все, что можно было бы сказать

таким способом. - И как совместно схватя то, что он в этом направлении имел сказать, говорил Иисус из Назарета своей матери: Это не есть более для этой Земли возможно откровение древнего Иудаизма, ибо древние Иудеи не есть более здесь, чтобы его принять. Это должно быть рассматриваемо как нечто нестоящее на нашей Земле.

И достопримечательным способом слушала его мать спокойно, как он говорил о неценности того, что было ей наисвятейшим. Но она его сердечно любила и чувствовала только свою бесконечную Любовь. Отсюда, перешло нечто в нее из глубокого чувство-понимания того, что он имел ей сказать. И затем продолжал он разговор дальше и пришел к тому, чтобы доложить как он странствовал в языческие Культовые места и что он там пережил. Просветлилось в его Духе, как он упал в обморок у языческого алтаря, как он слышал измененный голос Батх-Кол. И здесь прояснилось ему нечто как некое воспоминание древнего Заратустра-Учения. Он не знал точно, что он носил Заратустра-Душу в себе, но древнее Заратустра-Учение, Заратустра-Мудрость, древний Заратустра-Импульс восходили во время разговора в нем. В сообществе со своей матерью переживал он этот великий Заратустра-Импульс. Все красивое и великое древнего Солнце-учения восходило в его Душе. И он вспоминал: Как я лежал у языческого алтаря, здесь слышал я нечто, как некое откровение! - И теперь пришли в его воспоминании слова превращенного Батх-Кол, которые я ведь вчера высказал, и он говорил своей матери:

Аминь (АУМ)

Царят Лукавые

Порождают себя отвязанной Я-самостью

От другим задолженного Самости-долга

Переживаются в ежедневном Хлебе

В котором не царит Небес Воленье

В котором Человек себя отделил от Их Царства

И забыл Их Имена

Своих Отцов в Небесах

Amen (AUM)

Es walten die Ъbel

Zeugen sich lϋsender Ichheit

Von andern erschuldete Selbstheitschuld

Erlebet im tϔglichen Brote

In dem nicht waltet der Himmel Wille

In dem der Mensch sich schied von Eurem Reich

Und vergaЯ Euren Namen

Ihr Vϔter in Himmeln.

И все великое также Митрас-служения ожило с ними в его Душе и представлялось ему как через внутреннюю гениальность. Много говорил он со своей матерью о величии и славы (Glorie) древнего Иудаизма. Много говорил он о том, что жило в древних Мистериях народов, как совместно сливались отдельные Мистерии-служения Передней Азии и Южной Европы в этом Митрас-служении. Но одновременно носил он в своей Душе страшное ощущение: как мало-помалу это служение изменялось и приходило под

демонические власти, которые он сам пережил приблизительно в своем двадцать четвертом жизненном году. Пришло ему все в чувство, что он тогда пережил. И здесь являлось ему древнее Заратустра-Учение как нечто, для чего люди сегодняшнего времени не являются воспринимающими. И под этим впечатлением говорил он своей матери второе значимое слово: Когда также обновленными стали бы все древние Мистерии и культы и все то вливалось бы, что однажды было великим в Мистериях Язычества, люди чтобы это внимать, не есть более здесь! Все это есть бесполезно. И выходил бы я и возвещал бы людям то, что я как измененный голос Батх-Кол слышал, делал бы я возвещение тайны, почему люди в своей физической жизни не могут более жить в сообществе с Мистериями, или возвещал бы я древнюю Солнце-мудрость Заратустры, сегодня не есть люди здесь, которые это бы поняли. Сегодня все это в людях обернулось бы в демоническую сущность, ибо это звучало бы так в человеческих Душах, что уши не есть здесь, чтобы такое понимать! Люди прекратили мочь слышать то, что однажды было возвещаемо и слышимо.

Ибо знал теперь Иисус из Назарета, что то, что он тогда слышал как измененный голос Батх-Кол, который ему воззвал слова: "Аминь, царят Лукавые" - было неким пра-древним святым учением, было некой все-царящей молитвой в Мистериях, которой молились в Мистериях-местах, что сегодня было забыто. Он знал теперь, что то, что ему было дано, было неким указанием на древнюю Мистирию-мудрость, которая нашла на него, как он был отрешенным у языческого алтаря. Но он видел одновременно и выразил это также в том разговоре, что не существует никакая возможность это сегодня опять-таки принести к пониманию.

И затем вел он этот разговор с матерью дальше и говорил о том, что он в кругу Ессеев принял в себя. Он говорил о красоте, величии и глории учения Ессеев, вспоминая большую мягкость и кротость Ессеев. Затем сказал он третье значимое слово, которое ему вошло в его визионарном разговоре с Буддой: Не могут все-же все люди стать Ессееями! Как прав был все-же Хиллел, как он говорил слова: Не обособляй себя от совокупности, но свершай и действуй в совокупности, неси свою Любовь к твоим братьям-людям (Nebenmenschen) ибо когда ты есть один, что есть ты тогда?

Так делают это, однако, Ессеи; они обособляют себя, они оттягивают себя со своим святым жизне-поведением назад и приносят через это несчастье над другими людьми. Ибо люди должны через это быть несчастными, что они себя от них обособляют. - И затем сказал он матери значимейшее слово, тем что он рассказал ей переживание, которое я вчера оговаривал: Как я однажды после некоего интимного, важнейшего разговора с Ессеями уходил прочь, здесь увидел я у главных ворот, как Люцифер и Ариман убежали оттуда. С того времени, дорогая мать, знаю я, что Ессеи через свой способ жизни, через свое тайное учение сами себя от них защищают, так что Люцифер и Ариман должны от их ворот убежать. Но они посылают через это Люцифера и Аримана прочь от себя к другим людям. Ессеи становятся счастливыми в своих Душах за счет других людей; он становятся счастливыми, потому что они себя сами спасают от Люцифера и Аримана! Да, некая возможность не существует, чтобы восходить туда, где объединяют себя с Божественно-Духовным, но только отдельные могут это достигать за счет большого множества-толпы. Он знал теперь: Ни Иудейским, ни Языческим способом, ни Ессеевским способом не принести всеобщему человечеству взаимосвязь с Божественно-Духовным миром.

Это слово вбивалось устрашающе в Душу любящей матери. Он был во время этого целого разговора объединен с ней, как одно с ней. Целая Душа, целое Я Иисуса из Назарета располагались в этих словах. И здесь хотел бы я обратиться к некой тайне, которая имело место до Иоанново-Крещения в этом разговоре с матерью: Нечто перешло из Иисуса к этой матери. Не только в словах высвободилось в борьбе это все из его Души, но потому что он так тесно был с ней объединен со своего двенадцатого года, перешла с его словами его целая сущность к ней, и он стал теперь таким, что он как вышел из себя, как если у него его Я ушло прочь. Мать, однако, имела некое новое Я, которое погрузилось в нее. И после-исследуют, пытаются выведать, что здесь произошло, то устанавливается следующее достопримечательное.

Целая страшная боль, страшное страдание Иисуса, которое высвободилось в борьбе, излились в Душу матери и она чувствовала себя как одно с ним. Иисус, однако, чувствовал, как если все, что с его двенадцатого года жило в

нем, ушло якобы прочь во время этого разговора. Чем больше он об этом говорил, тем больше становилась мать наполненной всей мудростью, которая в нем жила. И все переживания, которые с его двенадцатого года жили в нем, они оживали теперь в Душе любящей матери! Но из него были они как исчезнувшими прочь; он как вложил в Душу, в сердце матери то, что он сам пережил со своего двенадцатого года. Через это превратилась Душа матери.

Как превращенной был он с того разговора, так превращенным, что братья или сводные братья и другие родственники, которые были в его окружении, получили мнение, он якобы потерял рассудок. Как жалко, говорили они, он знал так много; он был ведь всегда очень молчаливым, теперь, однако, он полностью сошел с ума, теперь он потерял рассудок! - Его рассматривали как некоего потерянного. Он действительно бродил также днями как сновидчески в доме вокруг. Заратустра-Я было равно при том, чтобы покинуть это тело Иисуса из Назарета и перейти в Духовный мир. И как последнее решение вырвалось из него: Как через некое побуждение, как через некую необходимость гонимый, двинулся он спустя несколько дней, как механически из дома прочь, к ему уже известному Иоанну Крестителю, чтобы получить от него Крещение.

И тогда имело место событие, которое я часто описывал как Иоанново-Крещение в Иордане: Христос-Существо погрузилось вниз в его тело.

Таковыми были процессы. Иисус был теперь проникнут Христос-Существом. С того разговора со своей матерью отступило Я Заратустры и то, что было прежде, что он был вплоть до к двенадцатому году, это было опять-таки здесь, только выросшим, ставшим еще больше. И внутрь, в его тело, которое теперь носило в себе только бесконечную глубину душевности, в чувство быть открытым для бесконечных широт, погрузился Христос. Иисус был теперь проникнут Христосом; мать, однако, получила также некое новое Я, которое погрузилось в нее; она стала некой новой личностью.

Представляется Духовному исследователю следующее: В тот самый момент, как это Крещение в Иордане свершилось, чувствовала также мать нечто, как конец ее превращения. Она чувствовала - она была тогда в сорок пятом, в сорок шестом жизненном году - она чувствовала себя как за один раз проникнутой Душой той матери, которая была мать Иисус-мальчика, который в своем двенадцатом году принял Заратустра-Я и которая умерла. Так, как Христос-Дух снизошел на Иисуса из Назарета, так снизошел Дух другой матери, которая тем временем пребывала в Духовном мире на сводную мать, с которой Иисус имел тот разговор. Она чувствовала себя с тех пор как та юная мать, которая однажды родила Лука-Иисус-мальчика.

Представим мы себе правильным способом то, что это есть за значимое событие! Попытаемся мы это чувствовать, но также чувствовать, что теперь на Земле жила совсем особая сущность: Христос-Существо в некоем человеческом теле, некое существо, которое еще не жило в некоем человеческом теле, которое прежде было только в Духовных царствах, которое прежде не имело никакой Земной жизни, которое знало Духовные миры, не Земной мир! Из Земного мира проведало это существо только то, что было как бы сохранено в трех телах, в физическом теле, в эфирном теле, в астральном теле Иисуса из Назарета. Оно погрузилось вниз в эти три тела, какими они стали под влиянием тридцатилетней жизни, это я ведь излагал. Так переживало это Христос-Существо совсем непредвзято то, что оно переживало сначала на Земле.

Это Христос-Существо было сначала приведено - это показывает нам также Акаша-Хроника Пятого Евангелия - в уединение. Иисус из Назарета, в чьем теле было Христос-Существо, ведь отдал все, что ему раньше соединяло с остальным Миром. Христос-Существо именно пришло на Землю. Сначала привлекалось это Христос-Существо к тому, что через впечатления тела, которые как оставались в памяти, вкопали себя наисильнейше в астральном теле. Как бы сказало себе Христос-Существо: Да, это есть тело, которое переживало убегающих Аримана и Люцифера, которое ощущало, что стремящиеся Ессеи Аримана и Люцифера толкают к другим людям. - К ним чувствовало Христос себя привлекаемым, к Ариману и Люциферу, ибо он сказал себе:

Это есть Духовные сущности, с которыми люди на Земле должны бороться. - Так втянулось это Христос-Существо, которое в первый раз обитало в некоем человеческом теле, в некоем Земном теле, сначала в борьбу с Люцифером и Ариманом в уединение пустыни.

Я верю, что сцена искушения так, как я ее теперь расскажу, насквозь правильна. Но это есть очень тяжело, такие вещи читать в Акаша-Хронике. Поэтому замечу я подчеркнута, что одно или другое незначительно могло бы быть модифицировано при некоем дальнейшем оккультном расследовании. Но сущностное есть уже здесь и это сущностное имею я вам рассказать. Сцена искушения стоит ведь в других Евангелиях. Но таковые рассказывают с различных сторон. Это я часто выдвигал. Я старался эту сцену искушения так завоевать, как она действительно была и я хотел бы рассказать непредвзято, как она действительно была.

Сначала встретило Христос-Существо в теле Иисуса из Назарета в уединении Люцифера, Люцифер, как он царит и действует и подходит к людям искушающе, если они себя переоценивают, если они имеют слишком мало самопознания и смирения. Подступать к ложной гордости, высокомерию, к само-возвеличению людей: это Люцифер будет ведь всегда пытаться. Теперь выступил Люцифер Христосу Иисусу напротив и сказал ему приблизительно слова, которые ведь также в других Евангелиях стоят: Посмотри на меня! Другие царства, в которые установлен человек, которые основаны другими Богами и Духами, они стары. Я однако желаю основать новое царство; я отвязал себя от Миро-порядка; я дам тебе все, что есть при красоте и великолепии в старых царствах, если ты вступишь в мое царство. Но обособить должен ты себя от других Богов и меня признать! - И всю красоту и великолепие Люциферического мира излагал Люцифер, все, что должно бы говорить к человеческой Душе, если она также имеет только немного высокомерия в себе. Но Христос-Существо пришло равно из Духовных миров; оно знало кто Люцифер есть и какова есть взаимосвязь Души к Богам, которая не желает быть соблазненной на Земле Люцифером. Христос-Существо не знало хотя ничего из Люциферического соблазна в Мире, из

которого оно пришло; оно знало однако, как служат Богам, и оно было так сильно, чтобы отвергнуть назад Люцира.

Здесь сделал Люцифер вторую атаку, но теперь достал он себе Аримана к своей поддержке, и они говорили теперь оба к Христосу. Один желал раздражить его высокомерие: Люцифер; другой желал говорить к его страху: Ариман. Через это пришло к состоянию то, что ему один говорил: Через мою Духовность, через то, что я тебе могу дать, если ты меня признаешь, не будешь ты нуждаться того, чего ты теперь нуждаешься, потому что ты как Христос выступаешь в некоем физическом теле. Это физическое тело подчиняет тебя, ты должен в нем признать закон тяжести. Оно препятствует тебе преступить закон тяжести, я однако возвышу тебя над законами тяжести. Если ты меня признаешь, я отменю следствия падения и с тобой ничего не случится. Брось себя вниз с кромки-стены (Zinne)! Стоит ведь написано: Я прикажу Ангелам, чтобы они тебя оберегали, чтобы ты твоей ногой не преткнулся на камень. - Ариман, который желал действовать на его страх, говорил: Я оберегу тебя от страха! Брось себя вниз!

И оба напирали на него. Но так как оба на него обрушивались и как бы в своем натиске удерживали весы, мог он себя от них спасти. И он нашел силу, которую человек должен найти на Земле, чтобы возвысить себя над Люцифером и Ариманом.

Здесь сказал Ариман: Люцифер, я могу не нуждаться в тебе, ты сдерживаешь меня только, ты мою силу не умножил, но уменьшил, я буду один его искушать. Ты воспрепятствовал, чтобы эта Душа нам подпадает. - Здесь отослал Ариман Люцифера прочь и сделал последнюю атаку, как он один был и он сказал то, что ведь отзвучивается в Матфея-Евангелии: Если ты желаешь тебе восхвалить Божественные силы, тогда сделай минеральное хлебом, или как это стоит в Евангелии: Сделай камни хлебом! - Здесь сказало Христос-Существо Ариману: Люди живут не хлебом единственно, но тем, что как Духовное приходит с Духовных миров. - Это знало Христос-Существо наилучше, ибо оно ведь равно только снизошло с Духовных миров. Здесь отвечал Ариман: Вполне, можешь ты быть прав. Но что ты есть прав

и насколько ты прав, это не может собственно мне препятствовать, чтобы удерживать тебя в некоем известном способе. Ты знаешь только, что Дух делает, который снизошел с высот. Ты не был однако еще в человеческом Мире. Здесь внизу в человеческом Мире существуют еще совсем другие люди, которые истинно имеют необходимым, чтобы делать камни хлебом, которым невозможно мочь питать себя только Духом.

Это был момент, где Ариман Христу говорил нечто, что хотя на Земле можно знать, что однако Бог, который равно только вступил на Землю, еще не мог знать. Он не знал, что это внизу на Земле есть необходимо, минеральное, металл делать деньгами, с тем чтобы люди имели хлеб. Здесь сказал Ариман, что бедные люди здесь внизу на Земле вынуждены, чтобы питать себя с деньгами. Это был пункт, при котором Ариман еще имел власть. И я буду - сказал Ариман - эту власть использовать!

Это есть действительное представление истории искушения. Был итак оставлен некий остаток при искушении. Не окончательно были решены вопросы; вполне вопросы Люцифера, но не вопросы Аримана. Чтобы таковые решить, было еще нечто другое необходимо.

Как Христос Иисус покинул уединение, здесь чувствовал он себя выступившим над всем тем, что он пережил и выучил со своего двенадцатого года; он чувствовал Христос-Дух связанным с тем, что в нем жило до его двенадцатого года. Он чувствовал себя собственно со всем тем, что стало древним и иссохнувшим в становлении человечества, более не связанным. Сам язык, которым говорили в его окружении, стал ему безразличным и сначала молчал он также. Он странствовал вокруг Назарета и еще дальше вне, все дальше и дальше. Он посещал многие те места, которые он уже как Иисус из Назарета касался и здесь показывало себя нечто наивысочайше своеобразное. Я прошу вполне обратить внимание, я рассказываю истории Пятого Евангелия и это ни к чему бы ни годилось, если кто-нибудь одновременно желал бы выискивать противоречия между этим и другими четверья Евангелиями. Я рассказываю так, как стоят вещи в Пятом Евангелии.

В верной молчаливости, как ничего не имея общего с окружением, странствовал сначала Христос Иисус от крова к крову, везде работая у людей и с людьми. И глубокое впечатление оставляло на него то, что он переживал с высказыванием Аримана о хлебе. Везде находил он людей, у которых он уже раньше работал. Люди распознавали его опять и он находил среди этих людей действительно народ, тех, у которых Ариман должен иметь допуск, потому что они имели необходимым, чтобы делать камни, минеральное хлебом или, что то же самое есть, деньги, металл делать хлебом. У тех, которые рассматривали Хиллел-а или другие нравственные высказывания, не нуждался он ведь заворачивать. Но у тех, которых другие Евангелия называют мытари (Zöllner) и грешники (Sünder), заворачивал он, ибо это были те, которые были вынуждены, делать камни хлебом. Особенно у таковых ходил он много вокруг.

Но теперь наступало своеобразное: Многие из этих людей знали его уже из времени до его тридцатого года, так как он уже один, два или три раза как Иисус из Назарета у них был. Тогда научились они узнавать его мягкую, любезную, мудрую сущность. Ибо такая великая боль, такое глубокое страдание, которые он пережил со своего двенадцатого года, превратились окончательно в волшебную силу Любви, которая в каждом слове так проистекала, как если в его словах царила еще некая полно-таинственная сила, которая изливалась над вокруг-стоящими. Куда он приходил, везде, в каждом доме, в каждой кровле, был он глубоко любим. И эта Любовь оставалась, когда он опять-таки покидал дома и шел дальше.

Много говорили в этих домах о любезном человеке, Иисусе из Назарета, который странствовал через эти дома, эти места. И как через воздействие Космической закономерности свершалось следующее. Я рассказываю здесь сцены, которые повторялись многочисленно и которые нам ясновидческое исследование может часто и часто показывать. Здесь был он в семьях, у которых Иисус из Назарета работал, которые после работы сидели совместно и охотно говорили, когда Солнце заходило, как еще в настоящее время! Здесь говорили они о любезном человеке, который как Иисус из Назарета у

них был. Много рассказывали они о его Любви и мягкости, многое об их красивых, теплых ощущениях, которые проходили через их Души, когда этот человек жил под их крышей. И здесь свершалось - это было некое после-действие той Любви, которая здесь проистекала - в некоторых этих домах, когда они так часами говорили об этом Духе, что в комнату вступал как некоем общем видении для всех членов семьи, образ этого Иисуса из Назарета. Да, он посещал их в Духе или, также, они создавали себе его Духовный образ.

Теперь можете вы себе помыслить, как это ощущалось в таких семьях, когда он являлся им в общем видении и что это означало для них, когда он теперь опять приходил, после Иоанново-Крещения в Иордане и они опять узнавали его внешность, только его глаза стали светлее. Они видели просветленный лик, который однажды они так охотно видели, этого целого человека, которого они в Духе видели у себя сидящим. Что здесь необычного свершалось в таких семьях, что здесь свершалось у грешников и мытарей, которые из-за своей Кармы обложены, мучимы были, которые здесь больны и обременены и одержимы были, как эти люди это опять-возвращение ощущали, это можем мы себе вполне помыслить!

Теперь показывала себя превращенная природа Иисуса; показывало себя особенно у таких людей то, что стало из Иисуса из Назарета через вселение Христа. Раньше ощущали они только его Любовь, доброту и мягкость, так что они позднее имели видение от него; теперь, однако, исходило из него нечто, как некая волшебная сила! Чувствовали они себя раньше только утешенными через его присутствие, так чувствовали они теперь исцеленными через него. И они шли к своим соседям, брали их сюда, когда они равно также были обременены и мучимы демоническими властями и приводили их к Иисусу Христу. И так свершалось, что Христос Иисус, после того, как он победил Люцифера и только оставил некое жало от Аримана, у людей, которые были под господством Аримана, мог задействовать то, что всегда излагается в Библии как изгнание демонов и исцеление больных. Многие из тех демонов, которых он видел, как он лежал как мертвый на языческом алтаре, отступали теперь от людей, когда он как Христос Иисус выступал напротив людям. Ибо так, как Люцифер и Ариман видели в нем своего противника, так

видели также демоны в нем своего противника. И как он так проходил через страну, здесь должен был он через поведение демонов в человеческих Душах часто и часто думать тогда, как он там лежал у древнего жертвенного алтаря, где Боги были демонами и где он не мог исполнить служение. Он должен был вспоминать Батх-Кол, который возвестил ему древнюю Мистерию-молитву, о которой я вам говорил. И особенно приходили ему все опять и опять в чувство средние строки этой молитвы: "Переживаются в ежедневном хлебе (Erlebet im tglichen Brote)." - Теперь видел он это: Люди у которых он заворачивал должны были делать камни хлебом. Он видел: Среди этих людей, у которых он так жил, были многие, которые должны были жить только единственно хлебом. И слово из той пра-языческой молитвы: "Переживаются в ежедневном хлебе", погрузилось глубоко в его Душу. Он чувствовал целое втелеснивание человека в физический Мир. Он чувствовал, что в эволюции человечества из-за этой необходимости зашло так далеко, что через это физическое втелеснивание люди могли забыть имена отцов в Небесах, имена Духов высших Иерархий. И он чувствовал, как теперь не было никаких людей больше здесь, которые могли слышать голоса древних пророков и послание Заратустра-Мудрости. Теперь знал он, что есть жизнь в ежедневном хлебе, которая отделила людей от Небес, которая должна вгонять людей в эгоизм и поддерживать Аримана.

Как он с такими мыслями проходил через страну, здесь установилось, что те, которые наиглубочайше чувствовали то, как Иисус из Назарета был превращен, стали его учениками и последовали ему. Из некоторого крова брал он этого или того с собой, который ему следовал, следовал, потому что он в высшей мере имел то ощущение, которое я равно излагаю. Так свершилось то, что скоро некая толпа из таких учеников уже шли совместно. Здесь имел он в этих учениках вокруг себя людей, которые были в некоем основном Душевном настроении, которое в известной мере было совсем новым, которые стали через него другими, чем те люди, о которых он однажды должен был рассказывать своей матери, что они не могли более слышать древнее. И здесь осветился в нем Земной опыт Бога: Я имею сказать людям, не как Боги прокладывают путь от Духа к Земле, но как люди могут найти путь от Земли к Духу.

И теперь пришел ему опять голос Батх-Кол в чувство, и он знал что должны быть обновлены пра-древние формулы и молитвы; он знал, что теперь человек должен был искать путь снизу вверх в Духовные миры, что он через эту молитву мог искать Божественного Духа. Здесь взял он последнюю строку древней молитвы:

"Своих Отцов в Небесах (Ihr Väter in den Himmeln)"

и перевернул ее, потому что она так теперь была соразмерна для человека нового времени и потому что он ее имел соотносить не на многие Духовные существа Иерархий, но на одну Духовную сущность:

"Наш Отец в Небесах (User Vater im Himmel)"

И вторую строку, которую он слышал как предпоследнюю Мистерию-строку:

"И забыл их Имена (Und vergaß Euren Namen)"

перевернул он, как она теперь должна была звучать для людей нового времени:

"Свято будь твое Имя (Geheiliget werde dein Name)"

И так, как люди, которые должны снизу восходить, должны чувствовать, когда они желали приблизить себя Божеству, так превратил он третью предпоследнюю строку, которая здесь называлась:

"Так как человек себя отделил от их Царства (Da der Mensch sich schied von eurem Reich)"

В:

"К нам приди твое Царство! (Zu uns komme dein Reich!)"

И следующую строку:

"В котором не царит Небес Волење (In dem nicht waltet der Himmel Wille)"

он перевернул ее, как ее могли люди теперь единственно слышать, ибо древнее слово-положение не мог никакой человек больше слышать. Он перевернул ее, ибо некое полное перевертывание пути в Духовные миры должно было свершиться; он перевернул ее в:

"Твоя Воля свершится как в Небесах итак также на Земле (Dein Wille geschehe wie im Himmel also auch auf Erden)"

И тайну хлеба, втелеснивания в физическое тело, тайну всего, что ему теперь через жало Аримана полностью явилось, это превратил он так, что человек должен был ощущать, как также этот физический Мир приходит из Духовного мира, когда это также человек не распознает непосредственно. Так превратил он эту строку о ежедневном хлебе в некую новую просьбу:

"Дай нам сегодня наш ежедневный Хлеб (Gib uns heute unser tðglich Brot)"

И слова:

"От другим задолженного Самости-долга (Von andern erschuldete Selbstheitschuld)"

перевернул он в слова:

"Прости нам наш Долг, как мы прощаем нашим Должникам (Vergib uns unsere Schuld wie wir vergeben unsern Schuldigern)"

И ту строку, которая была второй в древней молитве Мистерий:

"Порождают себя отвязанной Я-самостью (Zeugen sich lüsender Ichheit)"

он перевернул ее, тем что он сказал:

"Но избавь нас (Sondern erlöse uns)"

и первую строку:

"Царят Лукавые (Es walten die Ъbel)"

сделал он:

"От Лукавого. Аминь. (Von dem Ъbel. Amen.)"

И так стало тогда то, что Христианство научилось узнавать как Отче-наш через перевертывание того, что Иисус внял однажды как превращенный голос Батх-Кол при его случае у языческого алтаря, тем, что Христос Иисус учил как новую Мистерию-молитву, новый Отче-наш. В некоем аналогичном способе - и это ведь еще должно будет многое быть сказано - возникло также возвешение Нагорной проповеди и других вещей, которые учил Христос Иисус своим ученикам.

Неким достопримечательным способом действовал Христос Иисус прямо на своих учеников. Я прошу, когда я вам, мои дорогие друзья, здесь рассказываю, всегда удерживать во взоре, что я просто рассказываю то, что есть читать в этом Пятом Евангелии. Как он так через страну проходил, здесь было его действие на окружение некое

совсем своеобразное. Он был хотя с Апостолами, в сообществе с учениками, но это было, потому что он был Христос-Существо, так как если он вообще был бы не только в своем теле. Когда он так с учениками проходил вокруг в стране, тогда чувствовал этот или тот иногда, как если он был бы в нем, в собственной Душе, когда он также рядом с ним шел. Некоторые чувствовали, как если то существо, которое принадлежало Христосу Иисусу, было бы в собственной Душе и он начинал говорить слова, которые собственно Христос Иисус сам мог только говорить. И здесь шла эта толпа вокруг и встречала людей и говорилось с ними, и тот, который здесь говорил, был насквозь не всегда Христос Иисус сам, но это говорил также некоторый из учеников; ибо он имел все сообща с учениками, также свою мудрость.

Я должен признаться, я был в высокой мере поражен, как я воспринял, что например, разговор с Саддукеями (Sadduzder), о котором рассказывает Марк-Евангелие, вообще говорился не из Христа Иисуса, но из одного из учеников; но естественно говорил это Христос. И также это явление было частым, что когда Христос Иисус однажды покидал свою толпу-учеников - он отделялся на время от них - он все-же был среди них. Или странствовал он Духовно с ними, в то время как он был далеко прочь, или он был также только в своем эфирном теле при них. Его эфирное тело было среди них, его эфирное тело странствовало также с ними в стране вокруг и можно было часто не различать, или он так сказать физическое тело имел с собой, или это было только явление эфирного тела.

Таково было сообщение с учениками и с некоторыми людьми из народа, как Иисус из Назарета стал Христосом Иисусом. Он сам переживал все-таки то, что я уже отмечал: В то время как Христос-Существо в первые времена относительно-мерно было независимым от тела Иисуса из Назарета, должно было оно себя ему все больше и больше быть аналогичным. И чем больше жизнь продвигалась, тем больше было оно связанным с телом Иисуса из Назарета и некая глубокая боль находила в последний год на него от связи-бытия с, к тому же еще ставшим чахлым, телом Иисуса из Назарета. Но все-же происходило еще, что Христос, который теперь уже ходил с некой большой толпой вокруг, опять-таки выходил из своего тела. Здесь и там говорилось,

здесь говорил этот, там тот из Апостолов-толпы и можно было верить, что тот, кто здесь говорил, есть якобы Христос, или что это не есть якобы Христос: Христос говорил через их всех, пока они в тесном сообществе с ним ходили вокруг.

Можно подслушать однажды некий разговор, как Фарисеи (Pharisder) и иудейские ученые писаний разговаривали друг с другом и друг другу сказали: К устрашению для народа можно было бы все-таки взять любого из этой толпы-учеников и его убить; но это мог бы равно также хорошо быть ложный, ибо все они говорят одинаково. С этим нам итак не послужишь, ибо тогда действительный Христос Иисус наверное есть еще здесь. Мы должны однако иметь действительного! - Только ученики сами, те, которые ему уже подступили близко, могли его различать. Они не говорили однако совсем наверняка врагу, который есть истинный.

Здесь стал однако Ариман достаточно сильным в отношении вопроса, который оставался, который Христос не мог разрешить в Духовных мирах, но только на Земле. Он должен был через тягочайшее деяние испытать, что означает вопрос, делать камни хлебом, или что есть то же самое, деньги хлебом делать, ибо Ариман обслуживал себя Иудой из Кариота (Judas aus Karioth).

Так, как Христос действовал - не существовало никакого Духовного средства, чтобы сделать обнаруженным, который среди толпы его учеников, которые его чтили, был Христос. Ибо здесь, где действовал Дух, где также еще действовало последнее из убеждающей силы, нельзя было подступить к Христосу. Только здесь, где был тот, кто применял средство, которое Христос не знал, которое он только через тягочайшее деяние на Земле научился узнавать, где действовал Иуда, можно было подступить к нему. Его нельзя было распознать через ничто другое, как через то, что нашел себе один, который установил себя в услужение Ариману, который действительно через деньги единственно пришел к предательству! Через то был Христос Иисус связан, что привнеслось вдобавок при истории искушения, что у Бога есть понятным: что Христос, который именно снизошел на Землю, не знал, как это есть правильно только для Небес, что не нужно никаких камней для хлеба. Потому что Ариман это

сохранял как свое жало, свершилось предательство. И тогда должен был Христос еще прийти в господство господина смерти, поскольку Ариман есть господин смерти. Такова есть совместная связь истории искушения и Мистерии Голгофы с предательством Иуды.

Много больше было бы что сказать из Пятого Евангелия, чем то, что было сказано. Но в течение развития человечества будут совсем наверняка также еще другие части этого Пятого Евангелия выступать на показ. Больше тем родом, как это есть, попытался я через разорванные рассказывания дать вам некое представление этого Пятого Евангелия. Выступает мне также в конце этих докладов то перед Духовным оком, что я в заключении первого часа сказал, что это ведь затребовано через необходимость нашего времени, чтобы в настоящее время уже говорить об этом Пятом Евангелии. И я хотел бы это вам, мои дорогие друзья, совсем особенно расположить у сердца, что с тем, что из Пятого Евангелия позволено быть сказанным, обращаться соответствующим почтительным способом.

Видите вы, мы имеем сегодня уже основательно достаточно врагов и род, как они действуют, есть ведь совсем своеобразный. Я не хотел бы говорить об этом пункте, вы знаете его, наверное, из "сообщений" (#29). Вы знаете, ведь, также достопримечательный факт (#30), что начиная с долгого времени существуют люди, которые говорят о том, как инфицированно всяким возможным узко-сердечным Христианством, да даже Иезуитизм-ом (Jesuitismus) есть учение, которое возвещается мной. Особенно есть это известные приверженники так называемой Адьяр-Теософии (Adyar-Theosophie), которые в наилучшем способе возвещают этот Иезуитизм и громко говорят ненавистную, бессовестную чепуху (Zeug). Но при этом выступает также на свет дня то, что исходя из одного места, где верно очень разгневались против узко-сердечного, извращенного, предосудительного, наше учение безосновательно фальсифицируется (#31). Наше учение один человек, который пришел из Америки, многие недели и месяцы учился узнавать, записал и затем в разбавленном водой облике перенес в Америку и там выдал некую Розенкройцер-Теософию (Rosenkreuzer-Theosophie), которую он перенял у нас. Он говорит хотя, что он от нас некоторое выучил, что он однако, затем только был призван

к учителям и от них выучил больше. Глубинное, однако, что он выучил из тогда опубликованных циклов, умолчал он, как выученное от нас. Что такое нечто свершилось в Америке - можно было бы ведь, как старый Хиллел, оставить в кротости; не нужно таковое также позволять принимать, когда это также переигрывается в Европе. При некоем месте, где наиболее разгневались против нас, сделан некий перевод того, что было доставлено через нас в Америку так, что говорили: Хотя выступает некое Розенкройцерское мировоззрение также в Европе на свет дня, но в узко-сердечном, иезуитском способе. И только в чистом воздухе Калифорнии могло оно процветать. - Ну, я делаю пункты ...! Это есть метод наших противников. Мы можем не только с мягкостью, но даже с сожалением рассматривать эти вещи, но нам не позволительно закрывать взор на это. Когда такие вещи свершаются, тогда также те должны быть осторожными, которые ведь годы всегда имели некое достопримечательное снисхождение с теми, которые действовали таким бессовестным способом. Наверное всем однажды откроются глаза. Я истинно хотел бы не говорить об этих вещах, если это именно не было бы необходимо в служении истине. Должно все-же это все видеть совсем ясно.

Когда также с одной стороны эти вещи распространяются другими, тогда не защищает нас от этого, что с другой стороны те, которым эти вещи в примерно честном способе есть неприятны - ибо существуют ведь также такие люди - чтобы вести борьбу. Со всей глупой чепухой, которая пишется между этими обоими партиями, не желаю я вас докучать. Ибо всю эту особую литературу (#32), которая теперь появилась в Германии от Фраймарк-а (Freimark), Шалк-а (Schalk), Маак-а (Maack) и так далее, было бы вообще не нужным принимать во внимание, потому что инфериоритет (Inferioritdt) тогда есть слишком велик. Но существуют люди, которые прямо то не могут переносить, что есть того рода, как это Пятое Евангелие. И наверное не была никакая ненависть такой правдивой как та, которая выступает у критики, которые равно выступили, когда нечто о тайне обоих Иисус-мальчиков проникло в общественность (#33), что ведь уже к Пятому Евангелию принадлежит. Действительные Антропософы будут с этим Пятым Евангелием, которое дано в доброй вере, правильно обходиться. Возьмите вы его с собой, рассказывайте вы об этом в ответвлениях, но говорите людям, как с ним должно

обходиться! Делайте вы, чтобы оно не было непочтительно брошено среди тех, которые над ним наверное глумятся.

Стоят с такими вещами, которые основываются на, уже для нашего времени необходимого ясновидческого исследования, нашему целому времени напротив и прежде всего задающему тон образованию нашего времени. Мы попытались себе это ведь также привести к сердцу. Те, с которыми мы были вместе при осново-заложеннии камня нашей постройки знают, что как мы попытались вызвать себе перед Душой, как необходимо есть возвешение Духовного учения с верным придерживанием истины. Мы попытались привести это себе перед Душой, как далеко располагается наша временная культура от этого искания истины. Можно сказать, что крик по Духу идет через наше время, что однако люди есть слишком высокомерны или ограничены, чтобы действительно желать нечто знать об истинном Духе. Та степень истинности, которая есть необходима, чтобы внимать возвешение Духа, таковая должна сперва быть воспитана. Ибо в том, что сегодня Духовное образование есть, эта степень истинности не есть в наличии и что есть хуже, не замечают, что таковая не есть в наличии. Обходитесь с тем, что здесь дано с Пятым Евангелием так, чтобы с этим в ответвлениях обходились полно-почтительно. Не из эгоизма требуем мы это, но из некого совсем другого основания, ибо Дух истины должен жить в нас и Дух должен в истине стоять перед нами.

Люди говорят сегодня о Духе, но они угадывают, само когда они это делают, ничего о Духе. Здесь существует некий человек - и почему бы не позволить назвать имя - который пришел к некому большому престижу, прямо потому что он всегда и всегда говорит о Духе, Рудольф Ойкен (Rudolf Eucken) (#34). Он говорит всегда о Духе, но если прочитывают все его книги - попробуйте вы это только один раз - всегда говорят: Дух существует, его должно переживать, должно быть с ним совместно, должно ощущать его - и так далее. В бесчисленных фразах идет это через все эти книги, где всегда опять пишут: Дух, Дух, Дух! Так говорят сегодня о Духе, потому что есть слишком покойны и высокомерны чтобы самим идти к источникам Духа. И эти люди имеют сегодня большой престиж. Однако-же это будет тяжело в сегодняшнее время пробиться с тем, что так конкретно

добыто из Духа, как это должно было свершиться при изложении Пятого Евангелия. К этому принадлежат серьезность и внутренняя истинность. Одно из новейших писаний Ойкена есть такое: "Можем мы еще быть Христианами? (Können wir noch Christen sein?)". Здесь читаем мы на одной из страниц, которые есть ничто другое, как отдельные члены, которые ленто-червячно-образно составляют друг друга кусками из Души и Духа, и Духа и Души, и через многие тома насквозь свершается это, ибо с этим приобретают колоссальный престиж, славу, репутацию, когда объясняют людям, чтобы знать нечто о Духе, ибо люди не замечают при чтении, что за всякая внутренняя неистинность производится и хотелось бы верить, что люди должны бы все-же окончательно учиться читать - так как здесь читаем мы на одной странице предложение: Человечество есть сегодня превыше того, чтобы в демонов верить; в демонов верить нельзя больше людей сегодня настроить! - Но на некоем другом месте читают в той же самой книге достопримечательное предложение: "Соприкосновение Божественного и человеческого порождает демонические силы". Здесь говорит все-же человек серьезно теперь о демонах, который так, как я прежде сказал, на другой странице в той же самой книги говорит. Не есть ли это глубочайшая внутренняя неистинность? Должно бы окончательно прийти время, где будут отклонены такие учения о Духе, которые полны наивнутреннейшей неистинности. Но я не замечаю ничего из того, что многие наши современники эту внутреннюю неистинность замечают.

Так стоим мы сегодня еще, когда мы служим истине Духа, в противоположность нашему времени. И это есть необходимо, чтобы напомнить себе на такое нечто, чтобы ясно видеть, что в нас в наших сердцах должны делать, если мы желаем быть со-носителями возвещения о Духе, со-носителями необходимой человечеству новой жизни Духа. Как можно надеяться, когда пытаются, чтобы через Духовное учение вести человеческую Душу к Христос-Существу, чтобы найти много созвучия напротив временному образованию, которое сегодня довольствуется такими истинами, которые все смысленные философы и теологи рассказывают: что некое Христианство существовало до Христа! Ибо они указывают на то, что культ, да отдельные типичные сказания, в том же самом способе уже раньше на Востоке (Morgenland)

были найдены. Здесь объясняют тогда смысленные теологи (#35) и рассказывают это всем, что Христианство есть якобы как некое продолжение того, что уже раньше было. И некий большой престиж имеет эта литература у наших современников. Колоссальный престиж она нашла и современность не замечает вообще, как это все друг к другу относится.

Когда говорят о Христос-Существо, как оно снисходит вниз в своей Духовности и когда Христос-Существо позднее в тех же самых Культ-формах находят почитаемым, как раньше почитались языческие Боги, и когда этому позволено быть используемым чтобы Христос-Существо вообще напрочь отрицать, как это ведь сегодня также уже есть здесь, то есть это некая логика, которую некто использует, с кем случается следующее: Какой-нибудь любой человек приходит в некий кров и оставил бы там свои одеяния. После, пришел бы некий человек, как Шиллер или Гете, и через какое-нибудь обстоятельство надел бы оставленные одеяния и вышел бы с одеяниями, которые принадлежали другому. И теперь некто проходящий бы вокруг, видел бы Гете в других одеяниях и сказал: Да, что говорят тогда здесь? Что должен якобы это за необыкновенный человек быть? Одеяния я ведь совсем точно проверил, они принадлежат тому-то и тому-то, который вообще не есть никакой особенный человек. - Потому что Христос-Существо одеяния древних культов в известной мере использовало, приходят смысленные люди и не распознают, что Христос-Существо таковые только как некое одеяние надевало и то, что теперь вставлено в древних культурах, есть Христос-Существо.

И теперь возьмите вы целые библиотеки, возьмите вы целые суммы сегодняшних научных монистических (monistischen) рассмотрений: это есть доказательства одеяния Христос-Существа, которые даже есть истинны! Высоко в цене стоит сегодня чутель (Beschniffler) культурной революции и как глубокая мудрость будет наука принимать этого чутеля. Этот образ должны мы нарисовать себе перед Душой, когда мы не только рассудочно-мерно, но также с чувством желаем принять то, что подразумевается с Пятым Евангелием. Ибо подразумевается то, что мы с нашей истиной должны бы чувствовать себя установленными правильным способом в наше время, чтобы понять как

невозможно есть это, чтобы старому времени сделать понятным то, что опять как новое возвещение должно прийти. Поэтому позволено быть говорено Евангелие-слово теперь, где мы опять-таки прощаемся друг с другом: С чувством, которое царит в человечестве, не уйти далеко в следующем Духовном развитии. - Поэтому должно это чувство быть изменено, быть направлено на другое! И компромиссные натуры, которые не желают делать себе никакого ясного образа о том, что здесь есть, и что должно прийти, не будут хорошо служить тому, что есть необходимо как Духовное учение и Духовное служение человечеству.

Я был должным это Пятое Евангелие, которое мне есть священо. И я прощаюсь с вашими сердцами и вашими Душами с пожеланием, что связь, которая нас связывала через много другое, будет упрочнена через это Духовное исследование о Пятом Евангелии, которое мне есть особенно дорого. И это может наверное в ваших сердцах и Душах вызвать некое теплое ощущение: Когда мы также физически, пространственно и временно разделены, так желаем мы все же оставаться вместе, совместно чувствовать, что мы в наших Душах должны прорабатывать и что есть затребовано через обязательство, которое Дух в наше время накладывает человеческим Душам.

Надеюсь идет то, что мы добиваемся, через работу каждой Души правильным способом дальше. Я верю, что с этим пожеланием позволено быть дано лучшему прощальному приветствию, которое я в конце прямо этого цикла докладов хотел бы с этим принести.

Пятое Евангелие

Кельн, Первый доклад, 17 Декабря 1913

Мне надлежит по случаю сегодняшнего и завтрашнего вечера говорить о том, что мы привыкли называть "Мистерия Голгофы" и, именно, должна будет быть сделана попытка, чтобы говорить об этом в некоей другой форме, чем это прежде совершалось. Я хотел бы сказать, что прежние обсуждения о Мистерии Голгофы имели некое, если также оккультное, то все-же более еще оккультно-теоретическое содержание. Говорилось о сущности и значении Мистерии Голгофы для развития человечества. Что это в известной мере есть центральное событие для всего развития человечества на Земле и насколько это есть центральное событие, об этом были даны мысли. Таковые ведь полностью добыты из источников оккультного исследования. Через это высказаны те мысле-источники, которые как бы излучаются из Мистерии Голгофы, идут дальше и являются оживленными в нашем земном развитии. Из того, что живет в развитии человечества на Земле, может, если это схвачено видящим взором, быть найдено то, что было указано как значение Мистерии Голгофы.

Сейчас, однако, мне надлежит более близко говорить о том, что позволяет высказаться полностью в конкретном о событиях, которые разыгрались в начале нашего время-исчисления. Я буду должен говорить о событиях, которые в известной мере в своих силах излучили то, что в живой Земной ауре живет дальше и может быть наблюдаемо оккультно. Я буду затем завтра говорить некоторое об основаниях, почему эти вещи прямо сейчас в нашу временную эпоху в пределах Антропософских кругов должны быть говорены. Сегодня, однако, я попытаюсь наметить некоторое из того, что произошло в начале нашего время-исчисления в Палестине. И я надеюсь, что в ваших сердцах, в ваших Душах событие Голгофы, как оно более в форме идей было охарактеризовано, не потеряет в значении через то, что мы однажды напрямую посмотрим на то, что разыгралось тогда, это как бы схватим полностью конкретно во взоре.

Я ведь уже по поводу обсуждения Лука-Евангелия и той серии докладов о так называемом Матфея-Евангелии, отметил некоторое сущностное об области, которая здесь входит в рассмотрение. Это есть факты, что два Иисуса-мальчика (Jesusknaben) были рождены приблизительно одновременно в начале нашего время-исчисления. Я

указывал на то, что эти оба Иисуса-мальчика, которые были тогда рождены, были очень сильно различными друг от друга по характеру и способностям. Тот один из Иисусов-мальчиков, чье изображение еще как бы проясненное через так называемое Матфея-Евангелие, тот происходит из Саломоновской (salomonischen) линии дома Давида. В нем жила Душа или Я того, кого мы знаем как Заратустра (Zarathustra).

Мы должны, если мы схватываем во взоре некую такую инкарнацию, прежде всего быть проясненными об одном: Сама, когда некая такая индивидуальность инкарнируется опять, как это Заратустра был инкарнирован - именно во время, как он был рожден в Иисусе - не должна эта индивидуальность никоим образом в детском или юношеском возрасте знать, что она есть эта индивидуальность. Сознание не должно предрасполагать, что высказывалось бы в словах: Я есть тот и тот. - Это не предрасполагается. Вполне, однако, предрасполагается в некоем таком случае, что те возвышенные способности, которые некая человеческая Душа может выиграть через то, что она проделала такую инкарнацию, рано показывают себя значимыми и затем обуславливают целую осново-структуру характера. Так является тогда Саломоновский Иисус-мальчик - так хотел бы я его назвать - в котором живет Я Заратустры, оснащенным высокими способностями, и это есть характеристическое: он оснащен такими способностями, которые делают ему возможным, легко проникнуть в то, что в его окружении живет как достижение того, что человечество на Земле завоевало в продолжающейся культуре. В окружении такого ребенка жило ведь, особенно однако тогда, целая культура человечества в словах, манерах, деяниях, короче во всем том, что можно было видеть и слышать. Некий обычный мальчик принимает мало из того, что он видит и слышит. Этот мальчик, однако, принимал с некоей великой гениальностью из скудных намеков, в которых это изживало себя, что человечество завоевало себе, короче, он показывал себя как в высшей мере одаренным для всего, что культура человечества вынесла вплоть до этого при школьно-мерно изученном. Некого такого мальчика сегодня назвали бы высоко-одаренным мальчиком. Таким был Саломоновский Иисус-мальчик. Вплоть до двенадцатого года выучил он быстро то, что он мог выучить из своего окружения.

Совсем другого рода был другой Иисус-мальчик, который в отношении характера просвечивается - больше нельзя сказать - через изложения Лука-Евангелия. Он происходил из Натанической (nathanischen) линии дома Давида. Он был прямо неодарен для того, что можно выучить внешне. Вплоть до своего двенадцатого года он не показывает никакого интереса для чего-нибудь, что школьно-мерно можно получить из культуры человечества. Напротив, показывал он с самого раннего детства при том в высшей степени, что можно было бы назвать: гениальность сердца, со-чувствие с каждой человеческой радостью, с каждым человеческим страданием. Он показывал себя в этом совсем особенно гениально, что он менее в себе жил, менее себе мог приобрести такую деловитость, которую можно приобрести на Земле, но что он чужое страдание и чужую радость с самого раннего детства чувствовал как свое собственное страдание и собственную радость, мог установить себя в Души других людей; это показывал он в наивысшей мере.

Это есть мыслимо наибольшее различие между обоими Иисусами-мальчиками, так как они представляются Акаша-Хроника-мерному (Akasha-Chronik-мдЯген) наблюдению. Теперь, наступает ведь, после того как оба мальчика достигли двенадцатого года, событие, которое я уже часто охарактеризовывал: что при странствии в Ерусалим, которое проделывали родители с Натаническим Иисусом-мальчиком, Я Заратустры, которое прежде оставалось в другом Саломоновском Иисусе-мальчике, вышло из этого тела и взяло владение жизненными оболочками Натанического Иисуса-мальчика. Отсюда произошло так, что все, что это царское Я смогло усвоить себе, теперь могло действовать в Душе другого, Натанического Иисуса-мальчика и могло действовать этому мальчику теперь со всей силой Заратустры, без того чтобы это знать, так могло действовать, что он возбудил изумление учителей писаний (Schriftgelehrten), среди которых он выступил, как это также излагает Библия. Также то отмечал я, что тот другой, Саломоновский Иисус-мальчик, из которого Я удалилось, очень быстро захирел и в относительно-мерно короткое время умер.

Должно быть вовсе отмечено, что никоим образом сразу не прекращается жизне-возможность для некоего человека, который, как сейчас для Саломоновского Иисуса-мальчика было изложено, отдает свое Я. Как некий шарик катится дальше некоторое время, как бы через свою внутреннюю силу, так живет некое такое существо некоторое время дальше через силу, которая в нем живет; и для того, кто не может утонченным образом наблюдать человеческие Души, различие не есть очень большое между тем, что предлагает как некая такая Душа, которая имеет еще свое Я и некая, которая свое Я потеряла. Ибо в обычной жизни действует не так очень, когда мы выступаем напротив некой Душе, непосредственно Я. Что мы испытываем у некоего человека, что мы будем воспринимать от него, это есть в самой наименьшей мере некое непосредственное проявление Я, это есть некое проявление Я через астральное тело. Астральное тело, однако, сохраняет тот другой Иисус-мальчик; и только тот, кто тщательно может различать - и это не есть легко - действуют ли старые привычки, старые мысли дальше в некой Душе или будет ли впредь еще принято новое, тот может через это воспринимать, есть ли Я еще здесь или нет. Но некое захирение начинается, некий род отмирания, усыхания и так было это у этого Иисуса-мальчика.

Через некую известную кармическую судьбу умерла, теперь, также вскоре после перехода Я Заратустры в другого Иисуса-мальчика, телесная мать Натанического Иисуса-мальчика и также отец Саломоновского Иисуса-мальчика и из отца Натанического Иисуса-мальчика и матери Саломоновского Иисуса-мальчика матери стала одна супружеская пара. Натанический Иисус-мальчик не имел никаких телесных братьев-сестер (Geschwister) и сводные братья-сестры, которые он теперь получил, были равно братья-сестры Саломоновского Иисуса-мальчика. Из двух семей стала одна, которая впредь обитала в поселке, который потом получил имя Назарет (Nazareth); так что мы, когда мы говорим о Натаническом Иисусе-мальчике, в котором, теперь, жило Я Заратустры, употребляем выражение: Иисус из Назарета (Jesus von Nazareth).

Я хотел бы, теперь, также здесь сегодня некоторое из юнешеской жизни этого Иисуса из Назарета, как это Акаша-Хроника-мерно может быть исследовано, так рассказывать,

что мы через это можем выиграть понимание для некоего известного исторического мгновения Земного развития, которое затем подготовило Мистерию Голгофы (Mysterium von Golgotha), к которой, чтобы говорить, мы завтра еще должны будем прийти.

В трех, для Видящего отчетливо друг от друга различающихся, фазах разыгрывается эта жизнь Иисуса из Назарета. Все-же показано уже в разговорах с учеными писаний, что в нем ожила уже в его двенадцатом году, через переход Заратустры-Я, некая внутренняя сила, чтобы быть просветленной, чтобы принять просветление и чтобы соединить его с тем, что как способность жило в Заратустре-Душе. Уже показано, что некая громадная сила внутреннего переживания была в этой Душе, так можно заметить теперь в подрастающем Иисусе с двенадцатого вплоть до семнадцатого и восемнадцатого года, как происходя из Внутреннего Души, внутренние просветления становились все богаче и богаче и особенно есть это теперь просветления, которые соотносят себя на целое развитие древне-еврейского и вообще еврейского народа.

Так, как Иисус из Назарета был вставлен в еврейский народ, так было ведь в этом еврейском народе вовсе более невозможно, чтобы воспринять величину того, что однажды в древние времена было дано пророками этому народу, как непосредственные Мировые тайны. Многие из древних откровений пророков унаследовалось дальше, но прасточные способности, чтобы получать непосредственно Духовные тайны из Духовных миров, таковые давно истлели. Из сохранных писаний принимали их. Некоторые были все-таки также здесь, как например известный Хиллел (Hillel), которые через свое индивидуальное развитие были способны еще внимать нечто из того, что было провозвещено древними пророками. Но не было давно более в этих немногих людях той силы, которая в пра-время еврейского народа, во время откровений была здесь. Это должно было отметить вовсе нисхождением в Духовном развитии еврейского народа. То, однако, что однажды было здесь, что было откровенно во время пророков, это вынырнуло теперь, как из глубин Души Иисуса из Назарета, как внутреннее просветление.

Но я хотел бы менее сделать вас внимательными на этот исторический факт, что в одном единственном человеке через внутреннее просветление опять вынырнуло то, что однажды во время пророков было откровенно. Много более хотел бы я ваши ощущения направить на то, что называется, что в бесконечном одиночестве одна, так относительно-мерно юная Душа, Душа тринадцати- вплоть до четырнадцати-летнего Иисуса из Назарета, чувствует в себе восходящим некое откровение, которое другие люди в его окружении не чувствовали более восходящим, которое Лучшие имели наивысшим в некоем слабом отблеске. Установите вы ваши ощущения в жизнь некой такой Души, которая с неким Величайшим человечества стоит здесь одиноко и возложите вы значимость на то, что Мистерия Голгофы должна была быть подготовлена через то, что в Душе Иисуса из Назарета те одинокие чувства и одинокие ощущения должны были захватить место. Когда здесь стоят так, как на некоем Душевном острове с нечто, что так, как Он ведь уже в свое время детства мог чувствовать себя со всем человечеством, хотели бы всем людям позволить наделить, но не могут позволить наделить потому что видят, что Души снизошли на некую ступень, где они не могут более это принять, когда все это ощущают: в боли и страдании нечто должным знать, что другие не могут принять, о чем, однако, так охотно хотели бы желать, чтобы это также жило в их Душах, тогда подготавливают себя для некой Миссии. Для этого подготавливал себя Иисус из Назарета. Это дало его Душе основную ноту, основной нюанс, что он себе всегда опять должен был сказать: Ко мне звучит некий голос из Духовного мира. Если человечество могло бы его слышать, это было бы ему бесконечным благословением. В древние времена были здесь люди, которые могли его внимать, сейчас однако нет более здесь никаких ушей, чтобы слышать. - Это страдание одиночества-бытия, это вдавливалось все больше и больше в его Душу.

Это была Душевная жизнь Иисуса из Назарета примерно от двенадцатого вплоть до восемнадцатого года. Через это он был также непонятым своим телесным отцом и своей воспитывающей или заботящейся матерью, и не только непонятым своими сводными братьями-сестрами, но часто высмеянным, да, рассматриваемым как неким наполовину сумасшедшим. Он работал усердно в столярном ремесле своего отца. Но в то время как он работал, жили ощущения,

которые я уже равно высказал и отметил, в его Душе. Затем, как он так стоял в восемнадцатом году, отправился он в странствие. Он проходил, работая в различных семьях, при различных ремеслах своего ремесла Палестины и также окрестных языческих поселков. Он был так ведом через свою Карму. В том, что он странствовал вокруг через Палестину, показывало себя целое своеобразие его природы у всех тех, в чей круг он вступал. Днями работал он, вечерами совместно сидел он с людьми. И люди, с которыми он совместно сидел, так со своего девятнадцатого вплоть до двадцать второго года примерно, имели все при этом совместном сидении с ним чувство, которое они не всегда ясно доносили к сознанию, но тем отчетливее чувствовали: что здесь некий человек совсем особого своеобразия был среди них, как они некого такого еще никогда не видели, да, еще более, как они себе никогда не могли представить, чтобы некий такой мог бы жить. Они не знали, как его принять.

Если желают понять это, должно учитывать некое, что вообще должно быть учитываемо, когда желают так верно проникнуть в различные тайны человеческой эволюции: чтобы нечто так пережить, как я это наметил у юного Иисуса из Назарета, вызывает глубочайшую боль в Душе. Но эта боль превращается в Любовь. И многая высшая Любовь, которая живет в жизни, есть превращенная боль такого рода. Глубочайшая боль имеет способность превращаться в Любовь, которая не только действует как обычная любовь через голое бытие любимого существа, но которая как бы излучает как далеко действующие аурические (aurische) лучи. Так что люди, среди которых Иисус был в это время, верили много более, чем только, чтобы иметь некого человека среди себя. И когда он опять из некого места уходил, то действовало это так, что люди, когда они вечерами опять совместно сидели, действительно имели чувство его присутствия. Как если он еще был бы здесь, так ощущали. И это наступало часто, опять и опять, когда он давно ушел дальше от некого места, где он останавливался: что люди, которые вечерами сидели вокруг стола, имели общие видения. Они видели его вступающего как Духовный облик. Каждый отдельный имел одновременно это видение, что Иисус будто опять и опять приходил среди них, что он с ними говорил, сообщал им вещи, как однажды в телесном присутствии. Так жил он зримо среди людей, когда он давно уже был далеко. Это была именно в Любовь превращенная

боль, которая делало его так действенным. Люди, у которых он был, чувствовали себя в некой особенной мере с ним связанным. Они чувствовали себя собственно никогда более отделенными от него, они чувствовали: он оставался у них и он приходил всегда опять.

Но он проходил не только вокруг в местности Палестины, но его Карма вела его - отдельные обстоятельства, чтобы оговаривать, почему его Карма так вела, это вело бы слишком далеко - также в языческие места. Туда итак приходил он, после того, как он научился узнавать нисходящее развитие в Иудействе. И он научился узнавать, как в Культовых деяниях язычников, как в языческих религиозных отправлениях равно также, как в Иудействе было вымершим то, что однажды как пра-откровение жило в древнем Язычестве. Так должен был он пережить вторую фазу в восприятии нисхождения человечества из некой однажды Духовной высоты. Но неким другим образом, чем у Иудейства должен он был воспринять, как низошло Язычество.

Образ, как он внял нисхождение Иудейства был выигран больше внутренне, через внутреннее просветление. Здесь видел он, как откровения из Духовного мира, которые однажды были провозвещены через древних пророков, прекратились, потому что никаких ушей более не было здесь, чтобы слышать. Как это было в Язычестве, это стало ему ясным в одном поселке, где древнее языческое Духовно-служение особенно распалось, где также во внешних знаках показывал себя упадок Язычества. Люди были в поселке, в который он теперь пришел, поражены проказой и остальными безобразными болезнями. Злостными стали они частью, частью немощными (bresthaft), парализованными. Они были избегаемы жрецами, которые убежали из поселков. Когда его заметили, распространилось, как беглый огонь, что здесь якобы пришел некто совсем особенный. Ибо он теперь также в своем внешнем выступлении уже достиг нечто, что именно было как превращенная боль, как Любовь. Видели, что здесь приходило некое существо, как еще никогда не странствовало по Земле. Это говорил один другому. Быстро распространилось это, так что многие сбежались, ибо люди верили, что им был приведен некий жрец, который опять станет исполнять их жертвы. Ведь их жрецы сбежали! Здесь сбежались они сюда. Он не собирался исполнять языческую

жертву. Но теперь показала себя ему, как в живых имажинациях, целая загадка нисхождения также языческой Духовной эпохи. Он мог теперь непосредственно воспринимать, что жило в языческих Мистериях: что силы высших Божественных существ текли вниз на священные алтари. Теперь, однако, стекались вместо сил добрых Духов, всякие Демоны, посланники Люцифера и Аримана, вниз на священные алтари. Не так внутренне, через просветление, как у Иудейства, но как во внешних видениях, воспринял он упадок языческой Духовной жизни.

Это есть еще нечто другое, нечто совсем другое, так сказать, научиться узнавать вещи теоретически, чем созерцать, как на некоем жертвенном алтаре, на котором однажды текли Божественно-Духовные силы, теперь нисходили Демоны, которые задеиствовали аномальные Душевные состояния, болезни и так далее. Это видеть в Духо-созерцании есть нечто другое, чем знать об этом теоретически. Но Иисус из Назарета должен был в непосредственном Духо-созерцании познать, должен был видеть, как посланники Люцифера и Аримана действовали; он должен был видеть, что они натворили народу. Он упал неожиданно как мертвый. Люди обратились испуганно в бегство. Он, однако, в то время как он был так, как унесенный-духом (*entgeistert*), как отрешенный (*entrückt*) в некий Духовный мир, имел впечатление от всего того, что однажды говорило пра-откровения Язычникам. И так, как он внимал тайнам, которые были провозвещены древними пророками и которые теперь даже не жили как некая тень в иудейской культуре, так мог он теперь через Духовную инспирацию слышать, каким образом эти тайны Язычников были провозвещаемы.

Глубочайшее впечатление произвело на него нечто, что было попробовано быть исследуемо мной и что я впервые раз сообщил по случаю камне-заложения основания (*Grundsteinlegung*) нашей постройки в Дорнахе. Можно это назвать "перевернутый Отче-наш (*Das umgekehrte Vaterunser*)", так как это было как перевертое того, что есть субстанциональное содержание молитвы, которая Иисусу из Назарета была приписана его учениками (*Jüngern*). Иисус из Назарета воспринял теперь нечто, как некий перевернутый Отче-наш, так что он мог чувствовать, в этих словах есть, как

совместно спресованная, тайна человеческого становления и воплощения (Verkörperwerden) в Земных инкарнациях:

Аминь (AUM)

Царят Лукавые

Порождают себя отвязанной Я-самостью

От другим задолженного Самости-долга

Переживаются в ежедневном Хлебе

В котором не царит Небес Воленье

В котором Человек себя отделил от Их Царства

И забыл Их Имена

Своих Отцов в Небесах

Amen (AUM)

Es walten die Ebel

Zeugen sich luzender Ichheit

Von andern erschuldete Selbstheitschuld

Erlebet im tðglichen Brote

In dem nicht waltet der Himmel Wille

In dem der Mensch sich schied von Eurem Reich

Und vergaЯ Euren Namen

Ihr Vöter in Himmeln.

Это есть, воспроизведенное с запинаящимися словами то, что выражает нечто как законы воплотившегося человека, который приходит из Макрокосмоса в Микрокосмос. С тех пор, как мне эти слова стали известны, я нашел, что они есть некая чрезвычайно значимая медитационная формула. Они имеют некую силу над Душой, которая есть совсем необычайная, и замечают, так сказать, тем большую силу, которую имеют эти слова, чем больше их рассматривают. И затем, когда ищут, чтобы их разрешить и понять, затем показывает себя в них, как на самом деле в них совместно впесованна тайна человека и судьба человечества и как из переворота слов Микрокосмического Отче-наш могло возникнуть то, что затем Христос провозвестил своим признанникам (Bekennern).

Но не только эту тайну языческого пра-откровения воспринял Иисус. Как он опять пробудился из видения, научился он узнавать через убегающих людей и Демонов целую тайну Язычества. Это была вторая безмерная боль, которая погрузилась в его Душу. Он сначала в таком значимом способе научился узнавать упадок Иудейства через то, что он познал, что однажды было откровенно еще не упавшему Иудейству. Теперь выучил он узнавать равное у Язычников. Этим способом донес он себя к сознательному переживанию ощущения факта, что в его окружении человечество должно было жить в смысле слов: Они имеют уши и не слышат это, то, что есть Мировые тайны. - Так должен он был завоевать себе безграничное со-чувство, которое он всегда имел с людьми и которое может быть выражено в словах: Теперь мог он созерцать; человечество должно иметь содержание его созерцания, но где есть существа, чтобы сообщить это человечеству?

Такие опыты должен он был проделывать примерно вплоть до своего двадцать четвертого года жизни. Затем привела его

его Карма домой во время, как умер его отец. Он жил затем совместно со своими сводными братьями-сестрами и со своей воспитывающей или сводной матерью. В то время как сводная мать его раньше также мало понимала, делалось теперь все более и более понимание приметным для того, что он носил в себе как великую боль. И так следовали дальнейшие переживания с двадцать четвертого вплоть до двадцать восьмого, двадцать девятого года жизни, в которые он все больше и больше - хотя это также здесь было тяжело - находил понимание у своей воспитывающей или сводной матери. Это были одновременно годы, в которые он ознакомился ближе с Ессевским орденом (Essderorden). Я хотел бы сегодня наметить только главные моменты, как Иисус научился узнавать Ессевский орден. Это был такой некий орден, в котором объединились люди, которые обособились от остального человечества и которые развивали некую особенную жизнь тела и Души, чтобы через эту жизнь опять виться вверх (hinaufranken) к тому пра-откровению Духа, которое человечество потеряло. В строгих упражнениях и в некоем строгом способе жизни должны были восходящие Души достигнуть некоей ступени, через которую они опять могли быть совместно принесены с Духовными регионами, из которых текли пра-откровения.

В этом кругу научился Иисус из Назарета узнавать также Иоанна Крестителя (Johannes den Tdufer), однако оба они не были в собственном смысле Ессеями. Это показывает прямо Акаша-Хроника на этой области. Но из всего, что я изложил, выходит ведь, что здесь была некая человеческая личность совсем особого образа, которая действовала на каждого совсем чрезвычайно; она действовала все-же так чрезвычайно, как я это излагал, у Язычников, так что также Ессеи - несмотря на то, что они иначе то, что они добивались для своих Душ, сохраняли как святейшую тайну, ничего из этого не предавали внешне-стоящему - безвредно говорили с Иисусом о важных тайнах ордена, о важнейшем, чего они добивались в стремлении своих Душ. Так научился Иисус узнавать, как был некий в то время современный путь для человеческой Души здесь, чтобы восходить к высотам, в которых пра-Души людей однажды пребывали и из которых они низошли. Да, это мог он заметить у Ессеев, как это все-же еще было возможным, через особые упражнения опять взбираться к этим высотам. Но уже делало это на его Душу некое глубокое, хотелось бы сказать, если разрешается

тривиальное слово в этой взаимосвязи, неуютное впечатление, что некий такой Ессеи, когда он желал восходить к этим высотам, должен был обособить себя от остального человечества, вести некую жизнь вне круга остальных людей. Это было совсем и вообще не по образу всеобщей человеческой Любви, как чувствовал ее Иисус из Назарета, который не мог выносить, что нечто может состояться при Духовном благе, что не могло усвоить себе целое человечество, но только отдельные за счет целого человечества. И часто уходил он с величайшей болью прочь от Ессеевских мест. То, что он ощущал, позволяет выразить себя со словами: Также здесь есть отдельные и это могут все больше только немногие быть, которые находят назад путь к пра-откровению, но прямо когда эти немногие себя обособляют, должны другие тем так больше жить в упадке. Он не могут взойти вверх, ибо они должны исполнять грубую материальную работу для тех, которые себя обособляют.

Как он опять однажды выходил из одних ворот поселения ордена, здесь увидел он в Духе, как два облика убегали от ворот прочь. От этих обоих обликов, которые мы сегодня в нашем Антропософском языке называем Люцифер и Ариман, имел он впечатление, что Ессеи защищают себя от них, изгоняют через свои упражнения, через свою аскетическую жизнь, через строгие правила ордена. Ничто не должно подойти от Люцифера и Аримана к этим Душам. Отсюда, видел Иисус из Назарета Аримана и Люцифера убегающими, но он знал теперь также: прямо через то, что некое такое место было создано, где Аримана и Люцифера не допускали, где ничего не желали знать о них, прямо через это перетягивались они тем больше к другим людям, потому что они должны были бежать от этих мест. Это имел он теперь перед собой. Опять действует это совсем по-другому, когда узнают это только через теорию, чем когда видят, что отдельные Души делают для своего продвижения (Fцrderung) и как через это Люцифер и Ариман посылаются к другим людям, тем что отдельные отделяются от них от тела (einzelne sie sich von Leibe schaffen). Теперь знал он, что это не есть никакой путь святости, которым идут Ессеи, но что это есть некий путь, который через обособление за счет остального человечества ищет только собственного продвижения.

Некая несказанная жалость надвинулась на него. Он не ощущал никакой радости при восхождении Ессеев, так как он знал, другие люди должны были тем глубже опускаться, в то время как отдельные восходят. Это все надвинулось тем больше на него, как он опять также у других ворот Ессеев - существовало несколько таких мест - видел образ убегающих Люцифера и Аримана, которые стояли перед воротами, но не могли войти в эти места ордена. Так узнал он, как обычаи ордена и правила ордена - по образцу правил Ессеев - гонят Люцифера и Аримана к другим людям. И это была третья великая, бесконечная боль, которую он ощутил о нисхождении человечества и которая так расширилась над его Душой.

Я уже говорил, что его воспитывающая или сводная мать все больше получала понимание для того, что жило в его Душе. Теперь привнесло себя то вдобавок, что стало значимым как подготовка для Мистерии Голгофы: Некий разговор имел место - так выдает это исследование в Акаша-Хронике - между Иисусом из Назарета и воспитывающей или сводной матерью. Так далеко продвинулось ее понимание, что он мог говорить ей о трехкратной боли, которую он испытал об упадке человечества, которую он испытал на области Иудейства и Язычества, как и Ессейства. И тем, что он ей излагал свою целую одинокую боль, и что он испытал, видел он, что это действовало на ее Душу.

Это принадлежит грандиознейшим впечатлениям, которые можно получить на оккультном поле, научиться узнавать прямо характер этого разговора. Ибо можно собственно в целой области Земного развития нечто аналогичное, я не говорю нечто более великое, ибо естественно: Мистерия Голгофы есть более великое, но нечто аналогичное, нельзя иначе видеть. То, что он говорил матери, были не только в обычном смысле слова, но они были живыми сущностями, которые переходили от него к сводной матери, и его Душа окрыляла эти слова со своими собственными силами. Все, что он так бесконечно сильно претерпел, перешло в разговоре как на крыльях слов в Душу сводной матери. Его собственное Я сопровождало каждое слово и это было не только слово-или мысле-обмен, это было некое живое Душевное странствие от него в Душу сводной матери, слова его бесконечной Любви, но также его бесконечной боли. И так

мог он развить ей все, как в некоем огромном полотне (Tableau), что он три раза пережил. Что здесь разыгралось, было возвышено еще через то, что Иисус из Назарета постепенно позволил перейти разговору в нечто, что выдалось ему из тоекратного страдания человеческого нисхождения.

Теперь, это действительно тяжело одеть в слова то, что он, как совместно-схватя свои собственные переживания, говорил теперь сводной матери. Но так как мы ведь Духовно-научно подготовлены, то может также с помощью Духовно-научных формул и выражений быть попробовано изложить заключение разговора по его смыслу. Естественно это, что я теперь имею сказать, не было так говорено, но это вызовет приблизительно некое представление о том, что Иисус теперь, как представление, желал вызвать в Душе сводной матери: Когда так взглядывают назад в развитие человечества, тогда представляет себя совокупная жизнь человечества на Земле так, как отдельная человеческая жизнь, только измененная для поздних поколений, неосознанная ими. После-Атлантическая жизнь человечества, можно было бы так сказать, выступила так перед Душой Иисуса из Назарета: как сперва после природного события развила себя некая пра-Индийская культура, где великие святые Риши (Rishis) могли донести свои сокровища-мудрости до человечества. Другими словами: это была некая спиритуально-духовная культура здесь. Да, так говорил он, так как в отдельном человеке есть некий детский возраст здесь между рождением и седьмым годом, где властвуют совсем другие Духовные силы чем в поздней человеческой жизни, так действовали Духовные силы в это пра-Индийское время. Потому что эти силы были здесь не только вплоть до седьмого года, но изливались над целой жизнью, то было человечество в некоей другой эволюции, чем позднее. Тогда знали насквозь через целую жизнь то, что сегодня ребенок знает и переживает вплоть до седьмого года. Сегодня мыслят так между седьмым и четырнадцатым, и четырнадцатым и двадцать первым годом так, как именно мыслят, потому что потеряли силы детства, которые у нас сегодня будут отключены в седьмом году. Потому что таковые тогда были излиты над целым человечеством, эти силы, которые есть здесь только вплоть до седьмого года жизни, то были люди в первой после-Атлантической эпохе ясновидящими. Да, это была Золотая временная эпоха

(Zeitalter) в развитии человечества. Затем пришла некая другая временная эпоха, здесь в целом человечестве были действенны силы, расширенными над целой жизнью, которые иначе действенны только между седьмым и четырнадцатым годом жизни. Затем пришла третья временная эпоха, в которой были действенны силы, которые сегодня действуют между четырнадцатым и двадцать первым годом. И затем жили мы в некой эпохе, в которой были излиты силы над целой жизнью человечества, которые иначе действенны между двадцать первым и двадцать восьмым годом. Здесь приближаемся мы, однако, уже, так говорил Иисус из Назарета, к середине человеческой жизни, которая лежит в тридцатых годах, где для отдельного человека, силы юности прекращают восходить, где он начинает осуществлять нисхождение. Мы живем теперь в такой временной эпохе, которая соответствует двадцать восьмому вплоть до тридцать пятому году отдельного человека, где человек начинает нисхождение жизни. В то время как у отдельного человека другие силы еще есть здесь, которые позволяют ему жить дальше, то в целом человечестве нет ничего здесь. Это есть великая боль, что человечество должно стать старческим (greisenhaft), имеет свою жизнь позади себя, что оно стоит в возрасте между двадцать восьмым вплоть до тридцать пятого года жизни. Откуда приходят новые силы? Силы юности исчерпаны.

Неким таким способом говорил Иисус своей сводной матери о нисхождении для целой жизни, которую начинает развивающееся далее человечество, что некая несказанная боль выражалась в его словах, так что было видно, это было теперь как безнадежно, совсем безнадежно для человечества. Силы юности исчерпаны, человечество может теперь идти навстречу старческому возрасту. Отдельный человек, это знал он, ведет через то, что ему остается некий остаток сил, свою жизнь дальше между тридцать пятым годом жизни и смертью. Человечество, однако, не имело так нечто; в него должно было сперва нечто войти: то, что отдельной жизни некого человека является необходимым между двадцать восьмым вплоть до тридцать пятого года жизни. Макрокосмически должна была Земля быть просветлена силой, которой иначе человек должен был быть просветлен там, где он проделывает нисхождение жизни между двадцать восьмым и тридцать четвертым годом.

Что человечество, как таковое становится старым, это есть мысль, это есть ощущение, которую видят теперь в Акаша-Хронике и чувствуют во время рассказа Иисуса из Назарета. В то время как он так говорил матери, в то время, так сказать, как из его слов звучал смысл развития человечества, здесь знал он в некое мгновение, в котором как бы все, что было в его Самости (Selbst), перетекло в его слова, так что с ними из его собственного существа продолжалось дальше нечто, ибо его слова стали тем, что он сам был. Это был также момент, где теперь втекло в Душу сводной или воспитывающей матери то Душевное существо, которое жило в его телесной матери, которая умерла после исхождения Заратустра-Я в тело другого Иисуса-мальчика Земли и начиная с двенадцатого года жизни Иисуса жила в Духовных регионах. Она могла, начиная с теперь, про-одухотворить (durchgeistigen) эту Душу сводной матери, так что таковая жила с Душой телесной матери Натанического Иисуса-мальчика.

Иисус из Назарета, однако, так интенсивно соединил себя со словами, в которых он запечатлил всю свою боль о человечестве, что эта Самость была как исчезнувшей из жизненных оболочек и его жизненные оболочки теперь опять были так, как они были, как он был маленьким мальчиком, только про-питанные (durchtrdnkt) всем тем, что он пере-страдал начиная со своего двенадцатого года. Я Заратустры ушло прочь и в его трех оболочках жило только то, что осталось через мощь переживаний. В этих трех оболочках делал себя теперь действенным некий импульс: он гнал его по некому пути, который затем привел его к Ионанну Крестителю. Как в некоем роде сновидения, который, однако, все-же опять не был никаким сновидением, но неким высшим сознанием, так шел он по пути и только три оболочки были здесь, про-одухотворенные и про-пульсированные (durchpulst) действиями переживаний, начиная с двенадцатого года. Я Заратустры ушло прочь. Три оболочки вели его так, что он едва воспринимал нечто из того, что было вокруг него. Он жил, прямо потому, что Я было прочь, совсем в просмотре судьбы людей, в том также, что нехватало человеку.

Как он так шел туда по пути к Ионанну Крестителю на Иордане, здесь встретились ему два Ессея, с которыми он часто вел разговоры. Так, как он был теперь, не распознал он обоих Ессеев, ибо его Я-самость (Ichheit) была как отрешенной. Они, однако, знали его. И поэтому заговорили они к нему: Куда идет твой путь, Иисус из Назарета? - То, что он им говорил, попробовал я одеть в слова. Он говорил слова так, что они не знали, откуда они приходили, они приходили из него и все-же не из него: Туда, куда Души вашего рода не желают взглянуть, где боль человечества может найти лучи позабытого Света.

Это были слова, как они приходили из него. И они не поняли его речь; они заметили теперь, что он их не распознал. И они говорили дальше: Иисус из Назарета, не узнаешь ты нас? - И теперь пришли еще более странные слова. Это было, как если он им говорил: Вы есть как заблудшие Ягнята, я, однако, был Пастыря Сын (Hirten Sohn), от которого вы убежали. Это есть давно уже, что вы в Мир от меня сбежали.

Ессеи не знали, что они должны о нем думать, ибо тем, что он так казалось говорил, приняли его глаза совсем особые отпечатки. Они были как взглядывающими наружу и все-же опять вовнутрь. Они были как глаза, в которые в своем выражении имели нечто, как от упрека для с ним разговаривающих Душ. Это были глаза, через которые излучалось это, как от мягкой Любви, но от такой Любви, которая для Ессеев становилась упреком, который приходил из ее собственной Души. Так примерно можно характеризовать то, что ощущали Ессеи, как они слушали его: Что есть вы за Души? Где есть ваш Мир? Почему облачаете вы себя в обманчивые оболочки? Почему горит в вашем Внутреннем некий огонь, что не разожжен в моем Отца ДOME (Vaters Hause)?

И это оглушило как бы их Души при этих словах. И он говорил дальше: Вы имеете Искусителя Метку (Versuchers Mal) на вас, который встретил вас в вашем бегстве. Он сделал своим огнем вашу шерсть блеской (gleiЯend). Волосы вашей шерсти колят мой Взгляд. Вы заблудшие Ягнята! Он пропитал ваши Души высокомерием.

Как он выговорил слова: Блеской стала ваша шерсть, волосы этой шерсти колят мой Взгляд - здесь взял один из Ессеев слово и сказал: Не указали ли мы Искусителю на Двери? Он не имеет никакой части более у нас. - Так как это Ессеи говорили, сказал Иисус дальше: Вполне указали вы ему Двери, все-же он бежал туда и пришел к другим людям. Так нападает он на них со всех сторон. Вы не возвышаете себя, если вы других унижаете. Вам кажется все-же только, как если вы себя возвышаете, потому что вы другим позволяете быть уменьшенными! Вы остаетесь так высоко как вы есть, и только потому что вы других делаете меньшими, так кажетесь вы себе великими.

Иисус из Назарета говорил так, что это могли заметить Ессеи. И так как он это говорил, было это так удручающе для Ессеев, что они более не могли смотреть. Их глаза затемнились и Иисус из Назарета был как из их глаз исчезнувшим. Затем, однако, как он исчез, здесь увидели они как издалека его Лицо, но увеличенном в великанское, как некую фата-моргана (Fata Morgana) перед собой, далеко, далеко прочь и как из этой фата-моргана говоря, приходили сюда слова, нечто, что они ощущали как: Тщетно есть ваше стремление, потому что пусто ваше сердце, которое вы наполнили Духом, который гордость в оболочках смирения обманчиво скрывает.

Затем исчезла также эта фата-моргана и они остались удрученными и пораженными. Как они опять могли смотреть, видели они, что он уже прошел дальше некий участок пути, в то время, как они видели Лицо. И они не могли ничего делать, как иметь сознание, что он уже некий участок пути прошел дальше. Удрученно пошли они дальше в свой приют Ессеев, и они не рассказывали никогда нечто из того, что они пережили, но молчали об этом все время своей жизни. Они стали через это, все-таки, самыми углубленными в Душе среди своих со-братьев, но они молчали и стали во всем молчаливыми братьями, которые ничего не говорили, кроме того, что было необходимо для повседневного понимания. Их братья не знали, почему изменилась их сущность. Вплоть до своей смерти не предали они ничего из того, что они вняли. Они со-пережили, отсюда, совсем особенным способом то,

что произошло как Мистерия Голгофы. Но для других было это, что они пережили, как невоспринимаемо.

Как Иисус некое время пути прошел дальше, здесь встретил он некого человека, который в своей Душе был глубоко отчаявшимся. Но, как сказано, как отрешенным был Иисус для Земных взаимосвязей, так что ему непонятно было, что нечто, как некий человек подходило к нему. Тем более так глубоким делала его сущность впечатление на этого человека, который в своей Душе был так отчаявшимся, что он производил впечатление самого всеглубочайшего страдания. Мощное впечатление, которое эта Душа имела во взгляде Иисуса из Назарета, как он сюда пришел, разомкнуло Иисусу из Назарета слова, которые примерно так могут быть говорены: К чему твоя Душа привела свой путь? Я видел тебя прежде многих тысяч лет; тогда был ты другим!

Все это слушал этот отчаявшийся человек, как говоримым из явленности Иисуса из Назарета, которая именно подходила. Через эти слова, почувствовал себя Отчаявшийся сказать следующее. С одной стороны чувствовал он потребность своей Души чтобы высказаться, с другой стороны, чтобы найти ответ самой своей судьбы: Я донес это в своей жизни до высоких званий (Wyrden). Я учился всегда; через свое выученное восходил я среди своих со-людей (Mitmenschen) ко все более и более высоким званиям. Каждое звание делало меня более гордым и часто говорил я себе: Что есть ты все-же за редкий человек, так блестяще возвышающийся над тебя окружающими людьми (ьber deine Nebenmenschen)! Я чувствовал ценность своей Души, которая должна была быть большей ценности, чем Души других людей. Мое высокомерие восходило при каждом новом звании. Здесь имел я однажды некое сновидение. Ах, что было это за ужасное сновидение! Не только, что я сновидел, но тем, что я сновидел, была моя Душа исполнена чувством стыда. Ибо я стыдился, чтобы так нечто сновидеть. Я был в своей жизни так горд! И теперь сновиджу я так нечто, что я никогда мог бы сновидеть, и это казалось мне в сновидении хорошим. Я сновидел, что я ставил себе один вопрос: Кто сделал меня великим? И здесь встала одна сущность передо мной, которая сказала: Я сделал тебя великим, я возвысил тебя, все-же за это есть ты мой! - Это было, что я чувствовал как глубочайший позор, что я теперь получил откровение,

что я якобы не был некой Душой, которая была избранной, которая вошла через собственную силу; некое другое существо возвысило меня. В сновидении обратился я в бегство. Я, как я пробудился, действительно обратился в бегство, оставил все свои звания. Я не знал, что я искал и так странствую я, убегая от себя и от того, что достиг, уже долго по Миру, стыдясь всего того, что я однажды в высокомерии мыслил.

Как отчаявшийся человек проговорил эти слова, встала сущность, которая говорила ему в сновидении, опять перед ним, между ним и Иисусом из Назарета. Покрыла эта сновидческая сущность облик Иисуса из Назарета. И как сновидческий образ опять превратился, как в тумане разошелся, здесь также Иисус уже ушел дальше. Как Отчаявшийся осмотрелся вокруг себя, видел он его уже прошедшим некий целый участок пути дальше. Здесь должен он был тогда в своем отчаянии тащиться дальше своим путем.

Затем пришел Иисус из Назарета навстречу человеку, чья проказа (Aussatz) и чье страдание уже вошли до высшего. И через то, что эта Душа ощущала, чувствовала себя опять-таки сущность Иисуса из Назарета принужденной к словам, которые слушал Прокаженный. Это были опять-таки слова: К чему твоя Душа привела свой путь? Я видел тебя прежде многих тысячелетий; тогда был ты другим!

Через эти слова стал Прокаженный определенным, чтобы говорить; опять-таки неким аналогичным способом, как прежде был Отчаявшийся определенным, чтобы говорить. Прокаженный сказал: Я не знаю, как я прихожу к болезни; она подступила ко мне постепенно. И люди более не терпели меня среди себя. Я должен был странствовать в глухоту, мог едва вымолить перед дверьми то, что люди мне выбрасывали. Здесь пришел я одной ночью вблизи некоего густого леса. Здесь увидел я, как из некоего просвета мне приходящее навстречу некое дерево, которое само светясь, мне свето-мерцало навстречу. Я имел побуждение, к дереву, которое так светясь мне свето-мерцало навстречу, подойти поближе. Дерево притягивало меня. И как я пришел вблизи дерева, здесь выступил на меня как из света дерева, некий скелет. Я знал: Смерть есть это, которая в этой форме стоит

передо мной. И смерть сказала мне: Я есть ты; я изнуряю тебя. Не страшись! - Однако скелет говорил дальше: Почему страшишься ты? Не любил ли ты меня однажды через многие жизни насквозь? Только ты не знал, что ты меня любишь, ибо я являлся тебе как прекрасный Эрц-ангел (Erzengel), Архангел; его верил ты, любишь. - И затем стояла не смерть передо мной, но Эрц-ангел, которого я часто видел и о котором я знал: Это есть образ, который я любил. Затем исчез он. Я, однако, пробудился только на следующее утро, лежащим на дереве, и нашел себя так, что я был еще более бедственным, чем прежде. И я знал, что я в жизненных наслаждениях любил то, что в себялюбии во мне жило, что все совместно связано с сущностью, которая мне как смерть и как Эрц-ангел являлась, которая утверждала, я люблю ее, и я якобы есть она сама. Теперь стою я перед тобой, о ком я не знаю, кто он есть. - И теперь явился опять-таки Эрц-ангел и затем смерть и поставила себя между Прокаженным и Иисусом из Назарета. Как Прокаженный только увидел Эрц-ангела, исчез Иисус, и затем исчезла также смерть и Эрц-ангел. И Прокаженный должен был идти дальше и видел только, как уже дальше ушедшего, Иисуса из Назарета.

Это были такие события, которые предоставлялись по пути, если следуют ему Акаша-Хроника-мерно, который Иисус из Назарета прошел между разговором с матерью и Иоанново-Крещением в Иордане.

Мы затем увидим завтра, как эти события, которые разыгрались во встрече с двумя Ессеями, во встрече с Отчаявшимся и во встрече с Прокаженным, действовали дальше в оболочках Иисуса из Назарета, как то, что здесь при соприкосновениях с Миром, которые Иисус, который был как отрешенный, едва понимал, тесно переплелись с тем, что он принял при Иоанново-Крещении в Иордане.

Кому эти события, которые я здесь рассказал, явятся странными или чудесными, эти события, которые прямо разыгрались между разговором со сводной или воспитывающей матерью и Иоанново-Крещением, тому могу я только сказать: Они могут явиться странными; они представляют себя истинно здесь при исследовании Акаша-Хроники. Они представляют события, которые все-таки есть

так уникальны в своем роде, как они должны быть уникальны, так как они есть подготовка к одному событию, которое также могло иметь место только однажды, к событию, которое мы называем Мистерия Голгофы. Кто не желает согласиться с мыслью, что тогда однажды в пределах Земного развития человечества разыгралось нечто особенное, тому целый ход развития человечества будет тяжело понятным.

Кельн, Второй доклад, 18 Декабря 1913

Прежде, чем я дальше пойду в рассмотрении жизни Христа Иисуса, я хотел бы сделать некоторые, по крайней мере, намеченные замечания об образе, как такие вещи были найдены. Дело может, ведь, естественно идти только о том, чтобы с немногими словами охарактеризовать некую чрезвычайно обстоятельную вещь. Но я хотел бы, все-же, чтобы вы имели некое представление о том, что можно назвать оккультное исследование, которое идет вплоть до степени, через которую проникают к таким конкретным фактам, как мы вчера, например, могли здесь рассматривать.

Сначала можно ведь напротив этим вещам сказать: Эти исследования основываются на некоем чтении Акаша-Хроники. - В общих чертах я, в статьях, которые появлялись в журнале "Люцифер-Гносис (Lucifer-Gnosis)" под титулом "Из Акаша-Хроники (Aus der Akasha-Chronik)", указал, как некое такое чтение в Акаша-Хронике должно схватывать. Теперь, должно быть ясным о том, что различные факты Мировсвершения и Мировбытия должны быть находимы различным способом, и так хотел бы я теперь как бы то, что уже было сказано, еще точнее принести к выражению. Это есть хорошо, чтобы твердо удерживать, что беря в основе, в Мировселенной существует ничто другое, как сознание. Кроме сознания каких-то существ есть в конце концов все остальное, принадлежащее области Майа (Maia) или великой Иллюзии. Эти факты можете вы взять особенно из двух мест в моих писаниях, также еще из других, особенно, однако, из двух мест: прежде всего из представления совокупной эволюции Земли от Сатурна вплоть до Вулкана в "Тайнонаука

в очерке (Geheimwissenschaft im UmriЯ)", где излагается продвижение от Сатурна к Солнцу, от Луны к Земле и так далее, прежде всего только в состояниях сознания. Это называется, желают взойти к этим великим фактам, то должно так далеко восходить в Миро-свершении, что имеют поделаться с состояниями сознания. Итак, можно, собственно, излагать только сознания, если излагают реальность. Из некоего другого места в моей книге, которая появилась этим летом, "Порог Духовного мира (Die Schwelle der geistigen Welt)", должно взять равное. Здесь показано, как через постепенное восхождение видящий взор поднимается над тем, что вокруг нас расширяет себя как вещи, как процессы в вещах, как это все, так сказать, как некое ничтожное исчезает и расплавляется, уничтожается и окончательно достигается регион, где есть только еще сущности в каких-то состояниях сознания. Итак, действительная реальность Мира есть сущности в различных состояниях сознания. Что мы живем в человеческом состоянии сознания и об этом состоянии сознания не имеем никакого полного обзора, это задеиствует, что нам то, что никакая реальность есть, является как некая реальность.

Я это сравнительным образом уже часто выдвигал. Вам нужно только предположить следующий вопрос: Есть некий волос, некий человеческий волос, как таковой некая реальность, также только в ограниченном смысле? Имеет он некую самостоятельную состоятельность (Bestand)? Бессмысленностью было бы сказать, некий человеческий волос имеет некую самостоятельную состоятельность. Некий смысл имеет это только, рассматривать его так, что его схватывают как растущим при человеческом теле, иначе это не может происходить, он не может состояться сам по себе. Рассматривать некий волос как реальность, которую имеют во взоре только в обычной жизни, как самостоятельную сущность, также только в земном смысле, это ощущает поэтому каждый как бессмысленность, так как нигде некий волос не может состояться обособленным. Отдельное растение ощущают часто как отдельную сущность, и все-же есть оно равно также мало некая отдельная сущность, как некий волос. Ибо что есть волос при голове, это есть растение при организме Земли, и не имеет вообще никакого смысла рассматривать отдельное растение. Землю должно рассматривать аналогично человеку и все растения на Земле, как принадлежащие Земле, как волос на голове человека. Так

же мало, как вне головы может состояться некий волос, так же мало может состояться некое растение, как самостоятельная сущность вне организма Земли. Важно принимать во внимание, где должно прекратиться, когда рассматривают перед собой некую сущность, как некую сущность саму по себе. Но в последнем смысле, который может достичь человек, все то, что не коренится в некоем сознании, не есть никакая самостоятельная сущность. Все коренится в некоем сознании и, именно, различным способом.

Возьмем однажды некую мысль, итак то, что мы как люди мыслим. Сначала есть эти мысли в нашем сознании, но они есть не только в нашем сознании. Они есть одновременно в сознании сущности следующей Иерархии, Ангела. В то время как мы имеем некую мысль, есть наш целый Мысле-мир, например, мысль Ангела. Ангелы мыслят наше сознание. И потому вы распознаете как, когда восходят к Видению (Sehertum), должны развить некое другое ощущение напротив созерцанию сущностей высших Миров, чем в обычной внешней действительности. Когда мыслят так, как о физически-чувственном Мире, о земном бытии, не могут взойти к некому высшему Видению. Должно здесь не просто мыслить, но должно самому быть мыслимым и иметь об этом некое знание, что будут мыслиться. Это не есть прямо легко, потому что для этого человеческие слова сегодня еще не отчеканены, чтобы точно охарактеризовать то, что имеют здесь за ощущение напротив своему созерцанию. Но можно примерно как - выберем некое сравнение - так сказать, что выполняют всевозможные движения и эти движения наблюдали бы не на себе, но взглядывали бы в глаз некого рядом находящегося человека и там наблюдали бы отражение собственных движений и сказали бы себе: Когда здесь наблюдают, то знают из этого, что это или то исполняют руками или мимикой. Это чувство имеют уже при следующей ступени Видения. Знают только в общем, что мыслят, но наблюдают себя в сознании сущности следующей высшей Иерархии. Позволяют свои мысли мыслить Ангелам. Должно знать, что не сами дирижируют свои мысли в своем сознании, но что сущности следующей высшей Иерархии дирижируют эти мысли. Должно чувствовать сознание Ангела, про-волнующим и про-вплетающим себя. Тогда достигают как бы некого открытия о продолжающемся импульсе развития, например, об истине Христос-Импульса, как он также еще действует дальше, после того, как он

однажды здесь есть. Ангелы могут эти импульсы мыслить; мы люди, можем их мыслить и характеризовывать, если мы ведем себя напротив нашим мыслям так, что мы их даем Ангелам, так что таковые мыслят в нас. Это достигают равно через продолжающе установленные упражнения, как я это описал в моей книге "Как достичь познаний высших Миров? (Wie erlangt man Erkenntnisse der hçheren Welten?)". С некого известного момента, соединяют некое чувство, некий смысл со словами: Твоя Душа не мыслит теперь более; она есть некая мысль, которую мыслят Ангелы. - И тем, что это для отдельного человеческого переживания становится некой истиной, переживают в себе, скажем мы, мысли всеобщего Христос-Существа или также другие мысли о мудром водительстве Земной эволюции.

Те вещи, которые соотносят себя на отдельные эпохи Земного развития, на пра-Индийскую эпоху, на пра-Персидскую эпоху и так далее, они мыслятся Архангелами. Через дальнейшее упражнение (Iben) приходят к тому, чтобы не только мыслиться Ангелами, но переживаться Архангелами. Должно только в дальнейшем ходе своего упражнения прийти к тому, что знают: Ты предоставляешь свою жизнь для жизни Архангела. - В книге "Порог Духовного мира" изложено некоторое более точное об этих вещах, именно, как получают чувство, когда свои упражнения продолжают дальше - также в Мюнхене говорил я об этом - с гротескными словами, как если голову засунули бы в некую муравьиную кучу. Муравьи есть мысли, которые движутся. В то время как в обычной жизни мнят, что человек мыслит свои мысли, приходят через упражнение к тому, чтобы увидеть, что мысли мыслятся в ком-то, потому что Ангелы мыслят в ком-то. И в дальнейшем ходе упражнения получают чувство, что переносятся через Архангелов в различные области Мира и через это учатся узнавать эти области. Кто правильным способом излагает Египетскую культуру, Индийскую культуру, тот знает только как некий смысл соединить с тем, что называется: Твоя Душа будет перенесена неким Архангелом в это или в то время. - Это есть так, как если соки нашей жизни знали бы, что они поддерживают жизненный процесс и в организме как кровь проводится вокруг. Так знает Видящий: он Архангелом проводится вокруг в жизненный процесс Мира.

Но вещи, которые соотносят себя на проникновение Душой некоего отдельного переживания, они могут быть исследованы, когда Душа соединяет некий смысл со словами: Душа пред-подносит себя как еда пра-Началам или Архай-ям (Urbeginnen oder Arhai), Духам Личности. - Это так равно сказанное выглядит так гротескно, но истинно есть это, что не могут исследовать такие конкретные факты, как жизнь Иисуса из Назарета, прежде чем соединят некий смысл со словами: съедаются как Духовная пища и служат так Духам Личности. Это есть нечто, что само-разумеется для человека, который стоит сегодня во внешнем Мирае, слышится как безумство. Само-разумеется! Но все-же, так истинно кусок хлеба, который идет в наш желудок, становится нашей пищей - и если он мог бы раздумывать, то он знал бы, что он имеет некий смысл и цель жизни, тем что он становится нам пищей - равно также истинно есть это, что мы люди, имеем смысл, чтобы служить Архай-ям пищей. В то время как мы здесь на Земле прогуливаемся, есть мы одновременно сущности, которые пожираются, съедаются Архай-ями. Вы не будете отрицать, что люди в обычной жизни это не знают, что они это назвали бы безумством, если им кто-нибудь так нечто сказал бы. Человек напротив Архай-я есть то же самое, что пшеничное зерно есть для вас как физического человека. Однако знать это не теоретически, но так жить напротив Архай-я, как жило бы пшеничное зерно, когда оно размалывается через наши зубы, идет через небо и желудок с таким сознанием: Я есть еда человека - так также знать: Я есть еда Архай-ев, я буду переварен Архай-ями, это есть их жизнь, которую я живу в них - это знать живо, называется установить себя в сознание Духов Личности, Архай-ев, равно также как это называется установить себя в сознание Архангелов, когда знают: Твоя Душа будет преносима Архангелом в это или то время - и как это называется установить себя в сознание Ангелов, когда знают: Мои мысли мыслятся Ангелом.

Состояния переживания должны стать другими, если желают читая проникнуть в высшие Миры. Необходимо есть, быть пожранным со знанием Духами Личности, если должны быть исследованы те факты, которые стоят так конкретно, как жизнь Иисуса из Назарета в развитии человечества.

Наверное служат замечания, которые я сделал, все-же также в некоторой мере к тому, что совсем друго-родное этого оккультного исследования предлагается напротив исследованиям во внешнем мире. Ибо образ вы можете насквозь продумать и существуют для вас верные остановочные пункты: Вы можете установить себя в пшеничное зерно, которое будет раздроблено в кашу, размельчено между зубами, чтобы получить представление о том, что есть насквозь аналогично верно, когда дело идет о чтении в сознании Архай-ев. Должно также здесь быть Душевно раздробленным и должно это чувствовать. Это называется, высшее исследование не есть возможно без внутреннего трагизма, без внутреннего страдания. Так напрочь-гладко абстрактно, что это не делает больно, так как проходят исследования в физическом мире, так не достичь некоего исследования в высших Мирах, если оно должно быть более, чем фантастикой. Отсюда, усердствования, которые я пробовал вчера: отвлекся при изложении Иисуса-мальчика от абстрактных понятий, от абстрактных изложений. Вспомните, на что я в сущности ваше внимание направлял как на то, на что приходится главное. Я сказал: Так была жизнь Иисуса из Назарета между двенадцатым, восемнадцатым, двадцатым и вплоть до тридцатого года. - Что здесь излагают, это есть меньшее, на что приходится главное. На что это приходится, это есть получить некое живое чувство о том, что Иисусова Душа проделала, тем что она пережила то что было изложено, чтобы почувствовать боль одиночества, бесконечную боль, чтобы здесь стоять с пра-истинами, для которых не было здесь никаких ушей, чтобы слышать. Указать желал я на жизнь ощущений Иисуса из Назарета. Тройную великую сочувствующую боль человечеству для времени с двенадцатого вплоть до тридцатого года, желал я изложить. Не так очень через то, чтобы вы события, которые я попробовал наметить теперь сам себе или другим рассказать, чтобы знали вы нечто о значении Иисуса-переживании как о некоем подготовлении к Мистерии Голгофы, но через то сперва, чтобы вы создали себе некое представление, которое глубоко подвигает и потрясает вашу Душу, некое представление о том, что должно было быть исстрадаено этим человеком Иисусом из Назарета, вплоть как он мог подступить к Мистерии Голгофы, с тем чтобы Христос-Импульс мог влиться в Земное развитие.

Через это будет вызвано некое живое представление об этом Христос-Импульсе так, что это страдание опять пробуждают себе, так что должны излагать факты, которые соотносят себя на такие вещи, как таковые сейчас рассматриваемые, тем что пытаются реализовать ощущения. Это можете вы извлечь из образа Акаша-исследования, который я попытался охарактеризовать в некой паре слов. Чем больше это удастся, чтобы эти вздымающиеся, волнующиеся и вплетающиеся ощущения некого такого существа, как это был Иисус из Назарета, опять ощутить в себе, тем больше проникают в такие тайны.

Что отныне наступает в этом Иисусе-мальчике - я не нуждаюсь это излагать, об этом было часто говорено - что через Иоанново-Крещение в Иордане в три оболочки Иисуса из Назарета, после того как они были про-одухотворены через жизнь Заратустра-Я в них, вступило Христос-Существо, итак некое существо снизошло из области Духовного мира и это имело дальнейшую судьбу, теперь насквозь через три года быть в некоем человеческом теле, быть завязанном на некоем человеческом теле. Важным есть это, что мы делаем себе ясным, что это собственно есть за некий факт. Ибо, беря в основании, различается этот факт совсем значительно от всех других фактов Земного развития. И в момент, где мы подступаем к событию, через которое в оболочки Иисуса из Назарета вселилось Христос-Существо, подступаем мы к нечто, что собственно не есть более только некое человеческое дело Земного развития. Это должно также однажды сделать себе ясным.

Можно рассматривать это дело с человеческой точки зрения. Тогда говорят: Существовал однажды некий человек, как мы его излагали. Он принял Христос-Существо, Христос-Импульс. - Но можно вещь также рассматривать совсем по-другому, хотя рассмотрения, которые имеют при этом установить, должны очень скудно протекать на представлениях; это однако, ничего. Мы будем способны после нашего Духо-научного приготовления нечто при этом мыслить.

Предположим однажды, мы сидели бы в совете людей не как люди и рассматривали Мистерию Голгофы, но мы сидели

бы в совете высших Иерархий, как некое существо высших Иерархий и рассматривали Мистерию Голгофы. В Духовном отношении такое изменение точки зрения полностью возможно. Это позволяет сравнить себя примерно с этим: Когда мы имеем некую гору перед собой, на средней высоте которой лежит некий поселок, можно видеть поселок снизу, можно, однако, рассматривать его с вершины горы. Это совсем естественно, что в большинстве Мистерии Голгофы рассматривают с человеческой отправной точки. Можно, однако, также однажды взойти в сферу высших Иерархий. Как говорили бы тогда о Мистерии Голгофы? Тогда должно было бы сказать: Как Земля начала со своим развитием, здесь имели существа высших Иерархий с людьми определенные намерения. Они желали земное развитие направлять определенным способом. Но в это пред-видящее управление земных дел человечества вмешался сначала Люцифер. Здесь, итак, смотрят как некое существо высших Иерархий на Земное развитие вниз, как человеческие судьбы желают направлять - здесь изменяет Люцифер направление этого развития, которое желали направить в другой форме.

Теперь смотрят далее вниз на эволюцию человечества и говорят себе: Не все, что здесь совершается внизу, совершается через нас. Здесь продолжательно вмешивается Люцифер. Через то, что Люцифер вмешался и позднее также еще пришел Ариман вдобавок, есть напротив деяниям высших Иерархий некий чуждый элемент в развитии человечества здесь внутри. Можно это выразить так, что эти существа высших Иерархий говорили себе: Вплоть до некой известной степени является земное поле для нас потерянным. Здесь есть внутри силы, которые это земное поле вместе с человеческими Душами удаляют от нас.

Теперь, совершается управление через высшие Иерархии так, что таковые ступенчато-образно, по своим собственным силам, участвуют при этом водительстве, прежде всего самые наинизшие. Дела Земного развития проводятся так, что хотя высшие существа вплоть вверх до наивысших деятельны, что они, однако, об известных делах позволяют заботиться через своих слуг, через Ангелов, Архангелов и Архай-ев, так что прежде всего таковые вторгаются в эволюцию.

Мы устанваливаем себя, так я говорил - само-разумеется во всем смирении - в совет высших Иерархий, не в совет людей. Мы можем тогда сказать: Здесь есть наши посланники, Ангелы, Архангелы и Архай-и; они могли бы наши приказания так хорошо исполнить, если в земном поле не были бы внутри чуждые силы. - И здесь выходит затем великий совет Богов, который примерно ведет к следующему результату: Потому что мы не были в положении, чтобы сдержать Люцифера и Аримана от земного развития, через это потеряли наши слуги, Ангелы, Архангелы и Архай-и возможность чтобы с некого определенного временного пункта делать то, что должно было бы быть сделано в нашем смысле. - И этот временной пункт был именно тот, в который выпала Мистерия Голгофы.

Как этот временной пункт надвинулся, должны были Боги высших Иерархий сказать: Мы теряем возможность, чтобы наши слуги вторгались в человеческие Души. Через то, что мы не могли сдержать Люцифера и Аримана, есть мы в состоянии вплоть до этого временного пункта действовать через наших слуг. Затем возникают в человеческих Душах силы, которые не могут более быть дирижируемы Ангелами, Архангелами и Архай-ями. Люди отпадают от нас через силы Люцифера и Аримана.

Это было действительно - если нам так позволено сказать - "настроение Небес", как приблизился временной пункт, с которым новое время исчисляет свое начало. Что через их слуг не могло более достаточно было заботиться для людей с некого определенного временного пункта, это было великим "страхом" Богов. Вы не будете недопонимать выражение, ибо вы подготовлены через Духо-науку, что выражения получают некий другой смысл и ценность ощущения, если их обслуживают себя ими для характеристики высших Миров.

Этот Божественный страх надвигался; все мучительнее и мучительнее и мучительнее становился он - если нам так позволено сказать - в Небесах. Здесь возникло решение, ниспослать Солнечный Дух, пожертвовать им, тем что сказали себе: Он должен впредь выбрать некий другой жребий, чем сидеть в совете Богов; он должен втянуться в сценическое место, где живут человеческие Души. Вплоть до

теперь жил он среди нас, в сферах высших Иерархий; теперь втягивается он через врата Иисуса в Земную ауру.

Так было это в совете Богов, как наступила Мистерия Голгофы. Так выглядит вещь сверху. Мы имеем поделаться итак с неким делом, Землей руководящих Богов, не только с неким человеческим делом. Вещь может быть так рассмотрена, что не только спрашивают себя: Что должно совершиться для человечества, чтобы оно не потерялось на покатом пути? - но с другой стороны могло бы быть так спрошено: Что имеют поделаться Боги, чтобы создать некое выравнивание для того, что совершено тем, что мы Люцифера и Аримана должны допустить при Земной эволюции.

И теперь можно создать себе некое ощущение, что Мистерия Голгофы есть еще нечто другое, чем некое голое земное дело, что это есть дело Богов, некое событие Божественного мира. Истинно, значимее еще чем это было для людей, что они могли принять Христа, было это для Богов, что они должны отдать Христа на Землю.

И что есть собственно, беря в основании, распознавание Мистерии Голгофы еще вне того, что здесь в ней можно распознать центральное событие Земли? - Что тем, что смотрят на Мистерию Голгофы, видят ее как некое дело Богов; что Боги здесь открывают некое Небесное окно, что они свои дела проделывают некое время перед глазами людей и что человек может наблюдать при этом деле Богов! Это должно научиться чувствовать тем, что взглядывают на Мистерию Голгофы, чтобы это есть так, как если ходили перед всегда закрытым Небесным домом и как если в этом пункте проходили мимо некоего окна и через это окно позволительно взглянуть на то, что иначе всегда было невидимым за стенами места пребывания Богов.

Так чувствует себя также в благоговении действительно оккультно ощущающий человек напротив Мистерии Голгофы как некто, кто крадется вокруг некоего дома, что повсюду закрыт, только угадывая, что происходит внутри. При этом месте, однако, есть некое окно, через которое он может быть свидетелем некоего малого отрезка того, что происходит

внутри. Такое некое окно напротив Духовному миру есть для людей Мистерия Голгофы. Так должно ощущать то, что здесь совершилось, как Христос-Существо снизошел в тело или собственно в три оболочки Иисуса из Назарета. Все глубже и глубже должны мы себя проникнуть этой идеей, что мы есть наблюдатели через Мистерию Голгофы при некоем деле Богов.

Когда говорится о таких вещах, должны слова быть использованы другим способом, чем в обычной жизни. Должно говорить о нечто, как о "страхе" "боязни" Богов перед временным пунктом, который затем должен был быть исполнен в Земной эволюции с Мистерией Голгофы. Должно использовать слова для священно-Духовного дела человечества в пере-отчеканенном способе. Это есть бесконечно легко для всех тех в Мире, которые только слишком готовы, чтобы из глупости, из фривольности, из тщеславия или из других оснований унижить то, что подразумевается в наисвятейшем смысле. Нужно ведь делать ничто другое, как что-нибудь, что отчеканено как слово, так перевернуть, как желают иметь слово в экзотерической жизни. И имеют возможность в его противоположности перевернуть некую такую вещь, которая для человеческой Души является закругленной, когда она высказывается только из внутренней необходимости, чтобы возвестить истины Духовного мира, которые так тяжело выхватываются Душой. Искажают ее тем, что находят ее насмешливой, дьявольской, сатанической, когда в Душе наличествует должная фривольность, должная легкомысленность. Это в наше время только слишком распространено в Душах. И только слишком узка бдительность тех, кто здесь должны бы охранять сокровище священно-Духовных истин, которые в наше настоящее время должны вселиться в сердца людей.

Как велика уютность, с которой хотели бы приблизиться к своему Духу! Как часто должно видеть достойное плачевности! Когда только некая малость говорится из материализма о Духе, то объявляют люди себя через это легко удовлетворенными, потому что они не должны при этом напрягаться, особенно не должны напрягать свою душевность (Gemt). Должно чувствовать, как через то, что участвуют при священно-Духовном рассмотрении наисвященнейшего дела Земного развития, имеют некую

ответственность напротив Блага (Gut) сокровищ знания, которые соотносят себя на Духовный мир. Фривольность нашего времени на этой области так велика и принимает это так легко. Вы будете видеть ее выныривающей здесь и там всегда опять, наверное однако в ее цельной мерзости только будете замечать, когда вы достаточно бдительны и ваши сердца достаточно воспламенены для наисвященнейшего Духовных истин. Наверное, можете вы затем их оценить и через это быть хорошими стражами Духовных сокровищ, которые мы все совместно призваны охранять.

Можно некое так серьезное слово наверное наилегчайше говорить здесь, где имеют указать на так нечто важное, как есть это: что Мистерия Голгофы не только есть некое человеческое дело, но некое дело Богов и что мы как через некое окно взглядываем в это дело Богов. Но прямо то, что совершается к такой характеристике, будет искажено неким таким способом, что я здесь об этом вообще не хотел бы говорить. Затем, наверное, придет для всех вас временной пункт, где вы должны мысле-настроиться на истину, что мы слова должны отчеканить для чувственного мира, если мы желаем их применить к сверх-чувственному Миру и что это есть легко тогда, чтобы истолковать их в другом смысле.

Популярное Христианство дало то, что я теперь отметил, словами: Отец пожертвовал человечеству своего Сына! - В этих словах отчеканенно лежит также для человеческих сердец, которые желают чувствовать, в популярном роде отмеченным то, о чем в истинном смысле может быть сказано: Мистерия Голгофы есть некое дело Богов!

И если мы совместно возьмем то, что я высказал, то мы сможем получить некое представление о том, что я привел в факте, который мы описываем как Иоанново-Крещение в Иордане. За ним следовало затем то, что ведь также отмечено в Евангелиях: искушение. С лицезрительного пункта Акаша-Хроники мы примерно скажем: После того, как Иисус из Назарета принял в себя Христос-Существо, должен он был идти в одиночестве. И в одиночестве имел он теперь визионарное переживание, которое приблизительно верно изложено в словах ясновидческого Евангелического писателя. Можно высказать это в аналогичном способе;

должно только быть равно отмечено, что теперь Христос-Существо было действительно в связи с тремя телами Иисуса из Назарета. Это называется, оно снизошло из Духовных высот и теперь было завязано на способностях трех тел. Это было бы, итак, ложно, если некто желал представить себе, что Христос теперь, потому что он все-же принадлежал некому высшему Миру из которого он снизошел, мог бы равно рассматривать высший Мир, имел бы в него прозрение. Это есть не тот случай. Кто найдет это непонятным, тот должен все-же обдумать, что это называется, что некто есть некий ясновидящий. Кто есть некий ясновидящий? Вы все есть ясновидящие! Все! Никто не есть здесь, кто не есть некий ясновидящий. Почему не ясновидит он? Потому что он не образовал органы, чтобы обслуживать себя силами, которые есть во всех людях. Дело идет не о том, что мы имеем способности, но о том, что мы их можем использовать.

Христос-Существо имело все возможные способности, но в трех оболочках Иисуса из Назарета имело оно только те способности, которые соответствовали трем оболочкам, трем телам Иисуса из Назарета. Отсюда, должно оно также быть так сложно подготовленным, так как способности этих трех оболочек все-таки были высокими способностями, которые больше значат, чем соответствующие способности всех других людей на Земле. Но Христос был завязан на них, так истинно, как ваши ясновидческие способности завязаны на органах, которые вы имеете и только еще не можете использовать. Это было возможно через способности, которые оставила Заратустра-Душа в трех телах Иисуса из Назарета, чтобы теперь Христос обслуживал себя этими Заратустра- способностями в их сверх-остатке в трех телах, чтобы сначала выступить напротив некому существу, которое всю гордость, все высокомерие, какие возможны некой человеческой Душе, должно было взбудоражить. Этому существу выступил напротив Иисус из Назарета.

В это мгновение почувствовал он, что это существо задействовало в нем через свою внутреннюю речь видение: То, что в Библии изложено словами: "Все царства, которые ты вокруг тебя видишь", это были царства Духовного мира, "которые могут твоими быть, если ты меня как господина этого Мира признаешь!". Когда приносят это в гордости,

высокомерии к наивысшему и с этой гордостью входят в Духовный мир, то могут в пределах этого Духовного мира через то, что высокомерие затопляет все, прийти в обладание царства Люцифера, если оставят позади все, за исключением высокомерия. Только как человек, не являясь для этого организованным; выступили бы напротив некой ужасной судьбе.

Перед этой возможностью был поставлен Иисус из Назарета. И теперь вынырнули в его Душе два образа: один образ, который соответствовал переживанию, которое он имел на пути к Иордану с человеком, которого я вам излагал вчера, как Отчаявшийся. И перед Иисусом из Назарета стоял опять облик, который подступал к Отчаявшемуся в сновидении. Этот облик выглядел опять как тот, который здесь сказал: Признай меня как господина Мира. - Затем распознал он также опять в облике того, кого он пред воротами Ессеев видел как Люцифера. Через это знал он теперь, что к нему говорил Люцифер, и - он отразил его нападение назад. Он победил Люцифера.

Здесь подступили две сущности в некоем втором нападении к нему и то, что он получил как впечатление, соответствовало опять-таки приблизительно тому, что излагается в Библии. Сказано было ему: Покажи все твоё бесстрашие, твою крепость, что ты как человек можешь, тем что ты бросишься вниз с высот и не устроишься перед повреждениями. - В некоем таком случае должно пробудиться всему в силе сознания, в смелости, которая человека однако также может сделать смело-вольным (mutwillig). Два облика стояли перед ним. Через то, что Иисус имел впечатление перед Ессеевскими воротами, это были Люцифер и Ариман, которые там убегали прочь и через то, что он имел впечатление, в котором некий облик облачался как сущность, которая Прокаженному, которого он встретил на пути к Иордану, показал себя как смерть, через это распознал он теперь Люцифера и Аримана. Так было опять пережито то, что он пережил на том пути. Также эту атаку отразил он. Он победил Люцифера и Аримана!

Здесь подошел Ариман еще раз. И теперь было также то, что Ариман как некий род искушения сказал пред Христом

Иисусом, нечто, что позволяет воспроизвести себя со словами Библии: "Сделай, чтобы эти камни стали хлебом, чтобы показать твою власть". Но теперь было это, что Христос Иисус не полностью мог дать ответ на то, что требовал Ариман. Первое и второе нападение мог он отбить: нападение одного Люцифера и совместно Люцифера и Аримана, которые взаимно-сторонне парализовывали себя. Но теперь не мог он отбить нападение Аримана. Что так нападение Аримана не могло быть совсем отбито, это сохранило некое значение для действенности целого Христос-Импульса на Земле.

Я должен уже в некой примерно популярной, да почти тривиальной форме, характеризовать то, что это называется: Сделай эти камни хлебом, чтобы они стали пищей для людей. - Аримана, прежде всего через действенность высших Иерархий для остатка Земного развития вплоть до Вулкана, не выбить полностью с поля. Никогда не будет невозможным, чтобы победить внутреннее искушение Люцифера через чисто Духовное усилие: изнутри восходящие желания, вожделения, страсти, что восходит при гордости, при сверх-смелости (Übermut). Люцифер позволяет, если он один нападает на человека, победить себя через Духовное. Также когда Люцифер и Ариман, оба вместе, изнутри наружу нападают на человека, то победа позволяет достичь себя через Духовные средства. Когда, однако, Ариман есть один, погружает он свою действенность в материальное свершаемое Земной эволюции. Здесь его не совсем выбить из поля. Ариман, Мефисто (Mefisto), Маммон (Mammon) - это покрывается ведь этими понятиями - они вставлены в деньгах, во всем том, что совместно связано с эгоизмом. Тем, что всегда необходимо, что человеческой жизни примешивается нечто из того, что внешне есть материалистично, должен человек считаться с Ариманом. Должен был Христос верно помочь человеку на Земле, то должен он был позволить быть Ариману действенным. Ариман, материальное, должен со(вместо)-действовать вплоть до окончания Земной эволюции. Через Христа должна была действенность Аримана оставаться непобежденной. Ариман был не полностью побежден. Христос должен позволить, чтобы биться с Ариманом вплоть до конца Земного развития. Ариман должен был здесь остаться.

То, что мы имеем во Внутреннем при нападениях Люцифера, при нападениях Люцифера и Аримана одновременно, можем мы как люди победить. Битвы в материальном внешнем мире должны быть выдержаны вплоть до окончания Земного развития. Отсюда, должен был Христос хотя удерживать Аримана в шахе, но позволять ему существовать рядом с собой. Отсюда, могло свершиться, что Ариман также рядом с Христом на Земле оставался действенным в течение трех лет, в которые Христос действовал в теле Иисуса из Назарета и что он затем вошел в Душу Иуды и был деятельным в этой Душе до предательства Христоса. Что произошло через Иуду, связано совместно с тем, что есть не совсем разрешенный вопрос искушения после события при Иордане.

Мало-по-малу сперва, медленно и постепенно соединяло себя Христос-Существо с тремя телами. Это длилось три года. Сначала было оно только слабо соединено и только постепенно вдавливалось оно себя в три тела. Только как оно подошло к смерти, было некое действительное проникновение трех тел Христос-Существом здесь. И всему страданию и боли напротив, которые Иисус из Назарета, как я вам излагал, пережил в трех стадиях своего развития, есть бесконечно больше то, что теперь Христос претерпевал, тем что он в течение трех лет мало-по-малу достиг возможности, чтобы совсем погрузиться в три человеческие оболочки. Это была продолжающаяся боль, но некая боль, которая опять-таки превратила себя в Любовь и Любовь и Любовь. И здесь пришло следующее: Когда мы так рассматриваем в первом, втором и в третьем году тот род, как Христос Иисус жил в кругу своих близких учеников, то есть это различно в разные годы. В первый год был Христос, как сказано, слабо соединен с телом Иисуса из Назарета. Здесь происходит во всякие мгновения, что физическое тело здесь или там есть и Христос-Существо странствует тем временем вокруг. Где в других Евангелиях рассказывается, что господин здесь или там являлся своим ученикам, здесь было физическое тело при некоем другом остановочном пункте, в то время, как Христос в Духовном странствовал вокруг по стране.

Это было в начале. Затем соединяло себя все больше и больше Христос-Существо с телом Иисуса из Назарета. И затем свершалось позднее, когда Христос шел в кругу своих

близких учеников, что таковые были связаны с ним внутренним способом так, что он так сказать жил не обособленно от них. Чем больше он вживался в свое тело, тем больше вживался он в наивнутреннейшую сущность своих учеников. Теперь шел он в окружении своих учеников через страну. Вскоре говорил он через этого, вскоре через того другого ученика через внутреннее сообщество, как он вживался в других, так что когда шли через страну, говорил более не только Христос Иисус, но один из учеников; но Христос говорил через него. И с некой такой властью вживался он в учеников, что выражение лица ученика, через которого Христос говорил, так изменялось, что кто извне слушал из народа напротив тому, кто здесь говорил, имел чувство, это есть мастер-учитель. Другой, однако, который был Христос, так совпадал совместно в себе, что он как бы выглядел как обыкновенный. Это была тайна его действительности в последнее время трех лет.

И когда он так странствовал со своими учениками и являлся он врагам все опаснее, тогда сказали таковые: Как можем мы его установить? Не можем же мы целое окружение схватить? Ибо не известно ведь никогда, когда хватают того, кто здесь говорит, имеют ли истинного или ложного. Хватают ложного, тогда уходит истинный. Никогда не знали, имеют ли в том, кого видели перед собой, теперь, также истинного. Это был великий страх! Знали, что однажды этот, однажды другой говорил, и истинного не распознавали, потому что он принимал обычную форму некого другого.

Было нечто чудесное с этим окружением. Отсюда, было необходимо, чтобы свершилось предательство. Ибо так, как дело обычно представляется, таким не было оно. Что должно ведь называться, что Иуда, должен был дать поцелуй некому, который был истинный? Это было бы все-же по обычному изложению не тяжело, чтобы схватить Иисуса из Назарета. Поцелуй не имел бы никакого смысла, когда некто, кто здесь точно мог знать, который есть истинный, должен был указать его тем, которые это не знали. Но из отмеченного основания не знали ведь враги, кто был истинный.

Только как великие страдания встали перед ним непосредственно, как наступила Мистерия Голгофы, здесь было установлено некое полное соединение Христос-Существа с телами Иисуса из Назарета. Здесь свершилось затем то, что ведь красивым способом изложено в других Евангелиях. Прежде всех вещей, есть для видящего взора, который направляется Акаша-Хроника-мерно на то, что тогда свершилось, полностью некий действительный факт, что в то время как Христос повис на Кресте, в области Голгофы далеко вокруг Земли было затемнено так, как при некоем Солнечном затмении. Я не могу сказать, идет ли дело о некоем Солнечном затмении или о мощном облачном затмении, но некое такое затмение, как оно иначе может быть наблюдаемо при некоем Солнечном затмении, было вокруг события Мистерии Голгофы.

Когда оккультный взор рассматривает жизнь на Земле при некоем таком затмении, тогда показывает себя ему все живое совсем по-другому, чем когда некое такое затмение не есть здесь. Совместная связь эфирного тела и физического тела есть у растений некая совсем другая; и также у животных представляют себя астральное тело и эфирное тело в течение некоего такого затмения совсем по-другому. При некоем таком Солнечном затмении есть это совсем по-другому, чем когда Солнце просто отсутствует ночью. Естественно, не есть это так, когда в обычном смысле небо покрыто облаками, но только, когда наступает некое особенно плотное затмение, и некое такое наступило тогда. Как сказано, я еще не знаю, было ли это некое Солнечное затмение, но то что есть увидеть, это есть так, как некое Солнечное затмение. В течение этого затмения на Земле, также в физическом смысле, перешло то, что мы называем Христос-Существо, в живую Земную ауру. Земля приняла через смерть Христоса Иисуса Христос-Импульс.

Великое, что произошло на Земле, должно запинаяще-говорить с простыми словами, потому что собственно человеческими словами невозможно это Великое как-нибудь также только приблизительно чувство-соразмерно изложить.

Затем, как тело Иисуса было снято и положено в гробницу, есть это опять-таки некое действительное наблюдение, что

наступило некое природное событие, как нечто, что вступает в моральную человеческую жизнь. Возник некий вихревой ветер, образовалась некая Земная трещина, которая приняла тело Иисуса, в то время как пелена были развеяны прочь вихрем с трупа. Потрясающим есть это наблюдение, что беспорядок пелен, как это изложено в Иоанна-Евангелии, выдается действительно рассматривающему взору.

Эти оба события: Земное затмение, землетрясение и мощный вихревой ветер, они показывают нам так в некоем пункте Земного развития, как природные события наступили одновременно с Духовными событиями. Иначе имеет место нечто такого рода только у живых существ, как например, некое движение рукой которому предрасполагается волевое решение и мышление. Развитие Земли происходит так, что мы в обычной жизни имеем поделаться только с механическими фактами. Только в некоем особенном мгновении имеем мы поделаться - также при других фактах Земли, но при этом факте в наивысшей мере - с совместным совпадением некоего Духовного факта с двумя физическими.

Я не верю, что через рассмотрение этого конкретного факта, которое теперь возможно, что рассказывать некому малому числу Душ как некий род Пятого Евангелия, может повредить великой идее, которую мы создали себе больше теоретически о значении Мистерии Голгофы. Наоборот, я верю, кто позволит этим конкретным фактам действовать на себя все глубже и глубже, чувствует усиленным то, что раньше больше теоретически, больше мысленно-мерно было преподнесено о Мистерии Голгофы. Будет распознано из рода этих фактов, что в этом временном пункте нашего Земного развития, важные события этого Земного развития были исполнены.

Достигнут наверное сперва верное ощущение и Душевный нюанс напротив Мистерии Голгофы через познание этого конкретного факта и этот нюанс ощущения желал я через то, что я сообщил из Пятого Евангелия, положить в ваши Души. Наверное тот или другой, кто мог участвовать в других циклах, или также опять-таки однажды друзья здесь в Кельне, еще нечто другое смогут со-рассмотреть из Пятого Евангелия. Ибо должны мы сказать это: Совсем не взирая на

то, что человечество показывает так мало склонности, чтобы принимать такие факты, как они есть, о которых теперь говорится, не взирая на это была великая необходимость в наличии, чтобы такие факты прямо теперь вливались в Земное развитие. Отсюда, были они сообщены, вопреки тому, что это есть истинно тяжело говорить об этих вещах. И вопреки тому, если следовали бы своей склонности не хотеть бы говорить об этом, будут они сообщаться из некоего внутреннего обязательства, пока они могут быть говорены человеческим Душам. В них будут нуждаться в развитии человечества. Души, которые их теперь принимают, будут нуждаться в них совсем наверняка для работы, которую они имеют исполнить в Душевно-Духовном отношении в дальнейшем развитии человечества.

Вы видите, мало-по-малу учимся мы узнавать через наши рассмотрения то, что должно ожить в наших Душах, чтобы мы стали верными членами в далее шагающей эволюции человечества. Это есть ведь смысл развития человечества на Земле, что человеческие Души все более сознательнее познают свои задачи.

Христос явился. Его Импульс действовал как факт. Долгое время мог он как факт больше действовать в подсознательном; затем должен он был действовать через прежде понятое. Он действовал через то, что он был, не через понятое. Но все больше необходимым будет это, что люди его также учатся понимать, Христа, который через тела Иисуса из Назарета вовлечен в Земную ауру и с этим в живое человеческое свершение.

Указания

(#1) Гомер (Homer - читается и произносится как Хомер): девятое до-Христианское столетие. Его поэмы "Илиас (Ilias)" и "Одиссея (Odyssee)" есть обе древнейшие греческие эпосы, которые задевают круг сказаний великой троянской войны.

(#2) Сократ (Sokrates), 469-399 до Хр.

(#3) Плато (Plato), 427-347 до Хр.

(#4) Аристотель (Aristoteles), 384-322 до Хр. Сравните Рудольфа Штайнера "Загадки философии в ее истории, изложенные как очерк (Die Rdtself der Philosophie in ihre Geschichte als UmriЯ dargestellt)" (1914), GA 18.

(#5) Цельсус (Celsus), второе столетие после Хр., Платоник. "Истинное учение (Die wahre Lehre)" была первая, против Христиан направленная книга.

(#6) Марк Аврелий (Mark Aurel), 121-180 после Хр.. Римский император с 161-180. Писал на греческом языке свои часто переведенные "Самонаблюдения (Selbstbetrachtungen)".

(#7) Тертуллиан (Tertullian), около 160 вплоть до 220 после Хр. в Картаго (Karthago); около 190 Христианин, с 205 вождь Монтаистов (Montanisten) в Африке. Создал в полемических, апологетических и дисциплинарных писаниях Церковную латынь.

(#8) Оригенес (Origenes), около 185 вплоть до около 220 после Хр.. Греческий Церковный писатель из Александрии. Основатель Христианской Гностики, проторивший путь в эксегезе (Exegese), апологетике (Apologetik) (против Цельсуса) и догматике (Dogmatik). На пятом всеобщем соборе (Konzil) в Константинополе его учение было осуждено как еретическое.

(#9) Коперника (Kopernikus) ... Индекс (Index): Николай Коперник (Nikolaus Kopernikus), 1473-1543. Его уже в 1507 конципированное учение "De revolutionibus orbium coelestium libri VI", посвященное Папе Павлу III, отпечатанному в 1543, попало в 1615 на Индекс, на котором оно оставалось также еще при ограничениях в 1757. Только в 1822 труд был

вычеркнут из Индекса, как Св. Оффициум (Hl. Offizium) объяснил, что издательство работ, которые задевают движение Земли и покойное стояние Солнца, не есть запрещено.

(#10) Джордано Бруно (Giordano Bruno), 1548-1600, итальянский доминиканец. Был как еретик после семилетнего тюремного заключения приговорен к смерти и сожжен.

(#11) Эрнст Геккель (Ernst Haeckel - читается и произносится как Хэккель), 1834-1919, немецкий естество-исследователь. Примкнул как один из первых к Дарвинистскому учению и выстроил его к некоей научной системе.

(#12) что существует совсем консеквентный путь от Геккеля в Духовную науку: Сравните доклад Рудольфа Штайнера "Геккель, Мировые загадки и Теософия (Haeckel, die Weltrdttsel und die Theosophie)" в "Мировые загадки и Антропософия (Die Weltrdttsel und die Anthroposophie)", GA 54.

(#13) в моем небольшом писании о "Реинкарнация и Карма": "Реинкарнация и Карма, с установочного пункта современной естественной науки необходимые представления (Reinkarnation und Karma, vom Standpunkte der modernen Naturwissenschaft notwendige Vorstellungen)". Содержится в "Люцифер-Гносис. Основополагающие высказывания к Антропософии и извещения из журнала "Люцифер" и "Люцифер-Гносис" 1903-1908", GA 34. Отдельное издание Дорнах 1985.

(#14) Чарльз Дарвин (Charles Darwin), 1809-1882, английский естество-исследователь. Основатель Дарвинизма, что называется Происхождения- и селекционная теория через борьбу за существование.

(#15) Есть, однако, покинуты своим добрым Духом, тогда приходят чтобы верить, если идут назад и являются неким приверженцем реинкарнационной идеи, что однажды сами

жили как обезьяна: Соотносит себя на публикацию Безант/Лидбитера, "Человек: Откуда, Как и Куда (Besant/Leadbeater, "Man: Whence, How and Whither")", Лондон 1913.

(#16) что примерно некий Эрнест Ренан (Ernest Renan), который ведь своеобразную "Жизнь Иисуса (Leben Jesu)" написал: Сравните Эрнест

Ренан "Vie de Jesus", Париж 1863, немецкое издание Берлин 1863.

(#17) дурацкая сказка о моей совместной связи с известными Католическими течениями: Анни Безант (Annie Besant) при генеральном собрании Теософского общества в Адьяр (Adyar) (Индия) в декабре 1912 установила утверждение, Рудольф Штайнер, "Генеральный секретарь немецкой секции, который был воспитан Иезуитами, был не способен освободить себя от этого рокового влияния, чтобы воцарить свободу мнения в пределах своей секции." Сравните "Теософист (The Theosophist)", Лондон, февраль 1913. Рудольф Штайнер чувствовал себя побужденным этим, дать некое изложение своего жизненного пути. Сравните Доклад Берлин, 4 февраля 1913 в "Дополнения к полному изданию Рудольфа Штайнера (Beitrdge zur Rudolf Steiner Gesamtausgabe)", No83/84, Пасха 1984.

(#18) Мы знаем из одного цикла докладов, который я держал здесь: Рудольф Штайнер "Миссия отдельных народных Душ в совместной связи с германо-северной Мифологией (Die Mission einzelner Volksseelen im Zusammenhange mit der germanisch-nordischen Mythologie)", Христианиа (Осло) 1910, GA 121.

(#19) Павлово слово (Paulinische Wort): 1. Коринф. 3.

(#20) Я подразумеваю книгу Мауриса Мэтерлинкса (Maurice Maeterlincks) "О смерти (Vom Tode)": Маурис Мэтерлинкс, французско-бельгийский поэт, драматург, эссеист (Essayist), 1862 до 1949, нобелевская премия 1911, "La mort", 1913, по-немецки: "Vom Tode", Jena 1913.

(#21) "Это есть мой многолюбимый Сын, сегодня я его зачал (Das ist mein vielgeliebte Sohn; heute habe ich ihn gezeugt)": Сравните Евангелие Луки 3:22.

(#22) Батх-Кол (Bath-Kol) Батх - дочь, Кол - голос, сравните например: Страк-Биллербек (Strack-Billerbeck), "Комментарий к Новому Завету", 1922, I, стр. 125.

(#23) Рабби Елисер бен Хиркано (Rabbi Eliser ben Hirkano): жил около 90 после Хр.

(#24) Кароб-дерево (Karobbaum): Carob = Ceratonia Siliqua, рожковое дерево (Johannisbrotbaum).

(#25) которые мне в первый раз позволено было сообщить, как мы за недолгое время заложили осново-камень для нашей Дорнах-овской постройки (Dornacher Bau).

(#26) Аминь (AUM): При обращении к заложению осново-камня Дорнах-овской постройки 20 сентября 1913 года, Рудольф Штайнер начал молитву со слова АУМ (AUM); в Христианиа-докладах было произнесено "АУМ, Аминь (AUM, Amen)", в печатном издании, однако, оставлено только слово "Аминь (Amen)".

(#27) "В котором Человек себя отделил от Их Царства (In dem der Mensch sich schied von Eurem Reich)": эта строка перевернутого Отче-наш встречается еще двух вариантах в докладах: "Здесь Человек себя отделил от Их Царства (Da der Mensch sich schied von Eurem Reich)" и "Тем Человек себя отделил от Их Царства (Indem der Mensch sich schied von Eurem Reich)". В данном переводе взят тот вариант, который написанный рукой Рудольфа Штайнера, включен в печатное издание, как приложение.

(#28) добрый старый Хиллел (Hillel): 75 до вплоть 4 после Хр.

(#29) "сообщений": Соотносится на разбирательства с Анни Безант и ее приверженцами, которые тогда были задействованы во внутренних "Сообщениях для членов Немецкой секции Теософского общества".

(#30) Вы знаете, ведь, также достопримечательный факт: смотри указание (#32).

(#31) наше учение безосновательно фальсифицируется: Рудольф Штайнер соотносит себя на Макс Хайндел (Max Heindel), 1865-1919, который в года 1907-1908 под именем Грасхоф (Grashof) прослушал и списал многочисленные доклады Рудольфа Штайнера, которые он затем проработал в своем писании "Розенкройцерская Космо-Концепция или Христианская оккультная наука (Rosicrucian Cosmo-Conception or Christian Occult Science)".

(#32) всю эту особую литературу: литература противников Ханс Фраймарк (Hans Freimark), Куно фон Шалк (Kuno v.d. Schalk), Фердинард Маак (Ferdinand Maack).

(#33) когда нечто о тайне обоих Иисус-мальчиков проникло в общественность: Впервые говорил Рудольф Штайнер об обоих Иисус-мальчиках в докладах в Базеле от 15 вплоть до 26 сентября 1909 о "Лука-Евангелие (Lukas-Evangelium)", GA 114. Затем в трех открытых докладах в июне 1911 в Копенгагене, которые в печатной форме появились в первом издании в Берлине под титулом "Духовное водительство человека и человечества (Die geistige Führung des Menschen und der Menschheit)", 1911, GA 15.

(#34) Рудольф Ойкен (Rudolf Eucken), 1846-1926, получил в 1908 Нобелевскую премию по литературе, "Можем мы еще быть Христианами? (Können wir noch Christen sein?)", Ляйпциг, 1911, стр. 216, дословно: "Какую непреодолимую пропасть миров ощущаем мы вновь, когда еще в настоящее время епископские предписания говорят о "демонах" и отрицание таковых трактуется как некое изливание неверующего образа мыслей".

(#35) Здесь объясняют тогда смысленные теологи: например Ассириолог (Assyrologe) Петр Йенсен (Peter Jensen) в "Жил Иисус Евангелий действительно? (Hat der Jesus der Evangelien wirklich gelebt?)", Доклад, Марбург, 1910.